

НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2008

Содержание

1. О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
2. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
3. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ “БАЗЫ”
4. ОБЗОР ПОЛЬСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТИ
5. ХОРОШО, ЧТО ОН БЫЛ
6. В ОЖИДАНИИ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ
7. ПЕСНИ
8. КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНС BESCEREMONIA ГАЛЧИНСКИЙ
9. НАКАНУНЕ
10. ВЕЛОСИПЕД ПО-ПОЛЬСКИ
11. КАЗИК-РЕПОРТЕР
12. ОБЗОР ПОЛЬСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ
13. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
14. КНИГА — САМЫЙ КОРОТКИЙ ПУТЬ К КУЛЬТУРНОМУ
СБЛИЖЕНИЮ ПОЛЬШИ И КАЗАХСТАНА
15. ПОЛЬСКИЙ СЫН СОВЕТСКОГО ПОЛКА
16. ГРУЗИНСКАЯ ПОЛОНИЯ
17. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
18. ПУЛИ СВИЩУТ ВСЁ СИЛЬНЕЕ

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В десятую годовщину своего возникновения Польский совет бизнеса учредил чтение цикла лекций в своей резиденции – варшавском дворце Собанских. “Лекции, на которые мы рассчитываем, – говорится в письме ПСБ об этом проекте, – должны носить принципиальный, проблемный характер (...). Замысел состоит в распознавании сложности той действительности, которая определяет нашу современность, нашу жизнь и работу, и в размышлениях о ней. С просьбой прочитать лекции мы хотим обратиться к лицам в высшей степени компетентным и авторитетным, издавна играющим роль в интеллектуальной, политической и культурной жизни Польши, Европы и Америки. Лекции будут предназначены для замкнутого круга приглашенных – имеющих реальное влияние на выработку мнений в кругах интеллигенции, бизнеса, политики и СМИ”.

Куратор цикла лекций – Петр Клочовский. Цикл открылся 14 марта 2002 г. публикуемой лекцией Чеслава Милоша (транслировавшейся на большом экране) и лекцией Рышарда Капустинского.

Редакция журнала «Зешиты литерацке»

Расширение Евросоюза за счет новых стран вместе с параллельным явлением глобализации наводит на вопросы о национально-культурном самосознании отдельных европейских пространств, а в особенности, что нас больше всего волнует, пространства Центральной и Восточной Европы, лишь недавно возвращенного так называемому Западу.

Польша гордится своей принадлежностью к западной культуре, однако этот западный характер во многие периоды ее истории был довольно сомнителен. Даже во времена полной независимости, между двумя мировыми войнами, поэт Ежи Либерт писал о нашей столице Варшаве: “Не Запад тут и не Восток – / Как если б стоя на пороге...”, – а Станислав Игнаций Виткевич говорил, что Польша постоянно подвергается историческим сквознякам. Надо признать, что само географическое положение Польши как страны на пограничье двух цивилизаций – Рима и Византии – способствовало этому историческому неудобству. Стоит помнить и о наследии былой

Речи Посполитой на востоке, с ее смесью языков и вероисповеданий.

Сегодняшней глобализации сопутствует т.н. массовая культура, то есть такая культура, которая родилась поздно, лишь в XX веке, благодаря кино, телевидению, музыкальной индустрии и иллюстрированным журналам. Понятие массовой культуры обычно противопоставляют т.н. высокой культуре. Не подлежит сомнению, что все жалобы на сглаживание национальной самобытности и потерю исторической памяти обращены к массовой культуре. И действительно, начинает создаваться новый тип человека, который живет сегодняшним днем и которого лишь с трудом можно убедить интересоваться тем, что было когда-то. Между тем историческое сознание – великое сокровище. Сошлюсь тут на многие годы, проведенные мною в Америке, в течение которых, подвергаясь натиску массовой культуры, я не перестал писать по-польски и чувствовал себя прочно укорененным в своем языке и своих в высшей степени провинциальных корнях. Ибо историческое сознание существует тогда, когда прошлое той или иной культуры не абстрактно, а явлено в виде множества образов и цитат.

Не будем, однако, жаловаться на потерю памяти, ибо история Европы, включая новейшую, напоминает нам, какие яды хранит коллективная память. Еще недавно в бывшей Югославии шли убийства со ссылкой на битву на Косовом поле и века разделения на мусульман и православных. И у нас есть чувство, что мы ходим по тонкому льду взаимной польско-немецкой, польско-русской, польско-украинской ненависти. Память – дело двусмысленное, и всё зависит от того, к каким ее составным элементам мы апеллируем в поисках ответа на вопрос, что мы такое. Должен признаться, что, преподавая польскую литературу в американских университетах, я осознал, сколь многим обязан моему детству и молодости в Литве и тамошней языковой и вероисповедной запутанности, которая даже жителю Варшавы или Кракова, должно быть, казалась невразумительной галиматьей. И как раз эта густота, особенность и, позволю себе сказать, особливость защищала от обобщений, от т.н. *idées générales*. Я чувствовал себя богаче моих студентов, которые, при всех своих достоинствах, были лишены чувства истории, то есть были совершенно а-историчны.

Надо, однако, заметить, что массовой культуре я тут противопоставляю культуру высокую, т.е. преподавание истории и литературы в лицеях и университетах или, короче

говоря, всё то, чему я сам научился в гимназии им. короля Сигизмунда Августа и [Виленском] университете им. Стефана Батория. В средней школе на уроках латыни я ознакомился с искусством коллективного перевода стихов и применил это на моих семинарах по переводу польских стихов на английский. Хочу также поделиться одним наблюдением, важным для моей темы. Я заметил, что самое трудное в передаче иноязычному читателю – всяческие намеки на историю страны и ее литературы. Но эти-то непонятные слова и предложения – в высшей степени мои собственные, в них коренится богатство традиций, в которых я вырос. Теперь я думаю еще, что плохо было бы, если бы эти предложения и слова стали непонятными ученику польского лицея в объединенной Европе.

Мы недостаточно осознаём, что лишь недавно наступил конец огромной утопии – гигантского плана создания т.н. нового человека и ограждения нашей части Европы оборонительной стеной от заразы сумасшедшей музыки, нефигуративной живописи и литературы, исследующей внутренний мир личности. Огромное это было предприятие – и как бы заведомо безнадежное, ибо влияние “гнилого Запада” проникало сквозь любые щелочки. И тогда в Польше наступала счастливая встреча прозападного прошлого с принудительно провосточным настоящим. Польская интеллигенция была снобистски прозападной, несколько веков она смотрела только на Париж. Помню, что для нас в Варшаве в 1940 году падение Парижа было потрясением – оно попросту равнялось концу Европы. Правда, влияние французской культуры тогда было уже на излете, и Варшава начала бурно учить английский еще в 1938 году. Я принадлежу к тем, кто изучил английский язык во время войны, при немецкой оккупации. Тогда я начал переводить английских поэтов, хотя немного переводил еще до войны, опираясь на французские переводы.

И тут я вставляю одну анекдотическую деталь, пожалуй, красноречивую для польской культуры. Чем занимался я в 1945 году в Кракове, чтобы профилактически противодействовать серости, надвигавшейся с востока? Я составил антологию английской поэзии в разных переводах и отдал ее в издательство “Читательник”. Признаюсь в этом с некоторым стыдом по причине умственного клейма, выдающего мою готовность стать “слугой американского империализма”. Если бы это случилось с человеком правых убеждений, то было бы понятней, но я был левым, и только не нравилась мне утопия, навязанная извне, из Кремля.

Поэзия относится к т.н. высокой культуре, но связи между высокой и массовой культурой сложны и не сводятся к противостоянию. В XX веке такое явление, как музыка Боба Дилана, принадлежит и к той культуре, и к другой. Поэтому на маневры польских литераторов между Западом и Востоком надо посмотреть внимательно. История Польши и польской литературы, как известно, исключительно трагична и запутана. Достаточно подумать о борьбе с этими традициями в драмах Выспянского. Прошное – это романтическая Польша – мученица, Христос народов, но и то, что можно было бы назвать историей энергии. А значит, польская эпоха Просвещения, когда на умы еще не было наложено клеймо неволи. Затем великий порыв романтической поэзии и огромные труды интеллигенции в конце XIX века, когда задачей было сохранить связь с мировой мыслью вопреки тенденции загонять самих себя в навязчивую идею борьбы за независимость. Так или иначе, а это образ Польши, к которому потомки должны были относиться с почитанием и благоговением.

И вот является великий иконоборец Витольд Гомбрович и провозглашает бунт против Польши-богини. Он считает себя мессией, избавляющим Польшу от польского духа. Этот великий пересмешник поначалу встретил признание лишь в элитарных кругах, но постепенно насмешки над самими собой стали общераспространенными и превратились в своего рода шаблон. Любые идеи, распространяясь и популяризируясь, приобретают черты карикатуры. Что-то подобное произошло и с пересмешнической идеей Гомбровича. Поэтому сегодня можно говорить о ее массовом бытовании. Оценивая это издевательство над своей страной и ее историей в столкновении с глобализацией, то есть сглаживанием различий между народами, я сказал бы, что это склонность болезненная. Лекарством тут может оказаться подлинная мысль Гомбровича, отличающаяся от искаженной. Сутью творчества этого писателя была борьба с натиском Запада, понимаемого как необъятное богатство европейской цивилизации. Он задавал себе вопрос, как он, поляк, может устоять перед этим нашествием замечательных умов и талантов. Он, “латинизированный славянин”, всё культурное прошлое которого было перевариванием мотивов, приходящих с Запада. Но западная цивилизация была старой, и он противопоставлял ей нашу “младшесть”, нашу незрелость, именно в ней усматривая бóльшую свежесть и гибкость, освобождающую от господства всё новых условностей и форм. Гомбрович признавался, что он – шляхтич-сармат, но в то же время был одержим идеей философской недообразованности

польских литераторов. В своей критике западных интеллектуальных мод он всегда бил без промаха, попадая в самые чувствительные точки. Он схватывался с экзистенциализмом, структурализмом и французским *le nouveau roman*, говоря: “Чем умнее, тем глупее”. Иначе говоря, он обвинял эти западные течения в недостатке здравого разума и ощущения действительности. Он был за то, чтобы поляк выработал себе независимую позицию, суверенную по отношению к западному престижу, на который работали века.

Мне кажется, что такой Гомбрович – писатель исключительно злободневный в настоящий момент европейской интеграции. Ибо он не представляет ни погружения в собственную партикулярность, ни растворения в однообразной культуре масс-медиа. В своих схватках с Польшей он позволяет вспомнить о Выспянском и его “Освобождении”. Я говорю это с некоторым удивлением, так как нас соединила наша судьба эмигрантов и – как раз – некоторая двусмысленность по отношению к своей национальной принадлежности. Однако, как случается, в весьма помутненные периоды истории лишь постепенно выявляется общественная пригодность чисто индивидуальных актов сопротивления коллективным навыкам. Особая роль тут выпала двум писателям-эмигрантам, которых издавал и пропагандировал редактор парижской “Культуры” Ежи Гедройц.

Впервые напечатано в:

«Zeszyty Literackie», numer specjalny:

Czesław Miłosz, *Historie ludzkie*, 2007

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “Как сообщило в пятницу Главное статистическое управление (ГСУ), в первом квартале текущего года экономический рост [в Польше] достиг 6,1%. Наша экономика — одна из самых быстроразвивающихся в Европе после Словакии и Литвы, а возможно, также Болгарии и Румынии (...) Быстрый рост может привести к росту инфляции, которая уже в апреле составила 4%”. (“Газета wyborcza”, 31 мая — 1 июня)
- “За последние десять лет объем нашего экспорта в пересчете на злотые увеличился почти в три раза (до без малого 380 млн. злотых в 2007 г.), а в пересчете на евро — почти в четыре раза, что делает нас европейским лидером по динамике развития”. (“Ньюсуик-Польша”, 1 июня)
- “Возросшие доходы поляков непосредственно влияют на оснащение наших квартир (...) Как сообщило вчера ГСУ, в 2007 г. уже почти в 98,5% домашних хозяйств имелся телевизор, в 40% — DVD-плеер. В половине семей был компьютер, в 79,3% — мобильный телефон (...) За прошлый год фонд заработной платы вырос во всех секторах экономики на 15%. На предприятиях средняя зарплата выросла в апреле этого года на 12,6% (по сравнению с тем же месяцем прошлого года), достигнув 3138 злотых (до отчисления налога) (...) В конце первого квартала было занято 15,5 млн. поляков. Это почти на 670 тыс. человек больше, чем год назад, и на целых 1,4 млн. больше, чем в тот же период 2006 года. По данным Изучения экономической активности населения (ИЭАН), в конце первого квартала безработица снизилась до 8,1%. Уровень зарегистрированной безработицы составил в апреле 10,5%. ИЭАН не считает безработными лиц, работающих нелегально”. (“Газета wyborcza”, 29 мая)
- “2007 год оказался весьма удачным для книжного рынка. Это видно по оборотам крупнейших издательств и оптовых складов (...) В 2007 г. стоимость рынка составила 2,57 млн. злотых против 2,36 млрд. год назад (...) В 2007 г. издано 21 810 наименований книг, т.е. почти на 16% больше, чем в предыдущем году. 13 260 наименований (почти на 11% больше, чем год назад) было издано впервые. Общий тираж составил

146,4 млн. экземпляров (почти десятипроцентный рост)”.
 (“Жечпосполита”, 15 мая)

• “Всемирный банк объявил, что польская экономика перестала быть переходной (...) Этот вывод не нуждается в доказательствах: сегодня перед нами стоят те же задачи, что и перед значительно более богатыми странами Западной Европы. По оценкам экспертов Всемирного банка, теперь ключ к дальнейшему развитию — инвестиции в образование и инновационные технологии”. (“Жечпосполита”, 15 мая)

• “Мы превратили леса в одну большую свалку. Строительный мусор, бутылки, старые холодильники можно увидеть не только в придорожных рощах, но даже в национальных парках и заповедниках. На вывоз мусора из лесов ежегодно тратится 10 млн. злотых. За эту сумму можно было бы посадить 8 млрд. сосен и дубов”. (“Дзенник”, 6 июня)

• Проф. Юзеф Куцонь (Главная сельскохозяйственная школа в Варшаве): “Катастрофа бескидских лесов (...) Из-за варварских методов лесосечных работ в гористых районах (валки деревьев при помощи лошадей) (...) рвались корни (...) Трелевка по склонам уничтожала естественную водозадерживающую способность почвы (...) В 90-е годы XX в. началась вырубка бука (...) При помощи кольцевых надрезов снималась кора шириной от нескольких до полутора десятков сантиметров. Такие буки высыхали через несколько лет (...) Их древесина предназначалась для топки печей!” (“Бунт молодых духэм”, март-апрель)

• “Качество воздуха в Польше значительно хуже, чем в странах Западной Европы (...) На Западе энергия вырабатывается путем сжигания нефти, природного газа или с помощью электричества. Благодаря этому в воздух выбрасывается значительно меньше вредных веществ, чем в Польше: у нас 90% энергии вырабатывается при сжигании угля”. (Матеуш Вебер, “Дзенник”, 17-18 мая)

• “Согласно опубликованному вчера отчету Института поддержки экоразвития (ИПЭ), экологическое сознание поляков продолжает оставаться на низком уровне (...) Уменьшается число поляков, недовольных экологической ситуацией в стране”. (“Дзенник”, 5 марта)

• “Города, сельские гмины, поветы и воеводства — одним словом, органы местного самоуправления — становятся владельцами все большей части Польши. В их кассы возвращается 40% подоходного налога, который мы платим (...)

Органам местного самоуправления принадлежат также 1667 коммунальных предприятий, находящихся в выгодном положении местных монополистов. К этому следует добавить многочисленные земельные участки и постройки, стоимость которых исчисляется сотнями миллиардов злотых (...) По приблизительным подсчетам, стоимость имущества органов местного самоуправления может составлять 350 млрд. злотых, то есть 20% всего — оцениваемого в триллиард злотых — национального достояния (...) И хотя синекуры работников местного самоуправления бывают непродолжительными (на следующих выборах побеждает другая партия и выметает предшественников), они настолько выгодны, что все чаще наши политики отказываются от скромного вознаграждения депутата Сейма (20 тыс. злотых) и включаются в деятельность органов местного самоуправления. (Михал Зелинский, “Впрост”, 25 мая)

- “На прошлой неделе радомские депутаты проголосовали за введение налога на „отвод дождевой воды с поверхностей с твердым покрытием””. (“Газета wyborча”, 6 июня)
- “Инспекторы Ольштынского отделения Высшей контрольной палаты (ВКП) пришли к выводу, что при вырубке придорожных деревьев на Мазурах неоднократно нарушался закон. Это касается, в частности, памятников природы, посаженных еще до II Мировой войны (...) „Инспекция ВКП подтвердила, что деревья Мазурского поозерья вырубаются бессмысленно и необоснованно. Отчет ВКП послужит нам для дальнейшей борьбы за сохранение в пейзаже Мазур придорожных аллей”, — сообщил председатель Общества охраны мазурского культурного ландшафта Кшиштоф Воробец”. (“Дзенник”, 3 июня)
- Доктор Агнешка Шимецкая (кафедра развития сельских территорий варшавской Главной сельскохозяйственной школы): “Государственные средства, выделенные из бюджетов страны и Евросоюза на сельское хозяйство, превысят в этом году 57 млрд. злотых. Сельское хозяйство вырабатывает всего 2% нашего ВВП (...) Польская деревня обогащается, особенно после вступления в ЕС. По данным Евростата, в 2004 г. доходы в деревне выросли почти на 70%. Подсчитано, что в крестьянских семьях они на 10% выше, чем в рабочих. Одна из причин — прямые дотации, в среднем 6,5 тыс. злотых в год на хозяйство (...) В деревне живет 38% польского общества. У нас 2,7 млн. хозяйств, в т.ч. 1,8 млн. имеющих право на прямые дотации (хозяйства площадью не менее 1 га). Дотации получают, в частности, около 740 тыс. товарных хозяйств,

производящих продукцию на продажу. Однако диапазон доходов в этой группе велик: одни получают 3,5 тыс. злотых дохода, у других годовой оборот составляет 800 тыс. евро. Таких в Польше две тысячи”. (“Газета wyborcza”, 20 мая)

- “Двое поляков, фамилии которых не называются, нашли в вентиляционном отверстии комфортабельной многоэтажки в Бирмингеме 200 тыс. фунтов (около 260 тыс. евро) наличными и передали их полиции. По этому делу возбуждено следствие, — сообщает еженедельник “Санди меркьюри”. Польские монтеры холодильных установок подключали систему автоматического охлаждения воздуха в самом высоком доме Бирмингема, Битэм-Тауэре, в центре города. Работая на 26 этаже, они случайно наткнулись на деньги”. (“Дзенник”, 2 июня)

- “Николя Саркози (...) объявил о принятии долгожданного решения об отмене с 1 июля ограничений по трудоустройству поляков во Франции. „Вы наши друзья, и мы рады вас видеть”, — говорил он в Сейме (...) Впрочем, упомянул он и об общей интеграционной политике ЕС, цель которой — ограничить приток иностранцев. Польша стремится к тому, чтобы шире открыть восточные границы ЕС”. (“Газета wyborcza”, 29 мая)

- “В Польше самый низкий в Европе показатель занятости. Одна из причин этого опасного для экономики положения — всеобщее право на досрочную пенсию. Работают только 57% поляков. В других странах ЕС этот показатель составляет 60–70%. А расходы на досрочное социальное обеспечение выливаются в огромные суммы — ежемесячно каждый работающий поляк платит по этой статье около 210 злотых”. (Радослав Омахель, “Дзенник”, 17–18 мая)

- “Каждый пятый молодой мужчина подумывает о том, не стать ли профессиональным военным (...) Молодых поляков привлекают в армии высокие заработки, возможность быстрого продвижения по службе, а также постоянное и надежное трудоустройство. Не отвращает от мундира даже информация о жертвах в наших миссиях в Ираке и Афганистане (...) Армии доверяют трое из четырех взрослых поляков — это больше, чем число доверяющих Церкви”. (“Дзенник”, 2 июня)

- “Вторая смена польских войск в Афганистане завершила свою миссию (...) Третья смена польского контингента насчитывает уже не 1200, а 1600 военнослужащих — в основном за счет персонала польских вертолетов”. (“Дзенник”, 16 мая)

- “Около трех тысяч польских солдат будет отдано в распоряжение Еврокорпуса — общего войскового соединения, комплектуемого до сих пор Германией, Францией, Бельгией, Люксембургом и Испанией (...) В настоящий момент Еврокорпус насчитывает 60 тыс. военнослужащих”. (“Жечпосполита”, 15 мая)
- “Согласно опубликованному в четверг отчету Еврокомиссии о социальном положении в ЕС, более 35% поляков утверждают, что не могут позволить себе есть мясо, птицу или рыбу хотя бы через день (...) В новых странах-членах Евросоюза процент людей, у которых не хватает денег на мясной обед хотя бы раз в два дня, заметно выше, чем в старых (...) Почти каждый четвертый поляк не может позволить себе покупку автомобиля (...), а около 6% — мобильного телефона”. (“Газета wyborча”, 23 мая)
- “Вот уже несколько лет наша страна удерживает позицию европейского лидера по производству яхт. Только в прошлом году с польских верфей сошло 25 тыс. различных судов этого типа (...) Цена новой яхты — от 100 тыс. злотых. 90% производимых в Польше яхт предназначены на экспорт, годовой объем которого достигает полумиллиарда долларов (...) Фирменный продукт — десятиметровая „Дельфия-33”. В прошлом году престижный журнал „Круизинг уорлд” присудил ей звание лучшего парусного судна, ввозимого в США”. (“Ньюсуик-Польша”, 1 июня)
- “В годы кризиса 2000–2003 гг. задолженность домашних хозяйств росла почти на 10% в год. Потом рост задолженности заметно ускорился, а в течение последних трех лет удвоился. В 2007 г. был установлен рекорд: задолженность домашних хозяйств в банках превысила четверть триллиарда злотых. По сравнению с 2006 г. это означает рост на 72 млрд. злотых, т.е. на 38% (...) В перечнях Бюро кредитной информации (БКИ) (...) фигурируют 16 млн. человек. Иначе говоря, каждый второй взрослый поляк взял (либо брал в прошлом) кредит или ссуду в банке”. (“Политика”, 24 мая)
- “1,2 млн. поляков испытывают проблемы с погашением кредита в срок (...) В среднем каждый из них должен выплатить более 5,6 тыс. злотых, а задержка по оплате составляет по меньшей мере два месяца. В мае этого года общая сумма невыплаченной в срок задолженности составляла 6,73 млрд. злотых. В августе прошлого года она была на 1,73 млрд. меньше (...) За три месяца (с мая) число лиц, испытывающих трудности с выплатой, выросла на 8,5 тыс. За это время сумма

неуплаченных долгов выросла на 500 млн. злотых”.
(Жечпосполита, 3 июня)

- “Впервые за много лет Польская почта может закончить этот год с убытком. За один только прошлый год частные почтовые фирмы доставили 2,4 млрд. посылок. Польская почта — 2,9 миллиарда. В 2008 г. убытки Польской почты могут достигнуть 300 млн. злотых. В 2007 г. приход предприятия от почтовых услуг составил 4,6 млрд. злотых, прибыль же — всего 60 млн. злотых (...) В прошлом году доля частных фирм на рынке составила 45%”. (“Жечпосполита”, 21-22 мая)

- Объявление Агентства военного имущества: “В мае-июне предлагаем вашему вниманию, в частности: военно-морское оборудование — патрульные катера 912 и 918, ракетный катер 205, бронетанковое оборудование — танки Т 72, авиационное оборудование — самолёты МиГ 21, Су 22, артиллерийское, химическое оборудование, стрелковое оружие и многое другое”. (“Ньюсуик-Польша”, 25 мая)

- “В 2009 г. компания „Лотос” будет добывать нефть в Северном море. За долю в месторождении она заплатила 52,5 млн. долларов (...) „Лотос” — вторая польская фирма после Польского нефтегазового концерна АО „ПГНиГ”, купившая месторождение на Северном море”. (“Жечпосполита”, 21-22 мая)

- “В принятом вчера докладе Комиссии по петициям Европарламента ясно говорится, что подводный нефтепровод представляет смертельную угрозу для Балтийского моря (...) „Доклад принят подавляющим большинством голосов (...)”, — сказал вчера обрадованный Марцин Либицкий из „Права и справедливости” (ПиС), председатель Комиссии и автор документа”. (“Дзенник”, 28 мая)

- Проф. Павел Спевак, социолог, бывший депутат Сейма от “Гражданской платформы” (ГП): “Власть ГП очень сильна. Нужно помнить, что это не только парламент, правительство, но и большинство крупных городов, а также воеводских сеймиков. В истории Третьей Речи Посполитой еще не было такой мощной партии. Если бы Туск принял участие в президентских выборах, появилась бы возможность сосредоточить в руках ГП всю полноту государственной власти (...) Я считаю, что закончилась определенная эпоха. На протяжении последних 18-19 лет преобладали три конфликта. Во-первых, конфликт, связанный с различным отношением к коммунизму. Некогда весьма существенный, сегодня он потерял свое значение (...) Второй конфликт касался

отношения к Церкви, религиозных догм, национальной традиции, разновидностей польского патриотизма. Но и это перестало быть подпиткой для политики. Партии, которые опирались на узко понимаемое социальное учение Церкви, на национализм, утратили значение. Третий конфликт касался отношения к рынку: сколько либерализма, а сколько этатизма. Но даже это перестало нас серьезно разделять, ведь никто (...) не ставил под сомнение либеральных основ экономики и макроэкономической дисциплины”. (“Дзенник”, 26 мая)

- Согласно опросу ГфК “Полония”, проведенному 6–9 июня, ГП поддерживают 40% избирателей (что обеспечило бы ей 272 места в Сейме), Пис — 22% (147 мест), Союз демократических левых сил (СДЛС) — 6% (39 мест), крестьянскую партию ПСЛ — 4%, другие партии (суммарно) — 6%. Избирательный порог составляет 5%. (“Жечпосполита”, 12 июня)

- “Роскошные жилые дома строят у нас китайцы. Их контролируют органы госбезопасности КНР (...) Китайские рабочие не выходят с территории проживания. У них не бывает развлечений, они не смотрят телевизор. Работают, спят на нарах — и так изо дня в день (...) Девелопер платит за час работы рабочего 17 злотых (...) Если умножить это на 250 часов работы в месяц, получается 4250 злотых (...) Китайский посредник выплачивает рабочему 300–500 долларов (около 900 злотых) (...) А польский неквалифицированный рабочий зарабатывает на стройке больше 2 тыс. злотых”. (“Газета wyborча”, 6 июня)

- “По подсчетам Института туризма, в течение первых трех месяцев этого года нашу страну посетило 13,2 млн. иностранцев. Это почти на 10% меньше, чем в прошлом году (...) Чаще всего в Польшу приезжают немцы (8,4 млн. человек) и чехи (1,6 млн.). Россиян, украинцев и белорусов приехало более 1,2 млн. (год назад — 2,7 млн.) (...) Зато растет число поляков, выезжающих за границу. В первом квартале их было 10,7 млн., т.е. на 2% больше, чем в прошлом году”. (“Газета wyborча”, 3 июня)

- “Наша страна становится все привлекательнее для иммигрантов. Последние официальные данные ГСУ показывают, что в 2007 г. в Польшу решили поселиться целых 60 тыс. иностранцев (для сравнения: в 1995 г. их было всего 8121) (...) В 2007 г. к нам прибыло больше всего граждан Украины — более 9 тысяч. За ними следуют граждане Белоруссии — 2,2 тыс., далее — граждане России и Вьетнама — ок. 1,5 тыс. Довольно многочисленную группу представляют собой

иммигранты из Армении — 1,3 тыс.”. (“Ньюсуик-Польша”, 1 июня)

- “По меньшей мере 120 беженцев из Вьетнама допросили в Перемышле представители вьетнамских органов госбезопасности. Им помогала наша пограничная охрана, которая свозила беженцев из следственных изоляторов (...) Беженцев допрашивал отдел А-18 вьетнамской народной милиции, занимающейся слежкой за эмигрантами. Их убеждали сотрудничать с ГБ, пугали депортацией (...) Во Вьетнаме правит один из последних коммунистических режимов. В Польше активную деятельность ведет вьетнамская оппозиция”. (“Газета wyborча”, 30 мая)

- “Мне казалось, что после того, как я 30 лет лечил поляков, мне не будет страшно выходить на улицу только потому, что я чернокожий, — говорил 51-летний врач из Эльблонга, которого избили на глазах у жены (...) — Прошло 30 лет, а становится все хуже и хуже. Я постоянно чувствую агрессию, меня обзывают (...) Меня это ранит, так что я размышляю над переездом в другую страну” (“Газета wyborча”, 14 мая)

- “Жители Варшавы потрясены любительским фильмом, в котором заснято умерщвление проникшего в город лося. Защитники прав животных подали в прокуратуру уведомление о совершении преступления. Следователи решат, принял ли егерь правильное решение (...) Неофициально городские полицейские признаются, что уговаривали егеря не убивать лося, говорили, что ветеринар уже едет и усыпит зверя и тогда его перенесут в Кампиновскую пущу”. (“Жечпосполита”, 14 мая)

- “„Лось снова появился (...) в том же месте, что неделю назад. Егерь городских лесов, вместо того чтобы усыпить, застрелил второго лося (...) Две недели назад тут уже видели двух лосей. Ветеринар сказал, что это могли быть братья. Когда одного из них застрелили, второй вернулся и ищет его”, — говорит Агнешка Кубицкая, пресс-секретарь городской полиции”. (“Жечпосполита”, 21-22 мая)

- Бартломей Курась: “Трое туристов виновны в умерщвлении в Татрах медвежонка. Главный виновник в течение восьми месяцев должен отдавать 15% своего заработка (...) Кроме того, в качестве возмещения ущерба Михал Я. должен уплатить Татранскому национальному парку 800 злотых. Иоланта Я. и Даниэль Ш. в течение четырех месяцев будут отдавать 15% своей зарплаты и заплатят компенсацию в размере 500 злотых. (...) Из этого следует, что Михал Я. заплатит ок. 3 тыс. злотых, а

его товарищи — меньше чем по 2 тыс. злотых”. Адам Вайрак: “Я не стану говорить о жестокости, с которой был убит медвежонок (...) Выясняется, что умерщвление находящегося под охраной животного не влечет за собой никаких последствий (...) Штрафы за убийство оленя — по делу о браконьерстве — были бы значительно выше. А уместно напомнить, что у нас в стране не больше 100 бурых медведей”. (“Газета wyborcza”, 5 июня)

- Питер Зингер (Принстонский университет): “Люди причитают и сокрушаются о судьбе убитого медвежонка, уплетая при этом свиную отбивную, то есть кусок животного, которого так же зверски лишили жизни. А свиньи — это ведь чрезвычайно умные создания, которые на многих фермах, в т.ч. и в Польше, все еще живут и умирают в условиях значительно более ужасных, чем те, в которых погиб медвежонок. Почему общественное мнение и СМИ молчат об этом?”

- Проф. Павел Спек: “На заданный в 2007 г. вопрос: „Можно ли доверять людям или осторожность в общении с ними никогда не помешает?” — 77% опрошенных ответили, что „осторожность никогда не помешает”. Несколько лучший результат был получен весной 2008 г.: 72% заявили, что в отношениях с другими нужно быть очень осторожными, а 11% декларировали доверие. В настоящий момент доверяют уже 26% (...) Мы доверяем преимущественно близким. В основном (80% респондентов равнодушно относятся к гражданскому обществу) мы держимся на расстоянии от всякой общественной деятельности. По сравнению с другими европейскими народами мы в этом смысле занимаем последнее место”. (“Впрост”, 25 мая)

- Каждый, кто дозвонится по телефону спасения 112, будет тут же запеленгован с точностью до 100 м, а его номер — даже закрытый — высветится у диспетчера спасательного центра. Локализаторы находятся во всех полицейских и пожарных подразделениях. Новая система стоила несколько миллионов злотых. Приобрести ее заставил нас Евросоюз. Польше даже грозило разбирательство в Европейском суде. Последним сроком был июнь этого года. (“Газета wyborcza”, 4 июня)

- Из интервью президента Леха Качинского: “Антисемитизм, который отравил умы немалого числа людей, — несчастье для Польши. Как явлению ему нет оправдания (...) Поддерживать хорошие отношения с Израилем означает поддерживать их со страной, которая имеет большое влияние на мировой расклад

сил (...) Я католик. Однако я прекрасно чувствую себя среди израильтян”. (“Жечпосполита”, 17-18 мая)

• “„Как всегда, встреча с президентом Лехом Качинским очень меня тронула. Трудно представить себе, что отношения между нашими странами могут быть еще лучше, чем сегодня, — сказал президент Израиля Шимон Перес. — Трудные моменты прошлого нас уже не разделяют. Теперь перед нами будущее, которое нас объединяет”, — добавил он. Лех Качинский принимает участие в международной конференции, посвященной 60 летию образования еврейского государства”. (“Жечпосполита”, 14 мая)

• “Асе Ицхаку Бейчу 19 лет. Он ортодоксальный еврей из США (...), приехал в Польшу на 20 дней (...) Сначала он отправился в Гуру-Кальварию, потом в Варку, где собирался посетить кладбище (...) В Варке он заблудился. Несмотря на то, что пейсы он спрятал под шапкой, как ему посоветовали, когда он приехал в Польшу (...), останавливается какая-то машина. Изнутри трое молодых мужчин что-то кричат ему. Он понимает только одно слово: „еврей” (...) Вокруг стоят два десятка молодых людей. Они кричат, смеются (...) Первый удар по лицу Асы, потом второй. Пинок (...) Главный раввин Польши Михаэль Шудрих: „Очнитесь! Нужно что-то сделать, пока не поздно””. (“Газета выборча”, 24-25 мая)

• “Подросткам из Варки, которые издевались над ортодоксальным евреем из США и побили его, будут предъявлены обвинения в оскорблении действием на национальной почве”. (“Газета выборча”, 27 мая)

• “Главная комендатура полиции создала специальный телефон безопасности для иностранных туристов. Дежурящий на нем сотрудник будет на трех языках (русском, немецком и английском) советовать, как безопасно путешествовать по Польше, а также оказывать помощь в трудных ситуациях. В распоряжении туристов два телефонных номера: 0800200300 — бесплатный, а также 0608599999 — для мобильных телефонов. Оба номера будут действовать семь дней в неделю с 10 до 22 часов (...) Телефон безопасности (...) будет работать до 30 сентября”. (“Дзенник”, 3 июня)

• Директор Музея им. Казимежа Пулавского в Варке: “Варка — не исключение. Такова Польша: у нас нет терпимости (...) Нетерпимость или неприязнь некоторых кругов по отношению к евреям — это проблема всей Польши (...) Такие случаи бывают везде”. (“Газета выборча”, 3 июня)

- “Раздраженные бездействием администрации еврейского кладбища в Сувалках учителя и ученики сами взялись за тряпки и растворитель. Они устранили большую часть намалеванных там свастика. Сувальское еврейское кладбище (...) осквернялось уже неоднократно. Последний раз — в конце октября”. (“Газета wyborча”, 27 мая)

- “Ортодоксальные евреи из нескольких стран съехались вчера в Познань, чтобы впервые почти за сто лет молиться на могиле раввина Акибы Эгера (...) жившего на рубеже XVIII–XIX веков. Он был ректором познанской ешивы и автором многочисленных трудов по религиозному праву. Его считают святым (...) В Польше есть несколько мест, к которым совершают паломничества хасиды. Самые знаменитые — это могилы цадиков Элимелеха Вайсблума в Лежайске и Давида Бидермана в Лелёве”. (“Жечпосполита”, 4 июня)

- “Пользуясь публицистским упрощением, можно сказать, что лицо польской Церкви — это о. Рыдзык, а не Кароль Войтыла. Сегодня мы наблюдаем медленную девойтилизацию Церкви. Конечно, покойного Папу везде цитируют, есть премии его имени, семинары и т.д. Но дух, царящий в руководстве Церкви, — это не дух Иоанна Павла II (...) Я наблюдаю в Церкви также молодое поколение — активных священников. И это не школа Иоанна Павла II (...) В 2008 г. мы имеем дело по сути с возвращением Церкви к умонастроениям поздних 30-х годов, когда государственная власть поддерживала Церковь так, как ее недавно поддерживал Пис”. (Адам Шосткевич, “Газета wyborча”, 31 мая — 1 июня)

- Из интервью с архиепископом Саввой (Михаилом Грицуняком), митрополитом Варшавским и всея Польши: “Паства православной Церкви насчитывает в Польше около 500 тыс. человек, духовенства и монашества у нас 410 человек, храмовых объектов — церквей и часовен — 450, плюс четыре монастыря и четыре монашеских дома. Действуют братства: православной молодежи, Кирилло-Мефодиевское, св. Николая, Трехсвятительское, а также Центр православной культуры. Есть также Православная духовная семинария и Христианская богословская академия в Варшаве, кафедра православного богословия Белостокского университета (...) Супрасльская академия, Иконографическая школа в Бельске-Подляском, Школа псаломщиков в Хайнувке, а также благочиннические институты культуры, радио “Ортодоксия”, церковные издательства и т.д. Церковь занимается также благотворительностью: действуют митрополичий центр милосердия “Элеос”, богадельни в Станиславове, Цеплицах,

Люблине, Хайнувке, Кожине, Грабарке, Тшесътянке, Бельске-Подлясском, Семятычах, социотерапевтические клубы и центры помощи”. (“Пшеглѣнд”, 25 мая)

- “Вчера военная прокуратура России в очередной раз отказала в рассекречивании следствия по делу о катынском преступлении. Частью упорно хранимой тайны являются фамилии советских руководителей, которых российские прокуроры признали виновными в преступлении (...) Засекречены 116 из 183 томов документов, собранных за время следствия (67 томов переданы польским историкам, но без права копирования)”. (“Газета wyborча”, 23 мая)

- Российский юрист Анна Ставицкая, представляющая семьи десяти офицеров (из 26 тысяч жертв катынского преступления), подала в Московский городской суд жалобу на решение суда низшей инстанции, который отказался рассматривать ходатайство по делу об их посмертной реабилитации. Судья Игорь Тюленев, отклоняя жалобу, перечислил фамилии жертв и заявил, что правом апелляции пользуются только лица, права которых были непосредственно нарушены. (“Жечпосполита” и “Газета wyborча”, 28 мая)

- “Истязание до смерти, голод, принудительное купание в проруби, изнасилования — все это для лагеря обычно. Особенность заключается в том, что на этот раз надзирателями были поляки. Созданный в 1945 г. на мельнице в Александрове лагерь был одним из более тысячи мест заключения немцев, которых помещали сюда милиция и госбезопасность. Одной из жертв был отец Густава Беккера, сапожник (...) Вчера на специальном заседании совета Нешавы 72 летний немец был удостоен звания почетного гражданина города”. (“Газета wyborча”, 9 июня)

- Из интервью с Сергеем Карагановым: “Если мы станем демократичнее и богаче, вы будете бояться нас еще больше. Россия всегда будет представлять собой угрозу. Если мы перестанем быть угрозой, то перестанем быть Россией, перестанем быть сильными, свободными и счастливыми людьми”. (“Газета wyborча”, 17-18 мая)

- “Президент Лех Качинский выразил вчера убеждение, что НАТО должно предоставить Грузии гарантии безопасности (...) „НАТО должно доказать свою последовательность и показать, что каждый акт агрессии повлечет за собой реакцию”, — сказал он журналистам в Иерусалиме (...) Вечером о ситуации в Грузии Качинский говорил с президентом США Джорджем Бушем”. (“Газета wyborча”, 16 мая)

- “Президенты Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, которые встретились вчера в Риге, подписали декларацию, в которой поздравили Грузию с демократическими выборами и подчеркнули необходимость сохранения ею независимости”. (“Жечпосполита”, 23 мая)

- “После встречи с Михаилом Саакашвили прибывшие в Киев президенты Польши, Литвы, Латвии и Эстонии распространили заявление, в котором обратились к остальным странам-членам ЕС с предложением обсудить на саммите Европейского совета положение в Грузии в связи с угрозой со стороны России, стягивающей войска в Абхазию”. (“Жечпосполита”, 24-25 мая)

- “„Польша будет продолжать поддерживать Грузию в ее споре с Россией и стремлении к скорому вступлению в НАТО”, — сказал Лех Качинский на торжествах в честь Дня независимости Грузии”. (“Дзенник”, 27 мая)

- “Только благодаря созданию общего фронта молодых европейских демократических государств, в т.ч. Польши, Литвы и Латвии, была предотвращена война между Россией и Грузией”, — делится своими выводами независимая российская публицистка Юлия Латынина на радио “Эхо Москвы”. (“Жечпосполита”, 3 июня)

- “Министры иностранных дел ЕС поддержали подготовленный Польшей проект „Совместное партнерство”, который должен охватить Украину, Молдавию, Грузию, Армению, Азербайджан, а в будущем, возможно, и Белоруссию. Речь идет о сотрудничестве в области транспорта, охраны окружающей среды, пограничной службы, а также о смягчении визового режима”. (“Тыгодник повсехный”, 8 июня)

- “В интервью правительственной „Российской газете” бывший президент СССР Михаил Горбачев заявил, что в беседе с Лехом Качинским в Иерусалиме он просил позаботиться о Ярузельском, поскольку генерал болен. „Я ему сказал: “Что вы там не можете решить проблему с одним далеко не молодым, больным человеком — генералом, который очень много сделал для Польши?” — говорил Горбачев. — (...) Знаю, что он тяжело болеет. Мы с ним все время в разговоре, в переписке. А то, что с ним сейчас происходит, — это преследование и преследование необоснованное” (...) Депутат от Пис Иоахим Бруздинский подсчитал привилегии, которыми пользуется генерал: высокая генеральская пенсия, защита и обеспечение Бюро охраны правительства, лечение в военных госпиталях, которые считаются лучшими в стране”. (“Жечпосполита”, 17-18 мая)

- Тадеуш Мазовецкий, первый некоммунистический премьер-министр Третьей Речи Посполитой: “Генерал Ярузельский как президент всегда вел себя по отношению ко мне лояльно. Помогал, например, влиять на депутатов ПОРП в Сейме, чтобы они поддержали реформы”. (“Политика”, 7 июня)

- “Процесс бывшего милиционера Иренеуша К., избившего 19-летнего Гжегожа Пшемыка, велся уже пятый раз (...) Иренеуш К. был осужден на восемь лет лишения свободы (...) Обоснование приговора прочла судья Моника Незабитовская-Новаковская: „...Иренеуш К. мог и должен был предвидеть последствия сильных ударов, которые он наносил потерпевшему” (...) В мае 1983 г. 19 летний ученик выпускного класса был тяжело избит в комиссариате варшавского Старого города. Он умер в больнице от тяжелых повреждений брюшной полости”. (“Жечпосполита”, 28 мая)

- Апелляционный суд оставил в силе приговор, вынесенный сотрудникам лодзинской скорой помощи. В прошлом году суд приговорил двух бывших санитаров, обвиняемых в убийстве пяти пациентов: Анджея Н. — к пожизненному заключению, Кароля Б. — к 25 годам тюрьмы. Двух бывших врачей, Януша К. и Павла Б., которые были соучастниками санитаров и подвергли опасности жизнь 14 человек, суд приговорил соответственно к 6 и 5 годам тюрьмы. Оба были лишены права на профессиональную деятельность на 10 лет. Осужденные санитары за взятки от похоронных фирм умерщвляли пациентов. Анджеем Н. убивал, впрыскивая эбрантил — лекарство, понижающее давление, или же пробивая трахею инкубационными трубками. Кароль Б. использовал для убийства павулон — миорелаксирующее средство. Жертвы умирали в муках. Тяжело раненных жертв автокатастроф Кароль Б. добивал ударами в голову. Врачи были пассивными свидетелями убийств. Суд оценил дело как “нечто невообразимое для homo sapiens”. (“Дзенник” и “Жечпосполита”, 10 июня)

- “Конституционный суд признал не соответствующим конституции предписание, позволяющее помещать осужденного в камеру, площадь которой меньше 3 кв. метров на человека. Судьи решили, что это предписание утратит силу через 18 месяцев. Это даст польскому тюремному ведомству время на реорганизацию”. (“Тыгодник повсехный”, 1 июня)

- “Суд присудил заключенному по тысяче злотых за каждый месяц пребывания в перенаселенной камере (...) В местах лишения свободы пребывает 85 тыс. заключенных, а большая часть тюрем переполнена”. (“Жечпосполита”, 5 июня)

- “Созданная в апреле „Коалиция защиты животных” хочет добиться изменения правил содержания бездомных животных. „Умерщвление собак и кошек в приютах стало способом заработка. Закон не способствует и уменьшению числа случаев издевательства над животными. Виновные в этих преступлениях остаются, как правило, безнаказанными”, — говорится в заявлении „Коалиции”. Цель “Коалиции” — установление и соблюдение стандартов опеки над животными, а также соблюдение условий их сдачи в приюты. Сегодня гмины заключают договоры с живодерами, платят им за определенное число отловленных животных и не интересуются их дальнейшей судьбой. Результат таков, что в некоторых приютах гибнет до 90% животных. „Коалиция” выступает также за обязательную стерилизацию бездомных кошек и собак. Она будет добиваться подписания и ратификации Польшей Европейской конвенции об охране домашних животных и приведения польского законодательства в соответствие с ней”. (Эва Седлецкая, “Газета wyborcza”, 21-22 мая)

- “В Варшаве гнездится на 30% меньше птиц, чем в 90-е годы. „Все из-за препятствующей витью гнезд конструкции новых зданий”, — объясняет Адам Тарлох из Общества „Аист””. (“Жечпосполита”, 23 мая)

- Анджей Венгжинович, аспирант Института зоологии ПАН: “30 лет назад воробей был вездесущ. Сейчас он покидает последние варшавские районы (...) Количество воробьев в столице резко падает (...) На территории садоводческих участков популяция воробьев по сравнению с 70-ми годами упала на 90%! В жилых районах — более чем на 20%. В парках — по-разному. В некоторых мы вообще не встретим воробьев (...) С воробьем может произойти то же, что с хохлатым жаворонком. Этот вид жаворонка, многочисленный еще в 30-е годы, в Варшаве полностью вымер”. (“Дзенник”, 26 мая)

- “Польский заяц близок к вымиранию: еще в начале 90-х по нашим полям бегало больше миллиона зайцев. Сегодня их наберется едва ли полмиллиона (...) Еще немного, и зайца можно будет вписать в Красную книгу как вид, находящийся под угрозой вымирания”. (“Дзенник”, 4 июня)

- “По статистике, скорость вымирания флоры и фауны на земле достигает 137 видов в сутки. В большинстве случаев виноват в этом человек (...) В Польше под угрозой вымирания находится даже воробей, хохлатых жаворонков уже почти нет, пение жерлянки стало редкостью (...) Застреленный в городе лось и утопленный туристами медвежонок много говорят о

нашем отношении к животным. А животные, которых в сезон отпусков мы ежегодно выбрасываем на улицу, потому что неохота возиться с ними во время поездки? Или те, которых мы разводим — и относимся к ним как к вещам? А пресмыкающиеся, погибающие под колесами машин, потому что мы не думаем о том, что наши дороги пересекают вековые трассы их миграции, вынуждающие их выползать на шоссе? (...) Стоит задуматься об этом, чтобы не заплатить за цивилизацию слишком высокую цену”. (Изабела Марчак, “Дзенник”, 4 июня)

- В прошлом году жители одного из районов Варшавы, по договоренности с районными властями, посадили 300 деревьев и кустов, а потом ухаживали за ними. В этом году всё это было вырвано с корнями... управлением очистки города, потому что “было посажено вопреки садоводческим правилам”. (“Газета wyborча”, 21-22 мая)

- Славомир Мрожек: “Хамов всё больше, и они всё сильнее. На них уже не обращаешь внимания, потому что это они задают тон. Они вездесущи. Это глобальное явление. Мы наблюдаем сегодня огрубление действительности. Всё становится более хамским, и касается это всех сфер жизни. Причин много. Но основная — демография. Людей прибывает, и всё становится массовым: культура, нравы, идеи, эмоции”. (“Политика”, 7 июня)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ “БАЗЫ”

Письмо Виктора Кулерского было опубликовано в декабре 1983 г., через два года после введения военного положения, в подпольном ежемесячном журнале “База”. Автор (ныне член редколлегии “Новой Польши”) тогда активно работал в подполье, был заместителем председателя подпольного руководства “Солидарности” Мазовии (самой крупной региональной организации профсоюза, поставленного вне закона). Позднее стал членом общенационального подпольного руководства “Солидарности”.

Вальдемар Пернах, псевдоним “Веро”, с которым Виктор Кулерский полемизирует, во времена легальной “Солидарности” был советником председателя Всепольской комиссии по энергетике; 17 декабря 1981 г. был интернирован, в августе 1982-го освобожден, в 1983 г. стал одним из учредителей журнала “База”, редактором которого оставался до 1989-го.

Ред.

Глубокоуважаемая редакция “Базы”, глубокоуважаемый Веро!

С чувством огорчения и досады прочитал я статью Веро “Откуда пришли и куда направляются”, напечатанную в №4 “Базы” за август 1983 года. Веро не замечает той своеобразной системы отношений между властью и подвластными, которая на протяжении веков сложилась в России. Он отождествляет государство с народом, аппарат власти с обществом, тогда как в действительности отношения между ними можно сравнить с теми, что существуют между рабовладельцем и рабом, паразитирующим организмом и его кормильцем или даже палачом и жертвой. Пожалуй, нигде больше не возникало и, по крайней мере, так долго не сохранялось столь резкое противостояние власти и подвластных, нигде больше не была вырыта такая глубокая пропасть между аппаратом власти и обществом. На это повлиял исключительно неблагоприятный, несчастливый ход истории, а вовсе не национальные черты русских, то пресловутое “рабство”, в котором мы, поляки, так охотно их упрекаем. Начиная с XIII века русские подвергаются своеобразному и беспримерному выборочному истреблению. Достаточно напомнить о пиковых периодах этого явления, приходящихся на времена татарских нашествий, царствования Ивана Грозного и на период, наступивший после октябрьского переворота. В этом обществе уничтожались прежде всего

средние и высшие слои. Искореняемые безжалостно и почти непрерывно, они заменялись чиновничьим аппаратом, полностью покорным власти. Общественная структура русского народа была повреждена — чтобы не сказать разрушена — способом, который не с чем сравнить, а страну превратили в дом неволи, в бесчеловечную землю. Государство, которое к этому привело, продолжает сталкивать всё новые и новые народы в бездну порабощения и нравственного падения, но нужно помнить, что именно русский народ был первым, который в ней очутился. И ни в коем случае нельзя отождествлять его с таким государством.

В статье Веро нашлось одно-единственное обширное упоминание о русском обществе: “Недовольства общества и потаенного ропота не хватило, однако, для создания существенной оппозиции. Правда, привозимые из-за границы книги передавались из рук в руки, и получила развитие литература, распространявшаяся в списках, но это не было организованной борьбой. Критиковали форму власти, но инстинкт требовал повиновения и даже активного сотрудничества с властью”. Это утверждение — неверное, обидное и недостойное. Те, кто сумел уцелеть в очередных бойнях, и те, кому дано было жить между погромами, пытались в одиночку — и не только в одиночку — оказывать сопротивление, возражать и бунтовать, расплачиваясь за это изгнанием, ссылкой, каторгой, лагерями, психушками, тюрьмами, пытками и смертью. Достаточно вспомнить хотя бы несколько примеров, которые первыми приходят в голову, ибо все они, невзирая на любые различия и независимо от эпохи, свидетельствуют, что имел место отнюдь не только “потаенный ропот”. Были такие люди, как князь Андрей Курбский, Александр Радищев, Петр Чаадаев (кстати, единственный, кого упоминает Веро), Александр Солженицын, Андрей Сахаров. Были декабристы, разночинцы, “Земля и воля”, народники. Были разнообразные, но одинаково утопленные в крови восстания — от Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева вплоть до новейших: Кронштадтского, Тамбовского, Новочеркасского. И не благодаря доброте властителей в конце концов — после отмены крепостного права — дело дошло до реформ судебной системы и внедрения земского самоуправления. Всего этого Веро тоже не замечает. Московское государство-монстр вызывало и по-прежнему продолжает вызывать неприязнь, отвращение и ужас, но нельзя ставить знак равенства между ним и обескровленным, искалеченным народом.

Среди нас еще живут поляки, предназначенные этим государством на гибель. И если им удалось ее избежать, то не раз — благодаря помощи русских, от которых, как пишет Веро, инстинкт самосохранения “требовал послушания и даже активного сотрудничества с властью”. Причины, по которым эти поляки так редко свидетельствуют об этом, пожалуй, понятны, особенно нам и особенно сегодня. Россия — это не только опричнина, охранка и ЧК, но в первую очередь — миллионы русских, против которых было направлено создание этих зловещих учреждений.

Если же касаться частных вопросов, то воистину трудно сообразить, почему существование московской державы, основанной “на насилии, лицемерии и бесправии”, Веро ограничивает периодом от Ивана Калиты до Александра II. А времена Александра III и Николая II, если уж он не хочет говорить о Ленине, Сталине и его преемниках? Столь же трудно догадаться, почему опричнину Веро распространил на весь выбранный таким путем период. Этот новый институт был учрежден Иваном Грозным и [при нем же] в 1572 г. отменен. Или, может быть, это слово употреблено в каком-то другом значении? Но и тогда оно не подходит к такому длительному периоду. Неизвестно, откуда взялось утверждение, будто опричнина располагала абсолютной властью. А что означает фраза: “Постоянная и ежедневная деятельность царизма — это оборонительное наступление против человечества, чтобы не дать ему времени и мужества перейти в наступление”? Неужто Веро хотел сказать, что московское государство должно обороняться от нашествия человечества, а не наоборот? Если да, то поздравляю! Наконец, вопрос некритических восторгов по поводу де Кюстина. Хотя и сегодня этот автор не раз поражает своей меткостью, но все-таки даже благосклонные к нему критики обращают внимание на незнание им России и поверхностность наблюдений, ведущих к ошибочным выводам. А критиковали де Кюстина и те, кого трудно подозревать в невежестве или готовности приукрасить образ России. Примером может послужить хотя бы вышедшее в 1982 г. нью-йоркское издание с предисловием Джорджа Ф. Кеннана, профессора Принстонского университета, советолога и бывшего посла в Москве, высланного оттуда в 1952 году.

В статье Веро до того много образчиков незнания предмета, несправедливости, нечестности и, наконец, обычной неряшливости, что, когда в заключительной ее части я прочитал: “Туда, куда они направляются, им не дойти. Мы не позволим им себя завести”, — то не мог удержаться от впечатления, что “База” уже позволила завести себя “туда”.

“База”, № 7, декабрь 1983

ОБЗОР ПОЛЬСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

В связи с публикацией письма Виктора Кулерского мне показалось уместным предложить вниманию читателей “Новой Польши” мою статью из “Русской мысли” несколько более позднего времени — 1986 года. Она, на мой взгляд, показывает, насколько постоянной была русская и советская тема на страницах подпольных изданий и какие споры вокруг нее разгорались.

НГ

СНОВА РУССКИЕ ИМЕНА

НА СТРАНИЦАХ ПОЛЬСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

Первое из них стало нам известно всего неделю назад из отчаянного призыва, появившегося на страницах вроцлавской “Сражающейся Солидарности” и немедленно перепечатанного нами. Теперь мы располагаем полным текстом приказа о розыске и даже плохонькой, слеповатой (видно, копия с копии), но все же фотографией советского солдата, бежавшего из размещенной на территории Польши воинской части (...). В тексте “фотокоммюнике” Бюро уголовного розыска Главного управления Гражданской милиции (с пометой “СЕКРЕТНО”) говорится:

Варшава, 18.III.1986

Отдел уголовного розыска воеводского УВД в Легнице — по ходатайству советских властей — разыскивает дезертира из Советской Армии:

рядового Алексеева Евгения Анатольевича, 1966 г.р.

Приметы: рост 175 см, худой, черты лица мелкие, волосы светлые, кудрявые, глаза серо-зеленые.

Особые приметы: на руках шрамы от ожогов и фурункулов.

Одет был в: голубые истертые джинсы, темно-голубую куртку на молнии с капюшоном.

Вышеназванный 11.11.1985 г. самовольно отлучился из части, размещенной в Легнице.

Перед призывом на военную службу был связан с кругами т.н. “панков”.

Дезертира задержать и известить отдел уголовного розыска ВУВД в Легнице, а также IV отдел Бюро уголовного розыска ГУГМ.

Начальник IV отдела Бюро уголовного розыска ГУГМ

подполк. магистр СТ. ШКОДЗИНСКИЙ

Тираж 4.700 экз.

Разослано по списку

Прочитав полный текст розыскного листа, можно все-таки вздохнуть с некоторым облегчением: если Женю Алексеева не поймали между 11 ноября и 18 марта — значит, кто-то уже помогал ему скрываться.

Наши читатели, вероятно, помнят опубликованный нами в прошлом году рассказ такого же беглеца, названный “Жизнь и приключения советского солдата в Польше” (“РМ” №3581). Польское подполье уже спасло воронежского паренька Сашу: его скрывали три с половиной года, переправляя из конца в конец страны, пока не нашли способ вывезти его на Запад.

Мы не знаем, удастся ли спасти и сохранить Женю Алексеева, не знаем, что двигало им при побеге, не знаем, наконец, куда он хотел бежать. Но факт остается фактом: сегодняшние русские мальчишки ищут политического убежища у афганских партизан и польских “нелегалов”.

Человека, достаточно знающего польско-русские и польско-советские отношения, но не слишком следившего за настроениями последних лет в Польше, эта готовность **поляков прийти на помощь русскому солдату** может поразить (а если этот человек и сам русский — то и растрогать). Между тем, именно последние 4-5 лет — чтобы быть точными, четыре с половиной, после 13 декабря 1981 года, — как никогда прежде, продемонстрировали полякам, кто их угнетатель и оккупант. В 39 м, в 44 м году в Польшу входила Красная Армия, устанавливая **польский коммунизм** на советских или, как это воспринималось, **на русских штыках**. Это восприятие — неверное, но, учитывая польскую историю, естественное и оправданное — сохранялось до последних лет, разве что став

менее острым в эпоху гомулковской “малой стабилизации” или герековских “экономических чудес” — закончившихся, как известно, экономическим крахом и политическим переломом: созданием “Солидарности”.

В эпоху “Солидарности” оно ожило страхом перед **русской интервенцией**. Мы говорим о восприятии массовом, оставляя в стороне авторов и читателей независимой прессы конца 70 х годов — каплю в море в сравнении с авторами и читателями нынешней подпольной печати. И оставляя в стороне то большинство делегатов съезда “Солидарности” в Гданьске, чьими голосами было принято обращение к трудящимся Советского Союза и стран Восточной Европы. Но, “оставляя в стороне”, не забудем, что всё это принесло плоды.

13 декабря рухнул миф о том, что с родимыми коммунистами можно договориться — “как поляк с поляком”. Введение военного положения, безусловно согласованное с Москвой, было, тем не менее, оригинальной инициативой польского партийного руководства, которому принадлежат и детальные планы воплощения в жизнь этого замысла, и специфические особенности польской “нормализации”.

Сегодня самые ненавистные полякам имена принадлежат их “соотечественникам” — тем, о ком говорится не иначе, как “они”, “красные”, “коммуна”. Широко распространяется понимание того, что русские — одна из жертв, первая по времени жертва того же самого коммунизма, и внимательный интерес к трагическому опыту России XX века. Об этом мы не раз писали и если вновь возвращаемся к этой теме, то, пожалуй, “по техническим причинам”: именно в последние две-три недели мы получили целый ряд **русских текстов польского самиздата**. Мы имеем в виду и переводы русских авторов, и статьи “на русские темы”.

В 13-м номере краковского журнала “Без декрета” публикуется статья “Диссиденты”, подписанная псевдонимом “Советолог”. Автор, по всему видно, хорошо изучил излагаемую им для польского читателя историю правозащитного движения. Если у него и попадаются отдельные неточности, то это либо неточности источников, которыми он пользовался, либо результат пробелов в материале, которым он располагал. В целом же статья станет исключительно полезной для польского читателя, тем более что под конец автор ставит тот самый вечный сегодняшний вопрос поляков русским: “Если у вас так тяжело — почему же нет массового бунта, массового сопротивления?”

„Ответ, — говорит “Советолог”, — заключен в самом вопросе. Если так тяжело и если так жестоко карается малейшее проявление сопротивления, то и порог страха очень высок (намного выше, чем в Польше)”.

“Советолог” приводит ряд примеров абсурдно безжалостных приговоров последних лет, данные о зэках, погибших в лагерях, сведения о психиатрических тюрьмах. Вслед за статьей, принадлежащей автору данного обзора и опубликованной года два назад в парижском польском журнале “Контакт”, подпольный публицист отмечает, что “порог страха” определяется не только размахом нынешних репрессий, но еще и исторической памятью, которая жива даже в поколениях, родившихся после смерти Сталина, а также своеобразным детерминизмом, который часто со стороны принимают за “русский фатализм”. Статья в краковском журнале заканчивается цитатой из нашего текста в “Контакте”, которую мы позволим себе привести:

„Те, кто переступил порог страха, отвергли этот детерминизм, возродили сознание личной ответственности, сделали ставку на достоинство и внутреннюю свободу личности. Не стоит удивляться, что их — малая горстка, удивляться надо тому, что их могло бы быть еще меньше, тому, что они вообще существуют на этой “выжженной земле””.

Еще один краковский подпольный журнал — “Арка” №15. В этом номере литературный раздел — целиком русский, хотя и написанный поляками. Он строится вокруг стихотворения Осипа Мандельштама “Мы живем, под собою не чуя страны...”, которое опубликовано в переводе Станислава Баранчака как своеобразный пролог к “двухтемному” блоку. Первая тема — сам Мандельштам. Статья Яцека Кшоса называется “Присутствие Мандельштама” и говорит о Мандельштаме, ставшем частью современной польской культуры и, в частности, польской поэзии:

„Символичность судьбы Мандельштама подчеркнута в стихах польских поэтов отсутствием границы между его жизнью и его творчеством. Слова Мандельштама, темы и мотивы его поэзии складываются в цельный портрет его личности. (...) Биос и логос поэта выглядят здесь абсолютным единством, взаимным подтверждением. Поэтому Мандельштам польских стихов (...) уже не жизнью, но плотью и кровью утверждает внутреннее чувство и жажду свободы. И, в соответствии с польскими традициями, он — тот, для кого тождественность слова и дела — основной критерий человеческой ценности”.

Статья Евгении Семашкевич начинается со слов об антисталинском стихотворении Мандельштама, за которое он “заплатил ссылкой, безумием и гибелью”. Но рассказывается в статье о... сказке для детей Корнея Чуковского “Тараканище”, в которой легко усмотреть жуткую пародию на Сталина. А написана сказочка в 1921 году и вряд ли с таким умыслом. Почему ее, однако, печатали в те лихие времена, когда, напоминает автор статьи, даже у красногвардейца в одном из рассказов Зощенко о Ленине “сбрили” усы, чтобы он не напоминал “бабку усатого”? Евгения Семашкевич полагает, что цензоры просто не смели узреть Самого в страшном, смешном и терпящем поражение Тараканище. Она даже предлагает читателям воображаемый и очень убедительный диалог двух цензоров году этак в 38 м, который кончается подписанием в печать очередного издания детской сказки.

Необходимым приложением к статье становится публикация Марии Тщинской “Еще несколько слов о сказке Чуковского”, в которой приводятся отрывки из книги Евгении Гинзбург “Крутой маршрут” — о том, как в Магадане, читая приемной дочке сказку, которую давно знала наизусть, Евгения Гинзбург впервые резко ощутила, о чем эта сказка, а присутствовавший при этом стукач — донес на нее.

Русская — или на этот раз уже польско-русская — тема в этом номере “Арки” не исчерпывается литературой. Здесь публикуется статья А.Н. “Великая эмиграция в поисках русской идеи”. Изложив историю идейных поисков 30–40-х годов прошлого века, автор заключает:

„...история толкала к выбору дуалистической идеи, этика подсказывала концепцию примирения, но мнимого, в терминах “чистой страницы”, основанного на одностороннем влиянии. Следует ли признать правоту за глашатаями рокового характера русской идеи, особенно сегодня, когда их пророческие кошмары своей злободневностью обессиливают воображение? Или все-таки было возможно подлинное примирение, либо вообще отвергающее концепцию национальных идей, либо основанное на признании их равноправными, на убеждении, что под пишущейся главой истории России еще не поставлена точка, придающая ей однозначный смысл? Сегодня, как и полтора века назад, мы обращаем этот вопрос к будущему, “судье просвещенному и неподкупному”, который, однако, всегда является слишком поздно”.

Другой исторический материал гораздо ближе к нам по времени — это воспоминания скончавшегося в прошлом году,

в возрасте 91 года, генерала польской армии Мечислава Боруты-Спеховича “Два года в России. (1939–1941)”. В них рассказывается о его пребывании в советских тюрьмах и, в частности, о двух встречах с Берией.

Надеемся, что некоторые материалы из этого номера “Арки” появятся на страницах “Русской мысли” и читатели сами смогут их оценить. Польские читатели “Арку” ценят высоко — она названа среди трех лучших журналов подполья участниками независимого опроса общественного мнения, проведенного еще одним краковским изданием — молодежным журналом “Променисти” (“Лучистые”). К этой анкете, посвященной польскому сам- и тамиздату, нам также следует обратиться в связи с нашей темой. Результаты опроса, проводившегося по анкетам, разосланным (а не опубликованным в журнале), притом разосланным в круги, имеющие хороший доступ к “нелегалитине”, напечатаны в №18/76 журнала от 2 июня.

Среди книг, чаще всего упомянутых при ответе на вопрос: “Укажите, пожалуйста, независимую публикацию, которую вы считаете лучшей (вышедшую в Польше или в эмиграции)”, — мы находим “И возвращается ветер...” Владимира Буковского и занявший первое место “Архипелаг ГУЛАГ” Александра Солженицына.

В числе книг, названных в ответ на вопрос: “Назовите, пожалуйста, 10–15 книг, которые могли бы составить канон самиздата для каждого”, — кроме опять-таки Солженицына и Буковского, мы обнаруживаем “Воспоминания” Надежды Мандельштам и “Доктора Живаго” Бориса Пастернака. Книги в этом разделе указаны по алфавиту — речь не шла о том, “кто выиграл”.

„Однако и тут, — указывает редакция, — невозможно не заметить перевеса Солженицына. Это тем более любопытно, что “Архипелаг” только раз был издан целиком (Торунь, ТОН, 1981) и несколько раз в отрывках, — тем не менее “последний голос совести мира” так сильно присутствует в сознании отвечающих”.

И еще раз мы встречаем “Архипелаг ГУЛАГ” (то же торунское издание, являющееся перепечаткой с издания парижской “Культуры”) в ответе о самых значительных достижениях независимого книжного рынка, в разделе перепечаток, наряду с книгами Юзефа Мацкевича и “Главными течениями марксизма” Лешека Колаковского.

Книги русских авторов составляют важную часть независимого книгоиздательского дела в Польше. Совсем недавно мы воспроизвели на первой странице газеты (“РМ”, №3626) обложку книги Льва Консона “Краткие повести”. Издательство СОЛИД (Студенческое книгоиздательство литераторов и диссидентов) впервые заявило о своем существовании именно этой книгой — видимо, оно справедливо полагало, что удивительная проза бывшего зэка сразу создаст начинающим издателям серьезный престиж.

Получили мы в последнее время и другие переводы русских авторов, выпущенные в польском подполье. “Избранные стихотворения” Иосифа Бродского — основательное издание почти в полтораста страниц, притом включающее раздел “Избранное из избранного”, где ряд стихов Бродского приведен в оригиналах. Переводы выполнили Станислав Баранчак, Анджей Дравич, Анджей Мандальян, Виктор Ворошильский и ныне покойный Витольд Вирпша. Книга снабжена высококвалифицированным предисловием, принадлежащим перу безымянного исследователя творчества Бродского.

Книга Бродского, выпущенная варшавским Литературным книгоиздательством, полностью подготовлена в самиздате. Книга Владимира Максимова “Жив человек” принадлежит к разделу перепечаток: впервые она вышла в 1963 году в книжной серии парижской “Культуры”, а сейчас, в 1986 м, ее выпустило варшавское Издательство политических групп. Одновременно, с опозданием в три года, дошла до нас и другая книга Владимира Максимова, на этот раз существующая только в самиздатском варианте (да, кажется, и по-русски не выходившая отдельным изданием), — изящно оформленный перевод его пьесы “Там, за чертой”. Пьесу выпустило “старейшее” (существующее с 1977 года) Независимое книгоиздательство НОВА.

“Русская мысль” №3629, 11 июля 1986

ХОРОШО, ЧТО ОН БЫЛ

Странной была эта Волынь

Опубликованная издательством «Аркана истории» («Тайны истории») книга Богдана Ганцажа «Мы, украинская шляхта. Очерк жизни и деятельности Вацлава Липинского. 1882-1914» еще пахла типографской краской, когда получила премию журнала «Пшеглэнд восточный» («Восточное обозрение»). Поздравляем! Уже сделана допечатка тиража.

Среди поляков она считалась безликим краем. Помнили, что оттуда родом Юлиуш Словацкий, что там когда-то действовал знаменитый Кременецкий лицей, но начиная с 30-х годов XIX столетия Волынь стала интеллектуальной пустыней; даже луцкий епископ переехал в Житомир, где пребывали губернские власти. И если на северо-востоке Виленщина представляла собой скопление поляков, которые платили за стремление к независимости собственной жизнью, свободой и имуществом, то Волынь была сонными задворками – она лежала за пределами Царства Польского (так называемой «Конгрессовки»), и Луцк, ее историческая столица, был российским уездным городом, куда железная дорога добралась лишь в 1890 г., а гимназию основали восемь лет спустя. Литва с Вильно и Червоная Русь со Львовом – это совсем другое дело: университеты, театр, опера, издательства, сообщества, а действовавшие там ученые, артисты и политики украшают сегодня энциклопедии. Переизданная в 1980-е книга Юзефа Игнация Крашевского «Воспоминания о Волыни, Полесье и Литве» (Литвой он называл сегодняшнюю Белоруссию) даже столетие спустя выставляет волынских помещиков и землевладельцев далеко не в лучшем свете. На юго-востоке Червоная Русь, попавшая после разделов Польши под власть австрийцев, пользовалась в империи Габсбургов автономией. Львов был там столицей области (Галиции), поэтому тем украинцам, которые задумывали создать собственное государство, эта территория за кордоном приводила на память уже только средневековое владение галицко-волынских князей.

В межвоенный период – хотя епископ вернулся в Луцк, где устроили и центр воеводства, – эта территория, самое большее, ассоциировалась с воеводой Генриком Юзевским, пытавшимся в 1930-е как-то решить здесь украинский вопрос, а после его

ухода в 1938 г. – с разрушением православных церквей. Обоим «единокровным» народам – «побратимам» всё это вспомнилось в трагические 1942–1944 годы. А после войны в Малопольше и особенно в таком регионе – парвеню, как Мазовше, не говоря уже о трудолюбивых Великопольше, Поморье и Силезии, – даже Виленщину и Подолье считали чем-то худшим. Я помню сравнение воспоминаний Зофии Старовойской – Морстин, галичанки в полном смысле этого слова, и родившегося под Минском писателя Мельхиора Ваньковича. Из их сопоставления вытекало, что автору «Битвы за Монте-Кассино» вообще не следовало бы родиться, а если уж он написал книги воспоминаний «По следам Сментка» и «Трава в кратере», то лучше бы ему было промолчать в них о своем детстве и молодости.

Я сознательно упрощаю, крупными мазками набрасывая фон, чтобы на нем отчетливее мог проявиться Вацлав Липинский (1882–1931) – территориалист, родившийся в Затурцах возле Луцка, а по сути дела Вячеслав Лыпинский: так хотел называть себя среди украинцев этот человек, которого многие из тогдашних польских деятелей движения за независимость считали отщепенцем, перебежчиком и предателем своего народа. (Не следует путать его с полковником Вацлавом Липинским, историком сражений за независимость 1914–1921 годов.)

Gente Polonus, Nazione Ruthenus

Этой формулировкой Станислава Ожеховского, публициста середины XVI века, т.е. эпохи Возрождения, – «по роду поляк, по народу русин» – любили определять себя в XIX веке многие помещики и интеллигенты на землях бывшей Киевской и Червонной Руси, не отождествлявшие себя ни с русскими, ни с поляками, ни с тем радикализмом возникающего украинского движения, которые характеризовало сторонников идеи Дмитрия Донцова^[1]. Но было ли это движение таким уж радикальным, если принять во внимание чувство национальной идентичности, возрождавшееся или нарождавшееся тогда среди многих народов этой части Европы? Данный процесс продолжается по сей день, на Балканах он приносит кровь и смерть, да и у восточных или южных соседей Польши (в Белоруссии, на Украине, в Словакии) тоже протекает отнюдь не спокойно. Такова уж природа пробуждения народа – не успевает он в один прекрасный день встать после счастливого сна, как обнаруживается, что нации, проснувшиеся раньше, стерегут свое место и добровольно не отступят ни на йоту.

Семья Липинских происходила не из русинских бояр; она приехала на восток в XVIII веке из Липин, что в Мазовии, и на новом месте быстро обросла должностями. «Вплоть до конца Речи Посполитой род наш был консервативно-роялистским», – признавался Вацлав Липинский. А после падения Речи Посполитой: «Мои деды и прадеды служили государству российскому. Барской конфедерации и восстаний, как среди большинства осевшей здесь шляхты, в нашем роду не было».

Липинские вовсе не были исключением. «Длившаяся сто с лишним лет борьба польского общества за свободу и независимость создавала героические традиции, которые могли иметь огромное воспитательное значение для будущих поколений, – вспоминает в «Истории польской студенческой молодежи в Киеве 1834–1920» Витольд К. Вежейский, – но вместе с тем истощала общество, лишая его людей, которые были самыми лучшими по своим моральным и интеллектуальным качествам, наиболее приобщенными к общественной жизни, которые погибали в борьбе, отправлялись в ссылку, наконец, в эмиграцию. Так сложился средний тип польского гражданина-обывателя, одним из отличительных свойств которого была асоциальность, в лучшем случае – умение приспособиться».

Такова польская точка зрения. А украинская?

«Меня не удовлетворяло это политическое русофильство, и я пришел в восхищение от украинской политической идеи, – дополняет свои признания Вячеслав Лыпинский, которого после его кончины в 1931 г. публицист Осип Назарук назвал «величайшим из политических мыслителей нашей земли». И продолжал: «Так называемая „шляхта кресова“ дала в новейшее время четыре громкие фамилии: Пилсудского, Конрада, Липинского и – четвертого мы не хотим называть по имени, хотя он долго был фактическим властелином России». Как легко догадаться, Назарук «не назвал» Дзержинского. В львовском украинском журнале «Дзвин» («Колокол») Василий Кучабский причислил Липинского к трем могучим историческим фигурам украинского народа, поставив его рядом с... Богданом Хмельницким и Тарасом Шевченко.

Это увлечение «украинской политической идеей» зародилось в герое книги Ганцажа рано, еще в гимназические годы в Житомире (1893–1898), а затем в Киеве (1898–1902), где он действовал в гимназической «громаде» и познакомился с известными деятелями украинского движения. В их числе были: Климентий Квитка – этнограф и муж знаменитой поэтессы Леси Украинки (Ларисы Косач), Владимир Щербина –

историк, Евгений Чикаленко – помещик с Херсонщины, меценат культуры, Вадим Щербаковский – археолог и искусствовед, Владимир Науменко – историк литературы и редактор ежемесячника «Киевская старина», Дмитрий Антонович – сын проф. Владимира Антоновича, искусствовед и соучредитель Украинской революционной партии (первой современной партии приднепровской Украины), Николай Василенко – историк, который повлиял на формирование территориалистских взглядов молодого Липинского. Многие из них в будущем проявят себя: Дмитрий Антонович станет членом правительства Центральной Рады, представителем в Риме создававшейся Семеном Петлюрой Украинской Народной республики (УНР), а в эмиграции учредит Украинский свободный университет в Праге и сделается его ректором. Еще один, Дмитрий Дорошенко, историк и публицист, будет министром иностранных дел у гетмана Павла Скоропадского.

Третье возрождение Украины

Украинская историография отмечает несколько попыток образовать государство. Первой было возникновение Киевской Руси и ее крещение в 988 г., а также ее последующее существование почти до конца средневековья и попытки Рюриковичей из волыноско-галицкой линии обрести самостоятельность в Червонной Руси. Инициатором следующей попытки – первой Гетманщины – выступил в 1648 г. Богдан Хмельницкий, завершилась она смертью гетмана Ивана Мазепы (1709) и окончательно – ликвидацией Запорожской Сечи (1775); на этот период приходится развитие украинской литературы нового времени (Сковорода, Котляревский). Третье возрождение началось в 60-е годы XIX века, когда в Киеве возникла так называемая Старая Громада. Основали её «хлопоманы»: уже упоминавшийся Владимир Антонович (отец Дмитрия), Костя Михальчук, Павел Житецкий и Тадеуш Рыльский (первый и последний – родом поляки). «Хлопоманы» исповедовали аполитичный культурализм, в политической сфере ограничивавшийся мечтами об автономии в границах России.

Иначе и не могло быть, коль скоро в Киеве на рубеже XIX и XX веков – по воспоминаниям Чикаленко – дома по-украински разговаривали три семьи. А это, в свою очередь, было результатом изданного 18 мая 1876 г. «Эмского указа» царя Александра II (пребывавшего тогда на водах в Бад-Эмсе). Указ сокрушил всё украинское: запрещалась публикация книг, журналов и даже нот, сценические представления и публичные лекции на «украинском наречии», а школьные библиотеки в

«малороссийских губерниях» очищались от украинских изданий. Этот немецкий курорт прославился не только «Эмской депешей» кайзера Вильгельма, вызвавшей прусско-французскую войну 1870 г., но и шестью годами позже «Эмским указом», который вплоть до самого 1905 г. искоренял всё украинское. Поэтому в салоне Марии Требинской, где собирался весь этот «украинский олимп», господствовал русский язык, лингва франка приднепровской интеллигенции. А русские насмехались над этим; ходила, к примеру, анонимная эпиграмма: «Собирались малороссы в тесно сомкнутом кружке, обсуждали все вопросы на российском языке».

К «хлопоманам» потом присоединились также Драгоманов, Грушевский и Лысенко – фигуры-символы украинского самосознания. Их судьбы показывают, каким трудным был путь к независимой Украине. Михаил Драгоманов (1841–1895), историк, этнограф и публицист, в 1876 г. осел в Женеве, чтобы оттуда информировать за границу об украинском движении, но его радикализм (в частности, проявившийся в работе «Историческая Польша и великорусская демократия») члены той же Громады сочли угрозой своему движению.

«Несомненно, величайший украинский ум XIX века, – писал о нём Дмитрий Дорошенко, тоже деятель движения за независимость, министр иностранных дел формировавшегося украинского государства в 1917–1918 гг. и историк. – Если наша молодежь на рубеже двух столетий временами грезил о независимой Украине, то это его, Драгоманова, заслуга, хотя сам он под конец века с печалью и болью в душе не видел „силы и почвы для политики государственного отделения Украины от России”». Михаил Грушевский (1866–1934), политик и историк (10-томная «История Украины-Руси»), профессор Киевского и Львовского университетов, председатель Научного общества им. Шевченко во Львове, стал в 1917–1918 гг. председателем Украинской Центральной рады, а ближе к концу жизни – членом Академии наук СССР. Николай Лысенко (1842–1912), композитор, дирижер и педагог, создал национальную школу в украинской музыке, написал оперу «Тарас Бульба», кантаты, сольные и хоровые песни, камерные и фортепьянные произведения.

Когда в 1903 г. Грушевский и Лысенко ехали в Полтаву на открытие памятника Котляревскому, причем одним поездом вместе с деятелями Приднепровья и Галиции, то в своем кругу они шутили: «Если бы, не дай Бог, поезд потерпел крушение, то возрождение украинского народа надолго бы прервалось».

Так рождался (возрождался) украинский дух.

В том же самом году Вацлав Липинский начал учебу в Кракове, куда он вернулся – после годичного пребывания в Женеве, где в 1906/1907 учебном году штудировал общественные науки. В краковские годы (1903–1909) Липинский заинтересовался историей, изучением первоисточников, в частности документов из собрания музея Чарторыйских. Работал он также в Украинской студенческой громаде и в культурно-просветительском обществе «Просвита», дружил с жившими здесь украинцами, в частности с Богданом Лепким, поэтом, преподавателем украинского языка, а потом и профессором на кафедре украинской литературы, с прозаиком Василием Стефаником и Владимиром Темницким, позднее министром иностранных дел УНР. Вот вам еще имена деятелей, которые всплывут при попытке создания украинского государства после I мировой войны, а когда она не удастся, будут лелеять эту мысль в эмиграции.

Липинский – автор трех важных сочинений

«Шляхта на Украине», «Станислав Михал Кричевский» и «Два момента из истории послереволюционной Украины» – переломные труды в украинской историографии и публицистике. Они служат также – каждый по-своему – выражению идеи современного украинского самосознания, а на рубеже XIX и XX веков исторические исследования часто бывали оружием для политики, особенно в обществах, которые возобновляли, обновляли и строили свое национальное бытие.

«Люблинская уния 1569 г., присоединяя к Польше украинские земли, открыла плотину, и на новые, давно желанные земли хлынули польские колонисты и культуртрегеры, неся с собой польский язык, польские обычаи, польскую культуру», – писал Липинский в альманахе «Шляхта на Украине. I. Ее участие в жизни украинского народа на фоне его истории». Эту брошюру он напечатал в 1909 г. в типографии Ягеллонского университета как первый выпуск альманаха. «Украинский шляхтич, уподобляясь пришельцам своей речью, религией и всей внутренней культурой, становился для своего народа представителем другой культуры, чужой национальности; из местного гражданина, из „землевладельца“, связанного тысячами нитей со своею землей, он постепенно становился на этой земле колонистом, который руководствуется разве что только личными соображениями», – объяснял Липинский. И делал вывод: «А мы должны определить свою позицию перед пробуждающимся украинским народом и по отношению к нему, тем более что мы здешняя, местная шляхта, мы родные

сыны этой земли, плоть от плоти, кровь от крови этого народа!»

Поэтому «привязанность к родной стране, к отчизне» он видел в «строгом, а не государственном значении этого слова». Так возник территориальный патриотизм, и с тех пор он под названием «территориализм» стал программой для «украинцев с польской культурой», которые съехались в Киев в феврале 1909 г.. Идеи этого движения пропагандировал журнал «Пшеглэнд краёвый» («Отечественное обозрение»), второе – после еженедельника Польской социалистической партии «Свит» («Рассвет») – польское украинофильское издание, 12 номеров которого вышли в свет в том же 1909 году. Немногочисленная группа территориалистов вносила в украинскую политическую мысль правую точку зрения, что было нелегко в Европе того времени, набухающей социальными притязаниями.

Два остальных труда вышли в мемориальной книге 1912 г. – сборнике, озаглавленном «Из истории Украины» (редактировавший его Липинский поместил туда также небольшие тексты тузов тогдашней истории: Михаила Грушевского и Кароля Шайнохи – и несколько первоисточников).

«Станислав Михал Кричевский. Из истории борьбы украинской шляхты в рядах повстанцев Богдана Хмельницкого (1648–1649)» – это насчитывающая несколько сот страниц многослойная монография о шляхтиче, которого гетман Станислав Конецпольский назначил в 1643 г. полковником Чигиринского казачьего полка и который в 1647 г. выпустил на свободу Богдана Хмельницкого, посаженного под замок коронным хорунжим Александром Конецпольским. И когда в битве под Желтыми Водами в 1648 г. Станислав Кричевский попал в плен к татарам, благодарный Хмельницкий выкупил его оттуда. Здесь можно было бы строить ассоциации с романом «Огнем и мечом», когда Скшетуский освобождает Хмельницкого, и порассуждать о том, что могло бы получиться, если бы да кабы этот герой Сенкевича, который прибыл к уже стоявшему во главе восстания взбунтовавшемуся гетману в качестве посла от князя Вишневецкого, взял да и пристал к казакам. Так, как освобожденный из татарского плена Кричевский присоединился к Хмельницкому и перешел в православие, приняв имя Михаил. «И этому символическому крещению украинского повстанца в давнюю национальную веру, – возвышенно пишет Липинский, – предстояло вскоре на века сделаться истинным крещением, крещением

искупительным и освященным собственной кровью, сообща пролитой за общую лучшую долю народа». На этом ассоциации не кончаются, хотя касаются другого автора. В 1649 г. Хмельницкий отправил Кричевского – уже как наказного гетмана во главе 10 тыс. казаков – на север для защиты от литовской армии польного гетмана Януша Радзивилла. В битве под Лоевом 31 июля литовские войска разбили казаков, которые ушли под прикрытием ночи, оставляя раненого командующего. Липинский истолковывает это патетически: «Ибо, может статься, из этих рядов, быстро шагавших под сенью ночи, долетел до него древний казацкий клич: „Нехай твоя голова за все наши головы, гетман!“ – и родилась в нем суровая мысль, что вождь не только гетманствовать, но и жертвовать собою уметь должен». «Смерть ему принесло скорее отчаяние, нежели нанесенные раны», – написал процитированный Липинским Альбрехт Станислав Радзивилл о Кричевском, умершем 3 августа в неволе.

Такую героизацию кумира современный украинский историк Лев Билас сравнивает с произведением Шимона Аскенази «Князь Юзеф Понятовский». Аскенази, неоромантик историографии, полагал, что для «политического историка современной эпохи» существуют три «достоинства – недооцениваемые, хотя, быть может, и необходимые» (цитирую вслед за проф. Генриком Барычем): «В его понимании „священная должность“ летописца должна гармонически соединять в себе три сферы: познавательную, гражданско-патриотическую и художественную – в единое целое».

Добавлю, что героизированная биография наказного гетмана представляет собой вторую часть обсуждаемой публикации. Первая (половина работы!) – это панорама истории шляхты, принимавшей участие в восстании Хмельницкого, шляхты, которую привлекала «русская» и, следовательно, национальная цель этого движения, откуда следует, что значительная ее часть была национально сознательной. Поэтому Липинский уделяет много места таким личностям «русского мятежа» Хмельницкого, как киевский воевода Адам Кисель, винницкий полковник Иван Богун, придворный православного киевского митрополита Иоаким Ерлич, а также Ивану Выговскому, ставшему позднее сечевым гетманом, и еще целой толпе всякой «казачествующей» шляхты – мелкой и средней, из поместий и посаженной на землю по военному праву, а также всякой голытьбы, арендаторов, конторщиков в имениях и профессиональных военных.

Написанная в таком ключе работа о Кричевском вызвала в украинской историографии смену парадигмы. Народническая историография, представленная такими светилами, как Антонович и Грушевский, считала восстание Хмельницкого и последующие бунты «стихийным стремлением украинских масс к справедливому и свободному общественному порядку», и тогда история – повествование о прошлом этих масс. Липинский же пришел к выводу, что творцы истории – это прежде всего выдающиеся личности и элита общества; в «русском мятеже» он видел главным образом тот аспект, который связан с созданием государства, и, следовательно, не отрицал социальной историографии, а своей монографией о Кричевском закладывал фундамент под государственническое течение при написании украинской истории. Немало для «украинца с польской культурой»...

«Два момента из истории послереволюционной Украины. I. На вершине могущества. II. На переломе» – это произведение было как бы продолжением «Кричевского», а фигурирующая в нем «послереволюционная Украина» – это страна после восстания Хмельницкого. «Когда из хаоса революции родилась идея отдельного существования Украины, – писал Липинский, – мы намеревались изложить позицию этой шляхты по отношению к самым важным для того времени политическим актам: Переяславскому соглашению украинской казацкой старшины с польским гетманом С.Конецпольским (1630) и Гадячскому договору между украинским гетманом И.Выговским и польским правительством (1658).

После 1649 г. Хмельницкий желал закрепить достижения и создать для Украины государственно-правовые формы. «Рядом с Хмельницким мы уже не видим кривоносов^[2], их место занимают искушённые политики и дипломаты. Речь Посполитая думает „успокаивать взбунтовавшихся крестьян“ уже не жестокими вишневецкими^[3], а в союзе с соседними державами ищет помощь против своей бывшей провинции», – пишет Липинский. Посему решение Переяславской рады 1654 г., принявшей верховенство царя, в планах предводителя казаков сходило всего лишь за этап дипломатических усилий на пути к «новому украинскому государству», опирающемуся на казачество. «Как массы велико- и малопольской шляхты создали идею польской государственности, так и казачество создало идею государственности украинской». К сожалению, преждевременная смерть гетмана привела к тому, что «те, кто должны были после него управлять судьбами Украины, не сумели выполнить завещание великого вождя».

«От больших государственных планов Хмельницкого осталась одна только идея: Великое княжество Русское, – пишет Липинский о заключенном в 1658 г. Гадячском договоре с Речью Посполитой. – С тех пор цементом, скрепляющим здание Великого княжества Русского, должен был стать не казачий строй, не мощное и глубоко укорененное в народных массах запорожское войско, а шляхетский строй, сформированный на манер польского и под влиянием польских государственных интересов». И добавляет, однако, что этот договор был «важным элементом в развитии украинской политической мысли и украинского легитимизма», впервые санкционировал государственно-правовой статус Украины, давал возможность позднее требовать автономии в России. А что безрезультатно, так это уже другой разговор...

*

Богато иллюстрированная фотографиями людей и мест, связанных с жизнью Вацлава Липинского, эта книга – показывая, как скромны были устремления приднепровских украинцев к собственной государственности в XIX веке и вместе с тем как неколебима была горстка тех, кто вдохнул жизнь в украинское движение, которое расцвело только в XX веке, зачастую в эмиграции, – доказывает, сколь многое должно было там произойти, чтобы вокруг Днепра могло возникнуть государство. И сколь много всего ожидает украинцев, чтобы удержать и укрепить его...

«Мы, украинская шляхта...» – первый самостоятельный труд Богдана Ганцажа, историка, журналиста католического еженедельника «Гость недзельный» («Воскресный гость») и члена редколлегии журнала «Аркана» («Тайны»).

Под занавес несколько замечаний. Неуклюже выглядит та часть подзаголовка, где указаны даты; она как бы внушает, что речь идет обо всей жизни героя этой работы, а не только о первой ее части, которая завершилась цезурой разразившейся I Мировой войны (Липинский, родившийся в 1882 г., умер в 1931-м). Не знаю также, как надо поступать с польским написанием имен собственных, в т.ч. украинских имен и фамилий, – автор сражается с их языковым звучанием и с кириллицей юго-восточных соседей Польши, пытаясь воспроизводить украинское звучание. Это замечание смягчается сознанием того, что украинский язык все еще очищается (особенно от русизмов), а во времена, о которых пишет Ганцаж, сами украинцы только нащупывали отражение родного звучания в словесности (то обстоятельство, что данный процесс по-прежнему продолжается, – это совсем другая история).

Думается, украинцам не будет претить полонизация их имен и фамилий – аналогично тому, как мы у себя в Польше с давних пор придаем фамилиям Толстого и Достоевского польское оформление и не воспроизводим их русское написание буквально.

Позволю себе также выразить изумление, что в книге нет предисловия или послесловия научного руководителя Богдана Ганцажа профессора Анджея Новака. Я более чем высоко ценю этого историка, восхищаюсь им как «империалистом», то есть знатоком российской имперской мысли, в том числе и современной. В своем труде «От империи к империи. Взгляды на историю Восточной Европы» (издательство «Аркана» и Институт истории ПАН в Варшаве, Краков 2004) он не только дал замечательный обзор мировой литературы об имперской политической мысли современной России, возрождение которой отмечают научные авторитеты всего мира, в т.ч. бывшие западные советологи («кремлинологи»), но и обратил внимание на достижения многих молодых польских историков на этом поприще (их молодость не удивляет, так как тема эта, я бы сказал, сделалась доступной лишь с недавнего времени).

Есть также смысл напомнить, что Томаш Фиалковский, редактор книжной рубрики в «Тыгоднике повсехном», в свое время, работая в католическом издательстве «Знак», обратил внимание Ганцажа на героя ныне рецензируемой книги. Таким образом, от него исходит ее замысел.

1. Донцов Д.И. (1883–1973, умер в Канаде) – идеолог и видный деятель украинского интегрального национализма. В частности, перевел «Мою борьбу» Гитлера на украинский язык.
2. Имеется в виду умерший в 1648 казачий полковник Максим Кривонос – сподвижник Б.Хмельницкого, одержавший ряд побед над польскими войсками.
3. Имеется в виду Иеремия Михаил Вишневецкий (1612–1651), крупнейший магнат Левобережной Украины, который, приняв в 1631 г. католическую веру, содействовал ее насильственному насаждению и ополячиванию украинцев, а также крайне жестоко подавлял крестьянско-казацкие восстания на Украине.

В ОЖИДАНИИ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Писателем, как известно всем и всюду на протяжении уже ста с лишним лет, становятся ради того, чтобы получить Нобелевскую премию по литературе. Одни, как Милан Кундера, подчиняют этому всю свою жизнь: у них имеются тщательно запрограммированные сценарии поведения, надлежащим образом подобранный репертуар жизненных ролей, заранее пошитые смокинги, забронированный на декабрь билет в Стокгольм и оттачиваемая в течение многих лет нобелевская лекция; другие, как Дорис Лессинг, считают по принципу Ежи Косинского, что “достаточно существовать” — и, разумеется, существовать как можно дольше, потому что каждый прожитый год оставляет за спиной некрологи конкурентов и повышает шансы на то, что дебютантские мечтания сбудутся.

Первые из вышеупомянутых, наивные рационалисты, верят в то, что процесс выдвижения на Нобеля — это игра, в которой побеждает тот, кто достиг высшей степени посвящения в ее философию и логику и постиг все ее принципы; вторые, постромантические фаталисты, убеждены, что каждый год в октябре в каком-то тайном казино им. Федора Достоевского один из членов Нобелевского комитета стягивает со стола зеленое сукно и молча (без ритуального: “Faites vos jeux!” и “Rien ne va plus”) запускает механизм рулетки, на полях которой вместо цифр помещены фамилии писателей. Терпеливым из числа проигравших остается ждать дальше; тем же, кто потерял всякую надежду, — разыгрывать в одиночестве партию в русскую рулетку.

Пишущим по-русски особенно отчаиваться еще, может, и не приходится (в конце концов, у них есть свой Букер^[1] и еще 160 ежегодных литературных премий), но все-таки они отдают себе отчет в том, что настоящую nobilitas и настоящие деньги приносит только изобретатель динамита. О нем они думают, с мыслью о нем пишут и с мыслью о нем пытаются найти самое подходящее для себя место в очереди ожидающих. Какое-то время назад — при обстоятельствах, назовем это так, компанейских — я полушутя сказал петербургскому поэту Виктору Кривулину, что теперь он первый. “Нет, — ответил он совершенно серьезно, — я третий”. — “А кто первый?” —

“Айги!” И вот уже нет в живых ни Кривулина, ни Айги, а кто второй в списке — я тогда не спросил. С того разговора прошло десять лет — и больше двадцати с Нобелевской премии Иосифа Бродского, так что наверное скоро — если мы, конечно, отвергнем теорию рулетки — русская литература в шестой раз удостоится почестей в Стокгольме^[2].

В нобелевском зале ожидания я насчитал сейчас целых восемьдесят писателей, но почти у половины из них нет ни малейших шансов на осуществление их мечты — потому что время неласково обошлось с их творчеством (Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский); потому что у них не просохли слезы по утраченной аркадии (Юрий Бондарев); потому что в своих маленьких ленинианах они дали слишком много простых советов о том, как жить в тени мавзолея (Александр Гельман, Михаил Шатров); потому что они поддались великодержавной идеологии и ее демонам (Василий Белов, Валентин Распутин); потому что в своей жизни они не раз совершали политически некорректный выбор (Эдуард Лимонов); потому что патриотизм на заказ всегда дурно выглядел и вызывал ощущение безвкусицы (Сергей Михалков); потому что петербургской поэзии уже воздали честь в лице Бродского (Глеб Горбовский, Елена Игнатова, Александр Кушнер, Евгений Рейн, Сергей Стратановский, Елена Шварц); потому что их поглотили отечественные и эмигрантские реки забвения (Юз Алешковский, Григорий Бакланов, Даниил Гранин, Наум Коржавин, Новелла Матвеева, Юрий Милославский, Виктор Перельман, Анатолий Приставкин, Борис Васильев, Нина Воронель, Зиновий Зиник, Леонид Зорин).

А другие (Олег Богаев, 1970 г.р., Ирина Денежкина, 1981 г.р., Рубен Гальего^[3], 1968 г.р., Евгений Гришковец, 1967 г.р., Виктор Пелевин, 1962 г.р., Иван Вырыпаев, 1974 г.р.,) не могут рассчитывать на премию в течение ближайших, может быть, даже десятков лет, так как они слишком молоды. После II Мировой войны Нобелевский комитет — о чем не стоит забывать — только дважды решился принять безумно эксцентрическое решение дать премию писателю младше 50 лет (Камю и Бродскому), поэтому средний возраст лауреатов колеблется около 66–67 лет. В ближайшее время не могут рассчитывать на признание у шведских академиков — впрочем, по разным причинам — представители меньшинств в литературном пейзаже общества, склонного к ксенофобии, нетерпимого и патриархального: нерусские, голубые и женщины.

И в первом, и во втором случае прежде всего не так уж много кандидатов. Еще в 70–80-е годы написанные по-русски книги киргиза Чингиза Айтматова, молдаванина Иона Друцэ, абхазца Фазиля Искандера или корейца Анатолия Кима имели тысячи читателей по всей многонациональной империи, сегодня их уже читают — чаще всего по профессиональному долгу — только слависты, занимающиеся литературой XX века. Еще в 1994 г. в интервью “Литературной газете” Айтматов воспевал Russian Dream: “Так сложилась моя судьба: я — двуязычный писатель. Писатель двух культур. (...) С русской литературой у меня кровная связь! (...) Ведь таковы уж результаты истории, что к русской литературе в большом количестве примкнули писатели нерусского происхождения. (...) Без русского языка ни один из нас не мог появиться перед мировым читателем и никогда, скорее всего, не появился бы. (...) Да, теперь в моей родной стране и по соседству, скажем в Казахстане, существуют литераторы, пытающиеся любой ценой откреститься, отмежеваться от русского языка, от русской литературы. Но ведь это тупик! Если наши местные писатели пойдут по пути самоизоляции, это будет означать, что национальные литературы угаснут и вообще исчезнут. Они попросту не могут отказаться от русского „моста”. На дороге „Восток–Запад” никто Россию не заменит” [приводится в обратном переводе с польского]. Я лично не думаю, чтобы сегодня молодые казахские и киргизские писатели разделяли мнение автора “Плахи”; у их мира новые измерения, они отыскивают или строят новые мосты; открывая окна, не всегда распахивают их в сторону Москвы и не мечтают о том, чтобы вписать еще одну экзотическую главу в историю русской литературы, — скорее им снится “American Beauty”.

Столь же трудно указать сегодня кандидата на Нобелевскую премию, представляющего гомосексуальную культуру. Михаил Кузмин (1872–1936) и Евгений Харитонов (1941–1981), наиболее известные писатели, не скрывавшие своей сексуальной ориентации, уже давно скончались, а их молодые преемники чаще всего делают в искусстве только первые шаги (Вадим Калинин, 1973 г.р., Дмитрий Кузьмин, 1968 г.р., Ярослав (Слава) Могутин, 1974 г.р.; Геннадий Трифонов, 1945 г.р.)^[4].

На первый взгляд, в значительно лучшем положении находится русская женская литература, которая дала в XX веке двух выдающихся поэтесс — не замеченных, к сожалению, в Стокгольме, — Марину Цветаеву и Анну Ахматову (для меня именно в такой последовательности), а сегодня комментируется, переводится, награждается “Букерами” (Людмила Улицкая, Ольга Славникова) или “Триумфами”

(Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Татьяна Толстая^[5], Людмила Петрушевская) и часто издается многотысячными тиражами (детективные романы крестниц Иоанны Хмелевской — Александры Марининой и Дарьи Донцовой, гламурные романы Оксаны Робски, автобиографическая-якобы-феминистская проза Марии Арбатовой^[6]). Всё это, однако, лишь видимость, так как большинство из перечисленных писательниц (здесь я соглашаюсь с диагнозом известного критика Михаила Золотоносова) страдает страшным художественным недугом — вторичностью, граничащей с эпигономством, — и кормится, главным образом, крохами, оставшимися от большой мужской обжираловки — реалистической, модернистской и постмодернистской. Современная русская женская проза — со своими нескончаемыми вариациями на темы, хорошо знакомые более ранней литературе, — это продукт, массово выпускаемый в рамках доброжелательно принимаемой читателями интеллектуальной переработки вторсырья, товар с откровенными следами умственной амортизации. Претенциозная упаковка (а-ля Большое Искусство) ничего здесь не меняет. Это художественный second-hand или, скорее, пожалуй, second-head [не из вторых рук, а из второй головы], которого должны избегать потребители с “гиперфункцией памяти” (Ирвинг Гофман).

Нарочито сентиментальная Людмила Улицкая (1943 г.р.), скрытно сентиментальная Татьяна Толстая (1951 г.р.) и попросту сентиментальная Виктория Токарева (1937 г.р.^[7]) — эти воистину три сестры в писательстве (я думал еще и о четвертой, сентиментальной по-иному Людмиле Петрушевской, 1938 г.р., но в конечном итоге остался верен Чехову) — создают по-настоящему хорошую вагонную литературу, читиво, с которым не стыдно показаться даже в первом классе. Благодаря этому можно, например, на трассе Вроцлав-Главный — Еленя-Гура пережить полную волнений “любовь на всю жизнь” с Ириной Гусько из микроромана Токаревой. Важнее всего, как и всегда в хорошей прозе, первые предложения (это еще вокзал Вроцлав-Главный): “Ее жизнь была проста и сложна одновременно. Впрочем, как у каждого человека” (повесть “Своя правда” [в польском переводе И.Левандовской — “Любовь на всю жизнь”]). На следующих 143 страницах речь идет об этой “простой” и “сложной” жизни (здесь “правда времени” — это “правда экрана”): главная героиня, русская, родилась в Баку — и это ошибка, ибо через какое-то время окажется, что Баку — нерусский город (вокзал Вроцлав-Западный); она вышла замуж — и это тоже ошибка, через какое-то время обнаружится, что Володя пьет и

изменяет ей с армянкой, у которой волосатые ноги (станция Смоленск); девять месяцев спустя после свадьбы (в русских семьях так уж водится) героиня родила сына — опять ошибка, через какое-то время окажется, что она — человек бесхарактерный (Садовице-Вроцлавские); после института стала учительницей — снова ошибка, через какое-то время окажется, что по причинам, известным всем педагогам мира, ей надо поискать себе новое занятие (Конты-Вроцлавские); потом забеременела и родила дочку, чтобы Володя бросил армянку, — тоже ошибка, через какое-то время окажется, что муж своего образа жизни не изменял и покинул город с любовницей (Меткув); в возрасте 32 лет она встретила и полюбила капитана Кямала (из “правоохранительных органов”), красивого азербайджанца с внешностью Омара Шарифа — еще одна ошибка, спустя какое-то время выяснится, что, прерывая очередные беременности, она сильно теряет в его мусульманских глазах, и он женится на азербайджанке Ираде (Имбрамовице). Так много произошло на этих тридцати пяти километрах, а ведь впереди нас ждет еще столько страданий простой русской учительницы, изгнанной из Баку: Жарув, Явожина-Шлёнская, Свободзице, Валбжих-Щавенко, Валбжих-Город, Валбжих-Фабричный, Валбжих-Главный и десять других станций — после чего, наконец, появляется одиннадцатая, последняя, Еленя-Гура — Петушки. Здесь Кямал снова паразитирует на чувствах Ирины. Таковы уж эти мужчины.

А вдобавок кто-то из них получит Нобеля. Многие указывают на то, что им будет Василий Аксенов (1932 г.р.), прозаик и драматург, который дебютировал полвека назад. Его первые произведения (“Коллеги”, “Звездный билет”, “Апельсины из Марокко”) выросли из атмосферы оттепели и располагали к себе давно отсутствовавшей в российской литературе безыскусственностью. Так же тепло принимали читатели и его следующие тексты, и даже роман “Любовь к электричеству”, опубликованный в серии “Пламенные революционеры”, не запятнал либерального образа писателя. В 1979 г. он был одним из пяти редакторов (остальные четверо — Андрей Битов, Фазиль Искандер, Виктор Ерофеев, Евгений Попов) тысячестраничного альманаха “Метрополь”, у которого не было ни малейшей надежды на публикацию в Советском Союзе и который в конце концов издали в США. После наказания самых молодых “метропольцев” (Ерофеева и Попова) Аксенов, как и полагается приличному человеку с принципами, в знак протеста демонстративно покинул ряды Союза советских писателей и в 1980 г. очутился в США, где оставался 24 года. Только там он сумел опубликовать выдержанный в

тональности политикал-фикшн “Остров Крым” и автобиографический “Ожог”. Уже в эмиграции написаны и другие его романы: “Бумажный пейзаж”, “Новый сладостный стиль” (из жизни эмиграции) и, главное, трилогия “Московская сага”, которую неумеренные льстецы сравнивают с “Войной и миром”, а умеренные — с “Доктором Живаго”. Аксенов никогда не скрывал, что “Сагу” (1989–1993) он писал с мыслью об американском читателе, и этим объяснял выбор определенной художественной манеры. После этой секвенции всех “кратких курсов истории” (его собственный вклад — это сталинизм “на скорую руку”) Василий Павлович на страницах ежемесячника “Октябрь”, пользующегося успехом у читателей, перебрался в эпоху Екатерины II (в почти постмодернистском романе “Вольтерьянцы и вольтерьянки”), получил за него русский “Букер”, в рамках благодарности французам за Вольтера поселился в 2004 г. у них в Биаррице и написал роман “Москва-Ква-Ква”, действие которого протекает в сладкие пятидесятые годы (1952–1953). Правда, на сей раз появились голоса, говорящие что-то о “старческом маразме” и “халтуре” (В. Топоров), но это ничего не меняет: Аксенов для многих поколений читателей остается культовым писателем, и он по-прежнему самый серьезный русский кандидат на Нобелевскую премию.

Но все-таки не единственный. Мое литературоведческое сердце бьется в постмодернистском ритме, и я верю, что когда-нибудь — может, уже в этом году, может, через год-два — чести прочитать нобелевскую лекцию в Стокгольме удостоится писатель, связанный с этим самым интересным явлением в мировой литературе (культуре). Я убежден, что получивший премию русский писатель выразит по этому случаю сожаление, что среди его предшественников не было Владимира Набокова, без творчества которого современное искусство стало бы несколькими шедеврами беднее, и мы ничего не знали бы об осиротевших номерах мотелей, где уже никогда не проведут ночь Гумберт Гумберт и Лолита.

Я надеюсь, что слова эти произнесет не Георгий Чхартишвили (1956 г.р.), обожаемый миллионами читателей. Как известно, по примеру Умберто Эко среди профессоров воцарилась мода быть писателями. И лучше всего — постмодернистами. Должность на вузовской кафедре (science) гарантирует постоянный доход, социальное обеспечение, а в будущем пенсию; писательство в нерабочее время (fiction) часто приносит популярность, место в СМИ, а иногда и крупные гонорары. В этих кругах господствует уверенность, что, прочитав тысячу книг, имеешь право написать тысячу первую,

тысячу вторую, а то и тысячу третью. Рецепт профессорского романа незамысловат, словно конструкция соцреалистического шпионского романа: задействовать сюжетные ходы, свидетельствующие о несомненной эрудиции автора (и чаще всего протащенные контрабандой в сенсационно-криминальной упаковке) и блистательно жонглировать разнообразными писательскими манерами (неприменно иронически подмигивая читателю). В России такой банализованной копией итальянского семиотика стал уроженец Тбилиси Чхартишвили, с 1998 г. более известный под псевдонимом Борис Акунин, точнее — ибо игра с читателем начинается уже на этом уровне — Б.Акунин (читай: Бакунин). Как пристало постмодернистскому клерку, он ничего не оставил на волю случая, всё точно распланировано: от образа сыщика в постмодернистском костюме до числа романов, их заглавий (например, разноцветная трилогия “Пелагия и белый бульдог”, “Пелагия и черный монах”, “Пелагия и красный петух”) и расположения в определенных циклах (“Приключения Эраста Фандорина”, “Провинциальный детектив, или Приключения сестры Пелагии”, “Приключения магистра”). Для (Б)Акунина, как и для всех прочих создателей академического детективного романа, решение загадки и ответ на фундаментальный для этого жанра вопрос “Кто убил?” так же важны, как и более или менее рафинированные интертекстуальные лакомства, цитаты и криптоцитаты, небрежно бросаемые zwischenruf’ы, намеки и шуточки, адресованные постмодернистской интеллигентской публике (например, анекдотическая отсылка к мнению минувшей эпохи, что-де цивилизация XX века всем обязана русской науке: “Метода у Коровина самая что ни на есть передовая и для психиатрии даже революционная. К нему из Швейцарии и, страшно вымолвить, самой Вены поучиться ездят”); а другой гениальный, наполовину безумный ученый переписывается с особой по имени то ли Маша, то ли Mania — надо понимать, Кюри (“Пелагия и черный монах”, вышедший в польском переводе В.Длуского). Литературный текст, как будто говорит Борис Акунин (опираясь — не знаю, насколько сознательно — на работы российских формалистов, написанные почти сто лет назад), возникает из головоломок (Пелагия, занятая вязанием на спицах, должна напомнить мисс Марпл, заглавный “черный монах” взят напрокат у Чехова, и т.п.), и потому недавно он предложил новую игру — в жанры (до сих пор использовались: детская книга, шпионский роман, фантастика; вскоре появятся: историческое разоблачение, семейная сага, триллер, производственный роман, исторический роман). На вопрос Станислава Лубенского, постмодернист ли он, Акунин (или Чхартишвили?) ответил: “Безусловно, да. Существует

множество определений постмодернизма. Для меня самое простое и вместе с тем самое меткое определение постмодернизма в литературе таково: это литература, которая возникает не на основании наблюдений подлинной жизни, а на базе чтения других книг. В этом смысле то, что я пишу, — стопроцентный постмодернизм. Большинство знаний о человеческой жизни, которыми я располагаю, взято из прочитанных книг. Я вовсе этого не стыжусь, не скрываю этого, а стараюсь это использовать. Кроме того, в своих романах я веду игру с читателем — действительно меняю литературный стиль таким образом, чтобы он напоминал язык разных писателей. У меня в России довольно большое число как раз таких читателей, которых совершенно не интересует, кто убил, кого или почему, — они лишь следят за этими литературными забавами, потому что их больше всего интересуют такие игры. Идет игра в литературного сыщика — читателям кажется, будто они уже разобрались в ситуации и знают, как все кончится, а я тем временем стараюсь выдумать что-нибудь абсолютно ошарашивающее”. Григорий Чхартишвили, видимо, еще не понял, что забрел в художественный тупик; что начитанность автора (даже если мы назовем ее эрудицией) не заменит таланта и не станет чудодейственным лекарством от графомании; что нельзя безнаказанно насиловать искусство (в среднем три книги в год); что заскучавшие читатели пренебрегут еще одним приглашением к деконструкции нового/старого текста и что себе на благо ему следует как можно скорее предать Бориса Акунина смерти (написав по этому случаю “Приглашение на казнь-2”). Он ведь, как ни говори, соавтор “Кладбищенских историй”. Ну и наверняка у него хранится в памяти повесть Стивенсона о докторе, который был не в силах справиться с избытком личностей в себе.

В последнее время синдром издательского сверхприсутствия затронул вчера еще многообещающего концептуалиста Владимира Сорокина (1955 г.р.). Его дебютантскую “Очередь” — которую я считаю одним из лучших русских романов XX века — лишь короткое время воспринимали как сюрреалистическую сатиру на социалистические будни (с весьма подозрительной моралью: давайте потреблять случайные знакомства, они того стоят), чтобы в конце концов увидеть в ней универсальную метафору ранга “Москвы — Петушков” (там — Русь пьяная, здесь — Русь в очередях) или “Малого апокалипсиса”. Затем полтора-два десятка с лишним лет автор “Очереди” был поглощен постмодернистским перетолковыванием истории своей социалистической родины (“Тридцатая любовь Марины”, “Норма”, “Голубое сало”) и — как писал Александр

Вавжинчак — “деконструкцией модели русской литературы XIX и начала XX века” (“Роман”). Сорокин-художник переживал тогда самый счастливый период в своем творчестве: он “подстрекал, внушал отвращение, соскребал лак и обливал помоями”, провоцировал, вызывал возмущение не только среди “Идущих вместе” (которые охотно сожгли бы на кострах “Голубое сало”) своей неблагонадёжностью — как политической (клонов Сталина и Хрущева связал гомосексуализм), так и эстетической (после такой дозы копрофилии замолкли споры на тему хорошего вкуса, и кто-то предложил, чтобы читатели делились своими впечатлениями, а именно сообщали, после скольких страниц очередного “Сорокина” у них началась рвота). В новом веке создатель незабываемой “Очереди” решил фундаментально сменить свой “имидж”, свое амплуа; из иконоборца, скандалиста и бунтовщика преобразиться в мыслителя и провидца, который больше не хочет эпатировать своих почитателей описанием анального секса, а желает повалить их на колени глубиной трансцендентных озарений. В результате появилась выдержанная в стиле “фэнтези” ледовая трилогия (“Лед”, “Путь Бро”, “23000”), первую часть которой сам автор прокомментировал следующим образом: “„Лед” — это первый для меня роман, где на первом месте не форма, а содержание... Речь идет как бы об одной секте, по форме напоминающей тоталитарную. Но только по форме... Можно сказать, что „Лед” — это реакция на разочарование в современном интеллектуализме. Цивилизация разрушает. Люди как-то теряют себя. Они становятся фигурами внешних технологий во всём, начиная от еды и кончая любовью. Ощущается тоска по первичному, по непосредственному... „Лед” — это не роман о тоталитаризме, а роман о поисках утраченного духовного рая”. Трагедия многих художников начинается в тот момент, когда — глубоко взволнованные патетическим лозунгом “Open Your Mind” или соблазненные обаянием интеллектуального эксгибиционизма — они слишком легкомысленно раскрывают свои умы и рты, выставляя себя в смешном свете. Именно это приключилось с Сорокиным, решившим написать о том, какое влияние на историю человечества оказало то нечто, которое упало в Сибири в 1908 г. и которое непосвященные называют Тунгусским метеоритом (либо, если они носят фамилию фон Дэникен, — разбившимся космическим кораблем). Главного героя романа “Путь Бро” зовут Александр Снегирев, и родился он ровно в тот день, когда это упало на Землю. Исключенный из университета (“Причин было предостаточно: непролетарское происхождение, антисоветчица-тетя, неуспеваемость. И я не был комсомольцем”), он по счастливому стечению обстоятельств очутился в экспедиции Леонида Кулика, которая

отправилась на поиски “метеорита” (1927). Снегирев с каждой пройденной верстой все интенсивнее ощущал, что отличается от остальных членов экспедиции. Он первым добрался до цели и то же мгновение понял, что до Земли добралась таинственная глыба льда, что Лед (уже не лед) есть начало всего и что именно Лед содержит в себе истину, доступную только избранным, тем, кого Лед пометил и выделил в день своего рождения (позже окажется, что таких людей имеется 23 000). И тогда заговорило сердце Снегирева:

— Бро-бро-бро... Бро-бро-бро... Бро-бро-бро...

Я понял. Это было мое настоящее имя. Меня звали Бро. Я понял это всем своим существом. Руки мои обняли Лед.

— Бро! Бро! Бро! — трепетало сердце.

И глыба Льда отвечала моему сердцу. Ее божественные вибрации вливались в мое сердце. Лед вибрировал. Он был старше всего живого на земле. В нем пела Музыка Вечной Гармонии. И ее нельзя было сравнить ни с чем. Она звучала Началом Всех Начал. Прижавшись грудью ко Льду, я замер, слушая Музыку Вечной Гармонии. В это мгновенье весь земной мир побледнел, стал прозрачным. И исчез. А мы со Льдом повисли одни во Вселенной. Среди звезд и безмолвия.

И пробудившееся сердце мое стало вслушиваться в Музыку Вечной Гармонии.

После прочтения нескольких десятков страниц я еще надеялся, что участвую в необычайно рафинированной рекламной кампании, на которую дает деньги какой-то производитель холодильников, что Сорокин пародирует какую-то местную российскую Марылю Родзевич или Хелену Мнишек, но оказалось, что этот писатель теперь именно таков. Я, правда, добрел до конца “Пути Бро”, но мое эстетическое целомудрие было окончательно замарано и обещано:

Я провожаю Храм.

Сердце мое замирает.

Сердце слабеет.

Сердце останавливается.

Сердце сделало свое дело.

И Свет покидает его.

Вчерашний Сорокин мог вызывать физиологическое отвращение у читателей, раздраженных копрофилией, сегодняшний — вызывает отвращение интеллектуальное. А это предвещает высшую меру наказания художнику — небытие.

Если у Чхартишвили/Акунина и Сорокина золотом считается публикация, то у Саши Соколова (1943 г.р.) таковым по старинке остается молчание. “Школа для дураков”, дебютантский роман этого вечного аутсайдера и одного из самых необычных среди современных русских писателей-эмигрантов, была благожелательно принята самим Набоковым. К середине 80 х, написав еще два столь же захватывающих романа (“Между собакой и волком”, “Палисандрия”), он утратил аппетит к фабуле и обратился к эссеистике. Однако, после того как в 1985 г., в один из осенних санта-барбарских дней, он выступил в Калифорнийском университете с лекцией “Портрет российского художника, живущего в Америке. В ожидании Нобелевской премии”, а два года спустя (ему вынужденно пришлось неоднократно повторять это себе по-американски: “Two years later”) ненавистный Бродский полетел получать премию, Соколов стал лыжным инструктором в штате Вермонт. Сейчас он временами приезжает в Россию, временами получает ту или иную премию, временами пишет — как и пристало постмодернисту — “тексты”, но чаще всего их не публикует. И до бесконечности подправляет три своих романа. Похоже, прав был Жак Деррида: “Нет ничего вне текста” (“Il n’y a pas de hors-texte”).

Некоторым текстам случается быть каноническими, священными. Для русских таким Великим — беспрестанно снабжаемым интерпретациями и подвергаемым объяснениям — Текстом остается Великая Отечественная война (никакая там не “вторая мировая”), в котором важное (наиважнейшее?) место занимает “Блокада Ленинграда”. О ВОВ в России за последние шестьдесят лет уже написано 659 или 1073 романа, и каждая новая попытка чаще всего предвещает художественный продукт второй свежести. К счастью, петербуржец Михаил Кононов (1948 г.р.), который в свое время изрядно начитался Лескова и тех, кто подражал лесковскому стилю изложения (все они пользовались так называемым сказом), а немного позже еще и иберо-американских прозаиков (у них он учился магическому реализму), не захотел быть новым Виктором Некрасовым, новым Казакевичем, новым Симоновым, новым Гроссманом, новым Шолоховым, новым Бондаревым, новым Баклановым, новым Окуджавой, новым Чаковским и даже новым Брежневым (удостоенным, напоминая, Ленинской премии в области литературы за три тома воспоминаний о

временах войны). Для рядового русского читателя кононовская “Голая пионерка, или Секретный приказ генерала Зукова. Батально-эротическая феерия, о восьми главах огнедышащих, с бодрой войной и гордой блокадой, с чистой любовью и грязным сексом, с громом психопропедевтических выстрелов генерала Зукова в упор и навскидку, а также бесспорно зафиксированным явлением Пресвятой Богородицы и стратегическими ночными полетами АБСОЛЮТНО ГОЛОЙ ПИОНЕРКИ!” вне всякого сомнения представляет собой кощунственный текст, хотя — тут я до странности спокоен — к этому роману рядовой читатель никогда не обратится. Младшие, вообще не читающие, дети цивилизации картинок посмотрят “9 ю роту” Федора Бондарчука (сына известного режиссера Сергея); старшие, стыдливые дети советской цивилизации, пренебрегут этой книгой, которая оскорбляет их патриотические чувства. Ветеран Иванов или ветеранка Петрова в рамках борьбы с “порнографией” наверняка сделают всё, чтобы в русской литературе проблема отношений мужчины и женщины на фронте полностью сводилась к воспеванию платонической, романтической любви, а половая жизнь попадала, как когда-то приказы генерала армии (а через несколько лет маршала) Георгия Жукова, в категорию “совершенно секретных”:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Приказ

войскам Ленинградского фронта

№ 0055

гор. Ленинград, 22 сентября 1941

В штабах и на командных пунктах командиров дивизий, полков имеется много женщин под видом обслуживающих, прикомандированных и т.п. Ряд командиров, потеряв лицо коммунистов, просто сожительствоуют...

Приказываю:

под ответственность Военных Советов армий, командиров и комиссаров отдельных частей к 23.9.41 г. удалить из штабов и командных пунктов всех женщин. Ограниченное количество машинисток оставить только по согласованию с Особым отделом.

Исполнение донести 24.9.41.

Командующий Ленинградским фронтом

Герой Советского Союза генерал армии Жуков

В более позднем приказе (№ 0066, от 24 сентября 1941 г.) прозвучали следующие слова: “В штабе армии, среди командиров частей и соединений развито пьянство и разврат” (цит. по книге Виктора Суворова “Беру свои слова обратно”).

Мария Мухина, главная героиня “Голой пионерки”, где уже само название — пощечина святыням соцмифологии (пионерка может быть “умной”, “доброй”, “храброй”, “верной”, “преданной делу”, но ни в коем случае не “голой”), в качестве Чайки “летает без крыльев и винта”, выполняя разведывательные задания (в частности, наблюдает за осажденным Ленинградом и выступает как свидетель совершаемых там каннибальских действий^[8]), а в качестве Мухи спешит в свободные минутки (опять же на благо Родины) оказывать офицерам скорую сексуальную помощь (взамен она рассчитывает на парочку трофейных трусиков, тех, у которых “резинка тугая, неразношенная”), и только с лейтенантом Ростиславом Овецким она не в состоянии найти общий язык. Разделяют их (это такая постмодернистская шутка Кононова) культурные коды: соцреалистический, приписанный ей (“Будто бы ты не знаешь: для меня главное — это коллектив! Разве я кого подвела?”), и сентиментальный — записанный в его генах (ведь это он носит имя, извлеченное из чулана слезливой литературы XVIII века; это он лиричен, словно персонаж из заурядной романтической прозы или из романа Окуджавы). Соединит их только сентиментально-соцреалистический Симонов и его стихотворение “Жди меня”, которое декламировала во время войны чуть ли не вся Россия: “В тот вечер пошли, как обычно, в лесок, выбрали под толстой сосной сухое местечко, сели. И вдруг Ростислав взялся Мухе стихи рассказывать наизусть, с выражением причем. И не какую-нибудь пошлятину запрещенную мещанскую, — не Есенина там матерного, кабацкого, не Северянина с хризантемой, — нет, в том-то и дело. Наоборот, грамотные, политически подкованные стихи, вполне патриотического содержания, даже странно. Он их в газете прочитал, давно еще, сам потом признался. Написано, главное, до того доходчиво, до того душевно — просто не передать до чего, жуткое дело! Жди меня, мол, и я вернусь. Только жди очень-очень, а не просто так — абы как-нибудь”. Лейтенант Овецкий вскоре погибнет, как и все предшествующие завоеватели, покорявшие Марию, потому что она — тут следует очередная постмодернистская шутка Кононова — не только Муха и Чайка, но еще и Богомол,

пионерская разновидность *femme fatale*, которая своим любовникам приносит смерть. А после Ростислава на нее не произвел впечатления даже “капитан-смерш”^[9], настоящий мачо, который кружку молока “выпил рывком”, как будто это банальная самогонка.

Последней жертвой Мухи стал сам Михаил Кононов. Это очередной творец, которого убил созданный им персонаж. Еще один писатель, чья фамилия будет ассоциироваться с одним-единственным произведением. В его некрологе вспомнят только “Голую пионерку”. Это, впрочем, далеко не худший выход/уход. Один очень хороший текст — и никакого тебе “Льда”, никакого “Пути Бро”, никаких “23000”.

Еще иным манером движется в постмодернистском “театре повседневной жизни” (Э. Т. А.Гофман) Виктор Ерофеев (1947 г.р.). Много лет назад Эрих Фромм в работе “Забытый язык” цитировал одного китайского поэта: “Прошлой ночью мне снилось, что я бабочка, и теперь я не знаю, то ли я человек, которому приснилось, что он бабочка, то ли бабочка, которой снится, что она человек”. Меня одолевают похожие сомнения. Я тоже не знаю. Не знаю, кто он — серьезный литературовед, пишущий ученые труды, предисловия и послесловия, эрудит, подавляющий энциклопедическими знаниями гостей, приглашенных на его “Апокриф”^[10], и время от времени вечером, после тяжких трудов, как описанный Анджеем Бурсой поэт, который “страдает за миллионы”, становящийся — ради интеллектуальной гигиены — в позу нехорошего, эпатирующего и шокирующего постмодерниста, которому плевать на все запреты — нравственные (роман “Русская красавица”, многочисленные рассказы), культурно-эстетические (эссе “Поминки по советской литературе”, “Русские цветы зла”, “Русский бог”) и политико-патриотические (повесть “Хороший Сталин”, эссе “Будь я поляком...”, “Сон об империи”)? Или же круглосуточный нонконформист, рафинированный постмодернист, не уклоняющийся от тонкого пастиша, пересмешник, жирующий на доцентском стиле и профессорской модели поведения?

Homo faber или Homo ludens? Сальери или Моцарт? Доктор Джекил или мистер Хайд? Good boy или bad boy? Несколько лет тому мне казалось, что я уже нашел ответ на эту загадку. В какой-то газете мне попалась тогда заметка о встрече президентов Франции и России, которых сопровождали известные личности из мира культуры. На фотоснимке удалось высмотреть Виктора Ерофеева. Я огорчился. Очень. Мне было неприятно и обидно, что ответ настолько банален, и при

ближайшем случае я сказал ему об этом. Ерофеев спокойно объяснил: “Да, я был тогда в Париже, но пригласил меня Ширак, а вовсе не Путин”. Я облегченно вздохнул — это ведь такое постмодернистское зрелище: президент Франции представляет президенту России одного из самых известных русских писателей. Да, но вместе с тем, пожалуй, никто из коллег по перу известного автора “Русской красавицы” не провел счастливого детства, уплетая на пару с некой Сюзанной каштаны на площади Пигаль и изучая обычаи, царящие в тамошних средствах городского транспорта: “Я не люблю пиджаки. Они напоминают мне с детства парижские вагоны метро первого класса, где едут воскресные индусы и африканцы...” (сборник “Мужчины”). Опубликованный им в конце XX века сборник эссе “Мужчины” подтвердил, что слухи о кончине постмодернизма оказались преждевременными, а если бы это даже и была агония, то исключительно красивая и завлекательная. В 42 эссе с присущим себе очарованием недавний гость Ширака писал об утренней эрекции, моде, Оптиной пустыни, губной помаде, Фрэнсисе Бэконе, народной мудрости, о норвежских березках, маркизе де Саде, русском садизме, о сексе, эмансипации русских женщин, писателе К., навозе, о превосходстве кровати над диваном, о Чехове, нудистах, Семене Бабаевском, киллерах, поляках (“Будь я поляком”), о Евгении Евтушенко, правах мужчин, Центральной Европе, Борисе Гребенщикове, о счастливых и несчастных холостяках, о страдании за миллионы, Василии Аксенове, Иосифе Бродском, проститутках, об Александре Солженицыне с Джеймсом Бондом, о гомосексуалистах и педиках, Евгении Харитонове, футболе, Владимире Маяковском, Альфреде Шнитке, Романе Виктюке, ночной жизни, Михаиле Булгакове, о Михаиле Лермонтове, мужчинах после пятидесяти, о неприятии заурядности, о суках (и это отнюдь не кинологический текст), опасном мужчине, о мужской красоте.

В этих текстах я особенно высоко ценю навязчивое желание не быть политкорректным и свободно высказываться о “партийных пастырях” в сегодняшней церкви; о жалко и горестно стареющих гомосексуалистах; о гениталиях (“Хуй — это хуй, и я буду писать это слово с большой буквы, как слово Родина”); о сочувствии к турецким солдатам, “утомившимся резать армян”; о ханжеской, притворно скромной российской интеллигенции (“Она вообще была не в состоянии понять, что женщина тоже любит трахаться. Татьяна Ларина и оргазм? Что вы такое говорите! Это немыслимо!”) и о том, что каждая женщина сознательно, бессознательно или необессознательно (феминистка) “торгует своим телом”. И я также ценю у

Ерофеева почти нерусскую иронию, а еще больше — совершенно нерусскую самоиронию (и сожалею, что на нее никогда не решился Солженицын), когда он добавляет пикантную изюминку к давнему спору Бродского с Кундерой и пишет о пражской русистке в “ярко-розовых трусиках”, которую вынудили изучать немецкий язык, или когда за названием, ассоциирующимся с большим искусством (“Автопортрет писателя в пальто”) скрывается эссе-эсэмэска, которое пародирует большое искусство: “И вот я вошел, в пальто цвета хуя. Босой. Бритый. В руке — деревянный чемодан. Красная жопа. Вся в губной помаде от поцелуев”. И еще один Ерофеев — приглушенный, депрессивный составитель афоризмов: “Мужчина начинается с утренней эрекции. В большинстве случаев ею же кончается”; “Пятидесятый день рождения — это первая ласточка поминок”.

Автор “Жизни с идиотом” — очень хороший прозаик, блистательный — а это особенно ценится в постмодернистской литературе — эссеист и творец собственного образа, одного из лучших в современном русском искусстве, артист, который непрерывно осознаёт, что — как пишет И.Гофман в книге “Представление себя другим в повседневной жизни” — индивид, вступая в круг непосредственного присутствия других индивидов, имеет много оснований для того, чтобы пытаться контролировать впечатление, которое он производит на других. Кроме всего, половина деревни (само собой, глобальной) связывает его фамилию с романом “Москва Петушки”. Всё это должно в самом ближайшем времени обеспечить ему Нобелевскую премию по литературе^[11].

Еще до недавнего времени я верил, что, коль скоро Империя распалась, а коммунизм рухнул и в результате утратили смысл все действовавшие разделения литературы (на официальную, неофициальную, эмигрантскую), то в вердикте шведских академиков — присуждающих премию русскому писателю — никто уже не будет доискиваться политических подтекстов. Я ошибался. Осенью 2007 г. проснулись химеры прошлого, и в очередной раз дали о себе знать русские “проклятые вопросы”. 16 октября “Российская газета” (№ 4493) опубликовала открытое письмо Владимиру Путину, в котором четыре господина (Зураб Церетели, Таир Теймур оглы Салахов, Альберт Чаркин и Никита Михалков), выступая от имени 65 тыс. членов различных творческих союзов, на коленях умоляли президента Российской Федерации — в согласии со всеми канонами азиатско-русской верноподданнической эпистолографии, — чтобы тот вопреки действующей конституции не отказывался

после двух сроков президентских полномочий снова добиваться занятия этого поста^[12]. Недели через две после этого перед телекамерами канала НТВ, усмиренного чекистами и окончательно потерявшего былую независимость, сошлись режиссер Никита Михалков (“Утомленные солнцем”, “Сибирский цирюльник”, “Двенадцать”; продюсер фильма “1612: Хроника смутного времени”), которому снится имперская Россия, с писателем Виктором Ерофеевым, мечтающим о России демократической. Фрагменты их дискуссии опубликовала “Комсомольская правда” (27 октября), и это просто потрясающее чтение:

Ерофеев: ...Если мы сейчас попросим президента остаться на третий срок, то придет следующий президент и скажет: “А я хочу остаться на всю жизнь”. (...) Сейчас создается новый культ личности. (...) Ты в следующий раз хоть прочти, что подписываешь... Я считаю, что это стыдно.

Михалков: Не испытываю никакого стыда... Я предпочитаю захлебнуться восторгом, чем дерьмом. (...) Меня поражает вот эта вечная болезнь нашей интеллигенции. Или нужно жить, засунув языки в одно место, свое или чужое... Или нужно обязательно существовать в системе отрицания. Почему вы не допускаете элементарно простой мысли, что можно искренне уважать и любить человека, который отвечает за жизнь твоей страны... При этом за все время нашего с ним общения я никогда и ничего для себя у него не попросил. А на то, что обо мне думают, мне плевать.

Собравшиеся в студии “судьи” почти единогласно сочли, что их убедили аргументы режиссера, между тем как зрители признали правоту писателя (Е. — 90 680 голосов, М. — 52 380).

Я знаю, что Никита Михалков уже не переменится, но несмотря на это ему следовало бы посмотреть несколько фильмов Иштвана Сабо (“Мефистофель”, “Полковник Редль”, “Хануссен”) о людях искусства, служащих власти, и непременно заглянуть в Интернет (к которому пока еще относятся терпимо). Там, например, юзер “Живого журнала” yavis_trieb 4 октября 2007 г. написал следующее (<http://yavis-trieb.livejournal.com/19925.html> [приводим текст в полном орфографическом и пунктуационном соответствии с оригиналом. — Ред.]):

Вся ситуация описана моим институтским товарищем Пашей Алексеевым.

С его разрешения помещаю этот текст у себя:

Прихожу сегодня на работу в свою поликлинику, и мне дают (зав. поликлиникой) анкету — “надо заполнить, это заявление на вступление в партию Единая Россия”. А я говорю: “Я не хочу вступить в партию Е.Р.”. Далее:

— а Вы член другой партии?

— нет.

— Тогда почему Вы не хотите вступить в партию президента?

— не хочу.

— Может, Вы и курс президента не поддерживаете?

далее по законам жанра должен был последовать вопрос, кого я больше люблю, маму или Сталина.

— тогда может, Вы не хотите у нас больше работать?

Выясняется, что из Райздрава (речь идёт о Красносельском районе) спустили распоряжение — всем руководителям поликлиник ОБЕСПЕЧИТЬ 100% ВСТУПАЕМОСТЬ в вышеозначенную партию, а при необеспечении их обещали лишить руководящих постов. Тако же и про рядовых сотрудников — тех, кто не вступит в ближайшее время — на хуй с пляжа.

Заебись! вспоминается песня незабвенного Егора Летова “Новый тридцать седьмой”.

К счастью для Паши Алексеева из Красносельского района, в мире единороссовских ура-патриотов Михалковых, влюбленных в харизматического господина президента, всё еще терпим циничный космополит Ерофеев, которому — вопреки самому себе — пришлось заняться рецензированием современности и диагностированием болезни, отравляющей российское общество. После смерти Андрея Сахарова и Юрия Левады уже только голос Сергея Ковалева и тексты автора “Хорошего Сталина” напоминают о существовании внепутинской России. Теперь так мало в ней мыслителей. “Теперь так мало греков в Ленинграде” (И.Бродский).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Букеровская премия, образцом для которой послужила британская “The Man-Booker Prize for Fiction”, присуждается за лучший роман, написанный на русском языке. Букеровский комитет неустанно старается заполучить — до сих пор не слишком удачно — дополнительных спонсоров, и

потому в 1997–2001 гг. премия называлась “Смирнофф–Букер”, а в 2002–2005 гг. — “Букер—Открытая Россия” (“Открытая Россия” — фонд, учрежденный Михаилом Ходорковским в рамках фирмы ЮКОС). В 2005 г. удалось найти нового мецената — “Бритиш петролеум”. В настоящее время премия составляет 20 тыс. долларов (британская — 50 тыс. фунтов), что сегодня и в российских реалиях не такая сумма, которая сражает наповал. Решения жюри, члены которого обычно друг с другом резко несогласны (в 1995 г. в жюри входил Анджей Дравич) порождают страшные эмоции и волну протестов. — От ред.: В некоторых примечаниях автор статьи сообщает сведения, известные русскому читателю, однако мы сохраняем примечания целиком, чтобы было видно, какие сведения получил от автора польский читатель.

2. До сих пор русскую Нобелевскую премию в области литературы получили: Иван Бунин (1933), Борис Пастернак (1958), Михаил Шолохов (1965), Александр Солженицын (1970), Иосиф Бродский (1987).
3. Звездой нескольких последних сезонов русской литературы стал Рубен Давид Гонсалес Гальего (сын испанки и венесуэльца, внук генерального секретаря компартии Испании, получившего убежище в СССР после захвата власти генералом Франко). Он появился на свет в кремлевской больнице уже калекой (в т.ч. частично парализованным), и его матери сказали, что ребенок умер. Это было явным проявлением социалистического гуманизма. Рубен познал все прелести советских детских домов. С 2001 г. Гальего живет в Испании и в своих книгах, написанных по-русски (“Белое на черном”, “Я сижу на берегу”) возвращается к травматическим воспоминаниям. Он не получал свою Букеровскую премию лично и не хочет возвращаться в Россию, которая могла сделаться его приёмной матерью, а стала злой мачехой из сказки и по-прежнему делает всё, чтобы и дальше заслуживать эту репутацию. Тогда, в 2003 г., к писателю отнеслись как к иностранцу (хотя он по-прежнему оставался российским гражданином) и обложили премию 30 процентным налогом.
4. Еще труднее указать сколько-нибудь выделяющуюся в настоящее время писательницу-лесбиянку; все наиболее заметные из них связаны с искусством рубежа XIX–XX вв. (то есть с Серебряным веком — например Поликсена Соловьёва) и нескольких следующих десятилетий (например София Парнок). Отдельного обсуждения заслуживают постоянно встречающиеся в современной российской литературе

сюжеты о гомосексуальной любви (в частности, в творчестве Василия Аксенова, Николая Коляды, Владимира Маканина).

5. См. мою критическую рецензию на ее роман “Кысь”: После, или Сатира на таксистов // “Одра”, 2002, № 3.
6. О произведениях О.Робски и М.Арбатовой я писал в тексте “Смущение. 3” // “Одра”, 2007, № 4.
7. Она родилась в Ленинграде, а не — как сообщает польский издатель ее повести — в Санкт-Петербурге. Это не просто ономастическая оплошность — это существенная семантическая ошибка. Юмористическое столкновение этих двух разных порядков культуры и цивилизации происходит ежедневно в телевизионном прогнозе погоды на Санкт-Петербург и Ленинградскую область.
8. Здесь непременно надлежит упомянуть Виктора Суворова (наст. имя Владимир Резун, 1947 г.р.; обращаю внимание на его дорогой российскому сердцу псевдоним), автора повсеместно известного “Аквариума”, который уже много лет занимается демонтажем советской мифологии (в частности, это книги “Ледокол”, “Солдаты свободы”, “День „М””, “Тень победы”, “Беру свои слова обратно”). В его писательстве, стилистически слабом, тревогу вызывает поразительная легкость письма и публикация сотен за сотнями страниц, каждый раз в твердой обложке, постоянно говорящих об одном и том же: 1) Советский Союз готовился к нападению на Германию, поэтому Сталин, которого гитлеровские армии опередили на несколько дней или недель, не подготовил свою страну к обороне; 2) Жуков был ужасным командующим (словно начальство Швейка) и плохим человеком, негодяем, злодеем, который вдобавок ко всему страдал психическими отклонениями. Кто-нибудь другой написал бы обо всем этом одну или две книги, тогда как автор “Ледокола” — свыше десятка. Зато я восхищаюсь Суворовым за смелость в провозглашении суждений, которые никогда не будут одобрены постсоветским (или уж скорее несоветским) обществом.
9. Смерш — сокращение от “Смерть шпионам”; в 1943-1946 гг. такое название носила военная контрразведка.
10. В этом ток-шоу на канале “Культура” (“Россия”), которое он ведет с 1998 г, Ерофеев — в обществе других “говорящих голов” — чаще всего бывает академически скучным и во всех отношениях абсолютно правильным. Русские в таких ситуациях иронически говорят: “Давит интеллектом”.
11. Мой список (шорт-лист) русских кандидатов на Нобелевскую премию открывают Виктор Ерофеев и Василий Аксенов. Кроме того, в нем находятся (тут уже в

алфавитном порядке): Белла Ахмадулина, Андрей Битов, Юрий Буйда, Владимир Войнович, Наталья Горбаневская и Николай Коляда.

12. В числе его противников на выборах мог бы оказаться вечный диссидент Владимир Буковский (“И возвращается ветер...”), которого в 1976 г. выслали на Запад в обмен на освобождение Пиночетом вождя чилийских коммунистов Луиса Корвалана.

ПЕСНИ

I.

Ты порог мой оставляешь —
будто август всей ночью
зашумел своей листвою
за тобою, где шагаешь.
За тобою — птичьи тени,
птицы все — где ты ступаешь.
Ты собою осветляешь
ночи августовской стены.
Потому что ты — орнамент
в зданьи ночи, месяц, птица.
Ты играешь звезд огнями
осторожно, как пшеницей.
С плеч твоих струится, рея,
плащ шумящий, птичий щебет,
что летит по галерее
через двор, где в светлом небе
свет Венеры. Оглянулась.
Взгляд твой — блеск воды в камнях.
Как мне глаз твоих угрюмость
здесь избавить от забвенья?

II.

Над столом своим склоненный,

под пожар зари бесшумный
твои руки опишу я,
твое сердце опишу я;
губы — терпкие такие,
голос — нежный и в обиде,
уши — ракушки морские,
Одиссей такие видел.
На лицо твое похожи
эти тучки, эти буки.
Вновь, чернильницу тревожа,
я выстраиваю буквы.
Буквы образуют слово,
а слова — как птицы — стаяй,
чтоб из вечного живого
образ твой живой составить.
Кончен день. За эти сутки
передышки — ни мгновенья.
Чем твое лицо и руки
здесь избавить от забвенья?

III.

Сколько тропок за спиною
и дорог, пробитых нами?
Сколько ливней, снегопадов
под ночными фонарями?
Сколько писем, расставаний
на окраинах и в центре?

Сколько умерло дыханий
первых и вторых до цели?
Сколько лет трудов, бессонниц,
общих горестей, стремлений?
Сколько хлеба? Сколько соли?
Поцелуев? Книг? Ступеней?
За строку страданием платят.
Скольких здесь стихи согрели?
Сколько мигот при Скарлатти?
При Бетховене? Корелли?
Глаз твоих лучи и свечи,
сердце — центром их свеченья.
Как сгорающее сердце
здесь избавить от забвенья?

IV.

Это всё — наш день обычный,
наше малое творенье,
труд упорный и привычный,
неустанное горенье.
Пламя греет, остывая,
солнце светит, ветер дует,
но поток существованья
мы ладонями формуем.
Мы средь целого — частицы.
Сила целого — огромна,
чтоб хватило всем пшеницы

и горели лампы ровно,
чтоб свет времени пружинил
напряженьем неустанно.
Мы стоим, жена, при жизни —
как ткачи при ткацких станах.
Время есть продуктом главным
для любого поколения.
Как лучи рабочей лампы
здесь избавить от забвенья?

V.

Мы с тобой не музыканты,
но оркестр для нас — что праздник,
любим мы рожки и арфы
и звучанье скрипок ясных.
В канделябре нашем ветхом
есть свеча с отливом медным,
чье сияние концертам
звук усиливает светом.
Ты зажжешь ее под утро
пламенем высоким узким,
чуть наш темный репродуктор
вспыхнет Третьим Бранденбургским.
И теней забавных танцы
на стене творятся прямо,
и подрагивают пальцы
Иоганна Себастьяна.

Бах, сощурясь на портрете,
смотрит из-под остекленья.

Как мне все минуты эти
здесь избавить от забвенья?

VI.

Мы не те, кто хочет только
потреблять красоты мира.

Мы творим его истоки
каждый день неутомимо.

Мы идем. Пусть очень много
есть препятствий, мы движенья
не прервем, ведь нам помогут
и машины, и растенья.

В серебристых кинозалах,
что метелью фильмов бредят,
среди всех людей усталых
мы сидим как их соседи.

День и вечер, ночь и утро
мчим вперед, нерасторжимы,
создавая чудо — чудо
вечного труда и жизни.

Снег из туч неистребимых
серебит волос струенье.

Как мне снег волос любимых
здесь избавить от забвенья?

VII.

Часть труда готова. Эта —
и еще, еще частица,
снова ночь и вновь с рассвета
прибавляется частица.
Солнце нам сердца пронзает,
освещает светом добрым.
Под руками возникают
из бесформенности формы.
Так предметный мир куется
меж мозолистых ладоней.
Длится труд. Так создается
плоть стихов, домов, симфоний.
Снова ночь. Как исполины —
ели в снеговых искринках.
Звезды спят в ночных глубинах
как в огромных темных скрипках.
А Венера в тех просторах
светит, необыкновенна.
Как мне блеск ее на стеклах
здесь избавить от забвенья?

VIII.

На мосту от ветра косо
кружат снежные перины.
На мосту от ветра косо
снег дымится на перилах.
И от фонаря устало

свет летит, от снега яркий.
И чуть-чуть людей осталось
на автобусной стоянке:
только мы. Автобус тут-то
ждать, похоже, бесполезно —
в глубине зимы, как будто
в глубине седого леса.
Здесь еще ворон бы пару
или три поставить рядом,
клювом к клюву, как попало
в светлых звездах снегопада.
Пусть стояли бы. Пусть гонит
ветер снежные сомненья.
Как мне три души вороньи
здесь избавить от забвенья?

IX.

Милая, письмо вот это
я пишу в сторожке. Мирно
лампа-керосинка светит
мне с коробки маргаринной.
В доме — никого, похоже.
Тикает будильник. Зябко.
Дверь открылась. На пороге —
мать лесничего, хозяйка.
Озабочена и словно
потемнела от заботы.

Говорит: “Простите, снова
в небе слышны самолеты.
Я не разбираюсь, может,
это мирная машина?
Я не знаю, только всё же
я боюсь за вас, за сына...”
Мать, мы помним тех жестоких,
им не будет здесь прощенья.
Как твое лицо в потемках
здесь избавить от забвенья?

Х.

Извините, люди, если
в этих песнях смысла мало,
коль не так сложились песни,
как сложить бы надлежало;
что красотостей в них кучи,
приукрашенных названий,
пташек, листьев, побрякушек,
Бахов, месяцев, сияний.
Что ж, я свет люблю. Свеченьем
стих, как смею, наделаяю.
Если б мог — я мир вечерний
превратил бы в канделябр.
Для того и вирши живы
их движеньем в сердце смертном,
чтоб свободнее и шире

шел рассвет по континентам,
чтобы всякую окрестность
озарял высокий, чистый
лик розовоперстой Эос
с гордым взглядом мастерицы.
Мы на полпути. Дорога
мчит вперед без промедленья.
Как мой след на всех дорогах
здесь избавить от забвенья?
Перевод Юрия Канчукова

Лесная сторожка Пране, 1953

Магда Умер

КОНСТАНТЫ ИЛЬДЕФОНС BES CEREMONIA ГАЛЧИНСКИЙ

*Дом на взгорье.
Десятиоконный.*

*На окне — герани
куст зеленый.*

*Дом кирпичный,
солнцем
обогретый*

*и румяный, как
бочок ранета.*

*Кустики герани
встали рядом.*

*Всё увито диким
виноградом (...)*

(
1
9
5
1
,
п
е
р
.
Ю
.
В
р
о
н
с
к
о
г

Вчера я вернулась из Пране на Мазурских озерах, где находится самая знаменитая в Польше лесная сторожка. В ней провел свои последние годы необычайный поэт, переводчик и юморист, которого открывают всё более молодые поколения. Ни эта поэзия, ни это место не напоминают пыльного музея. Прошло 55 лет со дня его смерти, а молодежь по-прежнему что-то для себя находит в вымышленных им мирах, предпочитая бессмыслицу смыслу, и так же, как он, издевается над пафосом, каковым некоторые любят украшать важные дела мира сего. В лесной сторожке Пране — зеленый дикий виноград оплетает окна последнего счастливого жилища поэта. А внутри — письменный стол, кресло, лампа, Зеленая Гусыня — как верный пёс — у ножки стола, масса интересных снимков, картин, полное собрание всех изданий его книг. Это место необычайно бдительно опекают нынешние хозяева — поэт Войцех Касс и его жена Ягенка. Заботятся они и о том, чтобы в этом месте кипела литературная жизнь. Это особенно важно во времена, когда она не кипит в СМИ, гонящихся лишь за слушательскими и зрительскими рейтингами.

В это место, полное памяти о Галчинском, приезжают паломники со всей Польши. Люди благодарны за то, что его стихи когда-то помогли им и продолжают помогать. И сам человек, писавший их, продолжает вызывать их интерес. И история его великой любви к жене — прекрасной, серебряной Наталье, множество портретов и фотографий которой здесь можно увидеть. Ей он посвящал самые прекрасные свои стихи, ибо ничего не было важнее:

Говорят одни: — Он наш!

А другие: — Нет, он наш!

А я твой и только твой, и так мне лучше.

Одни тянут на восток,

а другие — вперёд,

ну а я с тобой в кино пойду с полочки.

(Пер. Н.Горбаневской)

Ныне, по прошествии многих лет, о мировоззренческих блужданиях поэта, о его алкоголизме и слабой психической конструкции дискутируют лишь студенты-филологи да

историки литературы. Читатели же хотят читать стихи, ибо стихи помогают им жить.

*Все разъехались, а эти двое
по поселку бродят поневоле,
рук не разнимают почему-то...
Молоды еще, а не случайно —
он печален, и она печальна,
словно съедут навсегда отсюда.
И она уже не красит губы,
он всё письма пишет да рыдает,
больше не выходят на прогулки;
что за мука их грызет-съедает?*

(“Стран
ные
дачник
и”, пер.
В.Корни
лова)

Как напевны эти стихи! Стихо-песни. Даже тогда, когда никто не сочинил на них своей мелодии. Достаточно записать на нотном стане интервалы пана Ильдефонса...

В Пране я приехала на финал IV Всепольского конкурса чтецов-декламаторов им. К.И.Галчинского. Я была членом жюри и своими глазами видела, как в исполнении молодежи сами стихи молодеют и помогают как слушателям, так и чтецам.

*Раз пятьдесят тебе я повторяла,
чтоб ты ушел, что дождь давно
идет.

Неловко так стоять, прижавшись от
начала!

Ну, право, каждый нас смешными
назовет.*

Чтоб так смотреть в глаза, да ты
подумай!

Так под дождем, как будто фильм
немой.

И сплёт руки в руке! Но кто же это
слышал,

Ведь завтра вновь мы встретимся с
тобой!

И так нам тяжело расстаться!

И так нам тяжело расстаться!

Но если дождь идет, то пусть уже
идет.

И так нам тяжело расстаться!

И так нам тяжело расстаться!

Должно быть, этот дождь здесь нас
очаровал.

(Пер.
Г.Сорго
нина)

А вокруг зеленый лес, зеленые гусыни на каждом шагу и
(немножко даже чересчур) зеленый памятник поэту. Лауреат
Гран-при юный Ян Ясинский из Мельца получает золотой
“Ватерман” с обязательными зелеными чернилами... В
здешнем магазинчике можно купить диск невероятной
красоты: “Хрупкий мир, хрупкое стекло” — на нем стихи
Галчинского читает Войцех Малжинский, а поет их — Гжегож
Турнау. Мы в замороженном мире:

А на поминках, под огуречик,

пусть меня в надписи увековечат:

ФОКУСНИК И ОБЕЗЬЯН-ЧЕЛОВЕЧЕК.

А дальше текст такой:

“Лирика, лирика,

нежная динамика,

ангелология

и т.д.”.

(Пер.
Н.Горба
невской
)

На этом творчестве “взрастали” Иеремия Пшибора и Агнешка Осецкая — это хорошо слышно в текстах их песен. Иеремия мне даже рассказывал, что однажды его остановил пан Константы и поздравил с чем-то, услышанным по радио. “Это был большой день в моей жизни, — сказал он, — Галчинский придал мне веры в то, что мое дело имеет какой-то смысл, а не только тот, чтобы мне самому развлекаться и зарабатывать на жизнь”.

Юная Агнешка Осецкая некоторое время прожила в сторожке Праге: она дружила с лесничим Стахом Поповским, и он позволил ей работать за письменным столом поэта. Она была счастлива: получила такую награду! Многие стихи Галчинского она знала наизусть. То же самое — ее товарищи по СТС (Студенческому театру сатириков). Все передачи кабаре Ольги Липинской, которые четверть века показывало Польское телевидение, по духу были от Галчинского; да не раз там и прямо обращались к его текстам. А Петр Скшинецкий и “Погребок под Баранами”? А Мирон Бялошевский? Всем им было за что благодарить поэта. И, возможно, Самый Маленький в Мире Театрик — “Зеленая гусыня” — открыл дорогу театрикам и кабаре в “Народной Польше”...

Слёзки и гротески,

Сердца арабески

И любовь к отчизне,

Огонь и дым.

Пьянство (но не водочкой) водичкой
Иппокрены,

Песня, где пречудно рифмованы
рефрены:

Рым. Цым. Цым.

(Пер.
Н.Горба

невской
)

Сторожка Пране...

Я ночевала здесь вчера впервые в жизни. Провалилась в такой глубокий и сладкий сон, что даже не слышала грозы, о которой на следующий день рассказали мне хозяева.

И вспомнились мне и “Пасха Иоганна Себастьяна Баха”, и “Сани”, и изумительная “Ольштынская хроника”, особенно вот эти строки:

Входишь в лес, а лето входит в осень,

—

восемьдесят лет тебе иль восемь?

Смотришь в этот лес как будто в сказку,

трешь глаза в чудесном ослепленье,

лес тебе дарует исцеленье,

мох кладет на сердце как повязку.

(Пер.
Ю.Вронс
кого)

Мне лет пятьдесят и девять [в оригинале у Галчинского “пятьдесят лет или девять”], то есть 59, и я по-прежнему с охотой вхожу в зеленый лес творчества поэта. И его вечнозеленые стихи кладу себе иногда на сердце... как повязку.

Я б хотел еще больше деревьев,

полных птичьими голосами,

больше волн, облаков, созвездий

и туманов к ясной погоде

и, обняв это все руками

и коснувшись всего устами,

так уйти, как солнце уходит.

(Пер.
Ю.Вронс
кого)

Можете ли вы себе представить более прекрасный уход (закат)?

Я — нет. Рым, цым, цым.

Малые Пентицы, июнь 2008

Магда Умер — певица, бард, режиссер

НАКАНУНЕ

Около девяти утра, примерно тогда же, когда Болек Бутрым с младшим сыном Хубертом, с шелковолосой Дагмарой (на которую Хуберт не переставал поглядывать), пухленькой Мариолой и еще двумя одноклассницами, которых удалось мобилизовать, разумеется, с Павлом, ну и с доктором Верником, который явился, как и обещал, приводили в порядок еврейское кладбище (Мариола принесла несколько мешков для мусора) — трудились энергично, с явным удовольствием, девочки, во всяком случае, очень веселились, радуясь, что кое-кому насолили: запуганной директрисе, но и не ей одной, чтоб им всем пусто было; а может, они потому так бойко взялись за дело, что утро было еще прохладное, воздух не очень сухой и легко дышалось; так вот, примерно в это же время старый Бутрым, Вальдек, опираясь на палку, доковылял до дома, где жил Болек, его блудный сын, предатель. Он застал только Адама, своего, что ни говори, внука, тощего и длинного, как жердь, внук сидел в очках за компьютером, рядом — кипа бумаг, исписанных цифрами, исчерченных линиями графиков. Бутрым почти не знал этого юношу — внук, а точно чужой, черт подери.

— Где папа? — сердито спросил он.

— Его нет, — ответил внук, не отрываясь от компьютера.

— Я спрашиваю, где он?

— А вам какое дело? — буркнул Адам, по-прежнему глядя на экран.

— Это еще что за “вам”? — обозлился старик. — Не поперся, часом, на это проклятое кладбище? Черт, что он себе думает? Что люди скажут? Елки зеленые, как я этого болвана воспитал?!

— Очень хорошо воспитали, — сказал Адам, не переставая барабанить по клавиатуре. — Он многим вам обязан.

— Опять “вам”? Ты что, не знаешь, кто я?

— Чего-то не припоминаю, — холодно процедил Адам.

— Я твой дед.

— Ошибаетесь. У меня нет деда.

— У каждого есть. Даже два.

— У меня был только один. И он давно умер.

— Я — второй. Который жив. Хожу с палкой, старость, понимаешь, но пока живой. И если понадобится, елки зеленые, не одному еще могу вломить.

Адам повернулся к нему.

— Ошибка вышла, — сказал он. — Нет у меня деда.

— Елки зеленые, — выругался старик.

— Чего это вы так деликатно? Не знаете современного польского языка?

— Не стану же я при внуке выражаться. Ты что там делаешь?

— Работаю. Я информатик.

— Это с какой же радости?

— Закончил двухгодичные курсы.

— Кто, кто — как ты сказал? — Старик приложил ладонь к уху.

— Информатик. Знаете такое слово?

— Ясное дело, знаю. Это как, значит? Информировать? Доносишь?

— Не прикидывайтесь.

— Опять на вы! Я же твой дед! Дедушка!

— Нет у меня дедушки.

— Вот заладил! А это у тебя что? Вон тут? Какие-то еврейские закорючки...

— Я конструирую приемник.

— Сам? А купить не можешь?

Адам в первый раз улыбнулся.

— Это будет особый приемник. Чтоб вылавливать из эфира разные старые голоса. Нам только кажется, что они улетели. На

самом деле они где-то здесь, рядом.

— Это как — старые? — заинтересовался Вальдек.

— Ну, например, те, что звучали шестьдесят лет назад. Всё можно поймать. Крики, стоны, проклятия.

— Думаешь, получится?

— А почему бы нет? Я уже один раз поймал. С помехами, но это ерунда, уберутся.

— А изображение?

— Погодите, не всё сразу.

— Ничего у тебя не получится!

— Посмотрим. Ко дню памяти будет в самый раз. Приходите. Послушаете себя. Вы ведь там были, верно?

— Я? Да у меня все по струнке ходили. Я родился, чтоб приказывать. “Рота, слушай мою команду!...” Жаль, ты меня не слышал. Я бы до больших чинов дослужился, да только время не туда повернуло. Вот какой был твой дед!

— Ничего, теперь сможете себя услышать. Всё, что кричали и приказывали.

— Я думал, это сгинуло.

— Не сгинуло. Всё сохранилось. Всё там, наверху, записано. — Адам протянул Бутрыму бумажный платок. — Держите!

— Это еще зачем? — возмутился старик.

— Сопля на носу висит. Вытрите.

Старик, вытирая нос, бурчал: “старость, черт...” Адам вдруг спросил:

— А вы не боитесь?

— Я? Боюсь? Чего?

— Когда всё это... ну, всё, что там произошло... ваш собственный голос подтвердит... Не боитесь?

— Чего?! Чего, етить твою мать, мне бояться? Я выполнял свой долг. Суд был? Был! И что? Свидетели дали показания.

— И что же они показали?

— Что это немцы. Сами евреи подтвердили, что это сделали немцы. Мне всего два года дали — за грабеж, за это клопиное барахло. Условно. Видишь? Наша взяла!

— Не наша, — резко бросил Адам. — Ваша! Не моя! — И, помолчав, сказал: — Уходите. Вы мне мешаете.

Анна, журналистка, допивала кофе, когда к ней подошел Майк. Поздоровались; Анна спросила, не хочет ли он кофе. Майк кивнул, она дала знак пани Филомене, добавила: “Не стесняйтесь, пан судья, редакция платит...”

“Я тебя поэксплуатирую”, — пообещала себе журналистка.

Майк медленно прихлебывал кофе.

— Я думал о ваших словах, о том, как вы на меня набросились.

— Да что вы, это разве набросилась!

— Понимаете, мой польский... как бы это сказать... подвергся коррозии. Не всегда могу точно сформулировать свою мысль. А думал я про те слухи, которые вы хотели мне пересказать.

— Да вы же не захотели слушать.

— Ох, я уже столько такого наслушался. Бетси моя, чистая душа, без конца кричит: “Хватит говорить о плохом — на свете столько хорошего!” Но я, пани Аня, не ангел. Как про меня сказал доктор Верник? “Трезвый и жестокий человек”.

— Он пошутил. — Анна усмехнулась, в темных глазах за стеклами очков блеснули огоньки.

— Надеюсь. Эта “жестокость”... Ага, насчет того, о чем здесь болтают. Думаю, эти мерзости из них иногда выскакивают именно потому, что больно уж тяжек груз преступления. Нет сил выносить...

— Ну что вы! — живо возразила Анна. — Типичное wishful thinking. Вам хочется, чтобы так было. Нет и нет: никаких угрызений совести!

— А вы что, знаете, как у них обстоит дело с совестью? Вам известно, что им снится? Мы знаем только то, что видим и слышим. Они говорят мерзости, лгут, оскверняют память жертв, так как знают, хорошо знают, что принимали участие в преступлении. Дали волю жестокости, жадности. Отпустили

тормоза. Ведь должны быть у человека где-то вмонтированы тормоза. Но почему-то тормоза не сработали. И они это понимают. В том числе и те, кто сам не участвовал, только наблюдал со стороны или, в лучшем случае, отвернулся. Вот это, пани Аня, самое важное.

— Я что-то ни у кого не заметила желания раскаяться.

— Чтобы сбросить такой груз, пришлось бы проклясть самих себя.

— Они этого не сделают, — решительно заявила журналистка.

— Да они скоро все перемрут. А Черемец останется.

Журналистка встала.

— Я вас кое с кем познакомлю — может быть, пригодится.

Она достала мобильник, набрала номер.

— Пан Стефан? Это Аня. Можно к вам зайти? Буду через четверть часа. — И, обращаясь к Майку: — Прошу в мой “Опель”.

В машине, за рулем, Анна быстро рассказывала:

— Он живет один. Жена его бросила, не выдержала тяжелой работы, уехала в Нижнюю Силезию. Он вырастил троих детей, дал им образование, они не захотели оставаться в Черемце — да и зачем? Что им здесь светило? В общем, он один как перст. Иногда нанимает себе в помощь женщину, попадаются такие... неустроенные. Он мне напоминает Гервазия — поджарый, жилистый, высокий, только ему некому и не за что мстить. Разве что самому себе.

Он ждал их перед домом — такой, каким его описала журналистка: высокий, жилистый, Гервазий без усов, с трехдневной серой щетиной. Мужчины познакомились. Пошли в сад, в тень плодовых деревьев. Может, что-нибудь выпьете? Хлебного квасу? Нет, спасибо, только что пили кофе, да и пан судья торопится.

— Пан Стефан, — попросила Анна, — расскажите судье о своем саде.

— Эти вишни, видите? — а там, дальше, яблони... цветы частично померзли, но кое-где сохранились, так вот, все росло у Эрлихов.

Майк загляделся на красное пятно трактора между деревьев — на трактор, хлопая крыльями, взлетели куры, что-то там клевали, видно, нашли рассыпавшееся зерно.

— Я дружил с Зигой Эрлихом, — отозвался наконец судья. — Его застрелил Вальдек.

— Знаю, знаю. А какой он был, этот молодой Эрлих? Совершенно не помню. — И, помолчав, добавил: — Помню только его сестру, Мирку.

— Откуда здесь эти деревья?

— Выкопал у них в саду и перевез к себе.

— И Снопек позволил?

— Он еще там не распоряжался. Был такой период, бесхозный, можно сказать, деревца бы одичали. Я их спас.

— Воспользовались случаем.

— Дерево имеет право жить. Для того и существует.

Было бы слишком просто сказать: а человек не имеет права жить? Банальность.

Стефан согласился:

— Воспользовался.

— А кошка у вас есть?

— Есть. Две. А почему вы спрашиваете, пан судья?

— Думаю, нетрудно догадаться. Потому что Казик Бутрым...

— Он сюда не придет, — хмуро сказал садовник.

— Откуда вы знаете? Он же псих.

— Психи тоже соображают, где могут получить по шее.

Перешли в дом. Большой стол, стулья. У стены напольные часы. Не ходят. Стрелки показывают четверть десятого. С каких пор застыли на этих цифрах? И почему этот одинокий мужчина не заводит часы?

Майк спросил, указывая на часы:

— Их?

— Нет. Вольфовичей. Я к ним пришел, сказал: надо идти, Костек велел, вы знаете, кто это, отец Вальдека, а он, Вольфович то есть, мне: “Бери часы, Стефан, забирай, пусть лучше твои будут”.

— Почему именно вам?

Садовник развел руками.

— Не знаю. Может, чуял, что не по душе мне всё это. Не знаю, — повторил. — И еще наручные часы дал: бери, не хочу, чтоб другим достались.

— И где эти часы?

— Сыну отдал.

— Еще при коммунистах?

— Ну...

— Сын знал, чьи они?

— Нет, откуда. Может, после догадался. — И добавил смущенно: — Я давно сына не видел. Может, в реку выбросил...

— Вы бы на него рассердились?

— За то, что выбросил? Нет. Вряд ли. Хотя — вещь это вещь. Уважения требует. Но сейчас я б не удивился.

— А тогда?

— Я же их взял.

— Вы хоть поблагодарили Вольфовича?

— Не знаю. Нет, кажется. Может, подумал: вроде как мне причитается. За тяжелую работу. Работа и впрямь была нелегкая. Копать всегда тяжело. Вольфович этот — может быть, вам будет интересно, — когда мы выходили из дома, чего-то бормотал себе под нос. На древнееврейском, по-моему. Я спрашиваю: что вы там бормочете? А он: “Книгу Иова”. — Садовник долго задумчиво качал головой, потом сказал: — Я до него добрался, уже спустя много лет.

— До него? До “Книги Иова”...

— Ну да. Священное Писание-то у меня есть, хоть и лютеранское.

— И что вы там вычитали?

— Что все хорошо закончилось. Иов завел новую семью, снова разбогател.

— А ваш Иов погиб в огне — вы это хотели сказать?

— Погиб в огне — вот-вот, так я и хотел сказать.

— Напрасно, значит, он себя сравнивал с Иовом?

Садовник не ответил. Только все качал головой, и Майк подумал, уж не тик ли это. Спросил:

— Вы были возле овина? И как там себя чувствовали?

Слышно было тиканье будильника. Садовник подошел к замершим напольным часам. Глядя на мертвый циферблат, с трудом выдавил:

— Ужасно.

Сейчас ему так кажется — а в тот день он что думал?

— Подумали: а я тут что делаю?

— Не помню. Вроде, вообще ничего не думал. Пустота в голове. Пить, помню, хотелось.

— Тогда почему говорите “ужасно”?

— А как же еще? Это и есть ужас.

— Пан Стефан, — вмешалась журналистка, — расскажите о Мирке. Послушайте, пан судья.

Хозяин сел за стол, подпер голову руками.

— Мирка... — начал. — Она постарше вашего друга была. Лет девятнадцать. Самое время замуж. Очень красивая. Когда пришли за Эрлиховой женой, ее дома не было, спряталась где-то. А вы тогда вывели своего дружка.

— Не удалось вывести, — напомнил Майк.

— Не удалось. Вальдек за вами погнался, знаю. Я домой возвращался, полем, устал очень, едва ноги волочил, а тут, гляжу, бежит мне навстречу Мирка. Растрепанная, в волосах колоски застряли, глаза безумные. Я кричу: ты куда? Прячься! А она: я хочу к маме, к Зигмусю! Нет их уже, говорю, а ты можешь

спастись, возвращайся, откуда пришла! А она бух на колени. Пан Стефек, застрелите меня, умоляю, я к маме хочу! Я ей на это: ты что, умом повредилась? Не хочешь живой остаться?! Жаль такую хорошую девчонку!

— Вы по-другому сказали, — уверенно вставил Майк.

— Ну да, по-другому, я же темный был, хамоватый. Иногда, думаю, скажи я поласковее, поумнее... А она: Стефан, умоляю, сделай это для меня, я хочу к маме, мне ведь все равно не жить, это моя последняя просьба, в таких просьбах не отказывают, у тебя же есть пистолет, стреляй.

— Плакала?

— Нет, кажется. Я вынул из-за пояса пистолет и выстрелил. Прямо в сердце, чтоб не мучилась. Оттащил с тропинки в сторону, положил в рожь, ноги у ней были голые аж досюда, ну я и натянул юбку на колени. Ночью подъехал, забросил ее на телегу, кобыла захрапела — знаете, не всякой лошади такой груз по нутру. Отвез на еврейское кладбище, вырыл могилу, похоронил. Всё тайком.

— Почему тайком?

— Меня бы за это по голове не погладили.

— А ксендзу исповедались?

— Нет.

— Не сочли это убийство грехом?

— Это был грех. Я мог и не убивать. — И спустя минуту: — Те бы все равно убили. А она хотела, чтоб я. Как я мог отказать? Ну, сами скажите: мог?

Анна бросила гневно:

— Вы могли ее спасти.

— Она хотела к матери. — Он говорил, уставившись в стол. — У меня часто перед глазами — как она молит... на коленях... Стефан, это моя последняя просьба. И я выстрелил, не отказал. — Он поднял голову. — А вы, пан судья, что думаете?

Судья Мерфи ответил почти официально:

— У меня подобных дел не было.

На прощание Майк спросил:

— Вы знаете, какой день мы завтра отмечаем?

Садовник кивнул:

— Знаю.

На том разговор и закончился. В машине Майк спросил:

— Вы это включили в книгу?

— Да, включила.

— Отлично. Превосходный материал. Охотно почитаю.

— Куда вас отвезти? — спросила Анна.

Майк посмотрел на часы.

— В плебанию. У меня там встреча с какой-то Ханой, раньше ее звали Фрайндля. А знаете, Павел, этот несостоявшийся самоубийца, был не так уж неправ. Я его убеждал, что ни у кого из местных не возникало желания покончить с собой. И что вы думаете, пани Аня? Я ошибался.

Перевод Ксении Старосельской

Józef Hen, Pingpongista, W.A.B., Warszawa 2008

*

Нелегко устоять перед искушением описать последний роман Юзефа Хена, просто изложив его содержание, — тем более что читатель (причем не только польский) легко заметит параллель между вымышленным местечком Черемец и реальным Едвабне. В любой литературной энциклопедии можно без труда разыскать сведения о еврейском происхождении автора, публиковавшего в “Малом пшеглёнде” Януша Корчака письма-рассказы под псевдонимом “Юзек из Новолипья”. Однако оценка “Пингпонгиста” только в биографическом контексте значительно обеднила бы восприятие романа. Действительно, Хен слывет писателем, который делает из своей или чужой биографии захватывающую литературу. Достаточно вспомнить его переработку биографий Мишеля де Монтеня, Тадеуша Боя-Желенского или короля Станислава Августа. Впрочем, в “Пингпонгисте” обращение к подлинным событиям или реальным персонажам напоминает скорее игру в пинг-понг с читателем, в которой мячик должен быть отбит.

Восьмидесятипятилетний писатель закончил писать свой последний роман почти одновременно с изданием “Страх” Гросса. Автор “Пингпонгиста” утверждает, что писал о том же, о чем и Гросс, но другим языком, оставляя оценку читателю. Тем самым он отказывается оценивать “хороших поляков”, спасавших евреев от гибели, и поляков “плохих”. Получилась книга, которая на двух уровнях — современных событий, хранящих память об убитых евреях, и ретроспекции военных событий — представляет точку зрения еврея, связанного с Польшей и ощущающего себя поляком. Эта точка зрения принципиально лишена искусственного пафоса, ведущего к косности или ксенофобии. Неслучайно провинциальный антисемитизм выражается у героев Хена в словах местечкового сумасшедшего, который на вопрос, кем был по национальности Иисус, с полной уверенностью отвечает: поляком.

В напечатанной на страницах “Газеты выборчей” рецензии на “Пингпонгиста” Дариуш Новацкий задается вопросом о главной идее этого романа, которая если не станет исходной точкой для дальнейших поисков, то по крайней мере склонит к внимательному чтению: “Трудно угадать намерения писателя. Возможны два решения. Либо последняя книга Хена, сочетающая в себе морализаторский и тенденциозный романы, — это просто чтиво, либо это (...) провокационное выступление”. Итак, пользуясь спортивной терминологией, можно сказать, что спортсмен в хорошей форме, а значит — мяч в игре.

Г.Д.

ВЕЛОСИПЕД ПО-ПОЛЬСКИ

Еще некоторое время назад поляк смотрел на велосипед исключительно как на транспортное средство. Там, где городской транспорт был и продолжает оставаться малоразвитым, иначе говоря, в деревнях и небольших населенных пунктах, велосипед встречался тогда в массовом порядке. С его помощью можно было дешево добраться на работу или в магазин. В метрополиях же “велик” символизировал скорее косную, провинциальную захолустность либо отсутствие денег на трамвайный или автобусный билет. С годами велосипеды вернулись. Поляки начали разъезжать на них в свободное время по паркам, или ездить в загородные походы. Особенно популярными “байки” стали в середине 90-х годов, когда на смену малопривлекательным “раскладушкам”, т.е. складным велосипедам, начали постепенно приходить так называемые горные велосипеды – навороченные и пижонские, хотя в принципе и не предназначенные для городских условий. С годами эта мода сошла на нет, и на велосипедах нынче ездят те же, кто катался на них десятью годами раньше. Однако можно сказать, что в настоящее время мы проходим очередную фазу. Велосипеды вновь становятся популярными. Однако велосипедная культура значительно изменилась и продолжает меняться.

Если подходить к этому вопросу без лишних усложнений, велосипедисты подразделяются на городских и на велотуристов. Хотя, естественно, ничто не мешает принадлежать к обеим этим группам сразу. В большом городе можно встретить по меньшей мере четыре подгруппы велосипедистов, которые я сейчас опишу. Для трех из них велосипед стал прежде всего ежедневным транспортным средством, чтобы доехать из дома на работу или в школу. Причиной такого решения редко бывает отсутствие удобного городского маршрута, хотя случается и так, что на велосипеде удастся быстрее преодолеть улицы, закупоренные автомобильными пробками.

В городах значительную часть велосипедистов составляют молодые, модно одетые люди. Они пользуются типично городскими велосипедами с большими колесами и узкими шинами. В конструктивном отношении их транспортные

средства оснащены довольно скудно. Важно лишь, чтобы они были старыми, лучше всего – привезенными из-за границы (особенно из Голландии), но вполне могут быть и наследством, доставшимся от деда. На рынке появились также стилизованные велосипеды. Выглядят они очень похоже, но оснащены разными удобствами и облегчениями. Хорошо видно, что для многих из тех, кто принадлежит к этой группе, катание на велосипеде – вопрос моды. В определенных кругах считается хорошим тоном приезжать на занятия либо на работу на велосипеде: тем самым человек оберегает окружающую среду и уж наверняка хорошо выглядит.

Вторая группа – это люди, которые просто любят велосипед и считают, что, коль скоро на нем можно кататься в воскресенье по парку, то ничто не мешает делать то же самое и всю неделю, т.е. ездить на работу. Попросту говоря, это самые обычные велосипедисты, и у них обычные машины. Их использование такие люди не связывают ни с какой возвышенной идеей. Не отождествляют они себя и с остальными велосипедистами. К данной категории относятся также дедушки и бабушки, колесящие на велосипедах ради поддержания формы, или родители с детьми, отправляющиеся на прогулки по выходным дням.

Третья группа – энтузиасты. Помимо ежедневных поездок на занятия, эти фанаты в уик-энды исчезают, пускаясь в длительные и дальние загородные экспедиции. Важно ехать быстро и далеко. Они подразделяются на тех, кто заботится о своей и чужой безопасности (шлем, светоотражающий жилет), и тех, кому подобные хлопоты чужды в такой же степени, как и правила движения. Ездят они на новых и старых двухколесниках, на кроссовых велосипедах и на приспособленных к езде по городу горных велосипедах – в последнем случае особенно важны более тонкие шины, благодаря которым ездится быстрее и легче. Их велосипеды всегда мокнут на дожде или мерзнут зимой, оставаясь на специальных стоянках прицепленными к трубкам даже в то время, когда другие уже пересели на автобусы и трамваи. Для них велосипед – это просто образ жизни. К данной группе принадлежат также велосипедные курьеры. После полного рабочего дня они готовы поехать на велосипеде еще и на встречу со знакомыми.

Четвертая группа – это мальчишки и молодые пареньки, а временами и девочки на небольших велосипедиках с толстыми колесами и низко опущенными седлами. Их “байки” служат главным образом для прыжков и экстремального катания.

Соответствующие стили езды называются на английский манер “дёрт” (dirt, буквально – грязный [это поездки по грунтовым трассам, а также прыжки на сериях трамплинов с выполнением трюков]), “джамп” (jump, прыжковый) или “стрит” (street, буквально – уличный; [это катание на гранях перил, скамеек, парапетов]). Для подобных упражнений годятся как лестницы и т.п. в центре города, так и специально насыпанные и оборудованные горки на окраинах. Такая молодежь носит узкие, приспущенные джинсы, куцые рубашки и довольно длинные волосы. Она образует скорее собственную субкультуру, чем часть велосипедного мирка.

Какая-то доля городских велосипедистов принимает участие во встречах под названием “Критическая масса”. В Варшаве они по соглашению с властями ежемесячно проезжают по улицам. Это событие сопровождается пробками, поэтому “Масса” пользуется лозунгом: “Мы не блокируем движение, мы и есть движение”. Примерно две тысячи велосипедистов – количество зависит от погоды и времени года – отлично видны и слышны издали. Они облачены в самое разнообразное светоотражающее снаряжение, хорошо освещены, громко сигнализируют и звонят. В целом всё мероприятие производит необычайное впечатление. Однако этот спектакль лишь в незначительной степени влияет на велосипедную инфраструктуру города. Капиталовложения, требующиеся для ее развития, зависят от столицы, которая пока что не видит для них ни будущего, ни пользы. Удивительно, но на севере Польши, в небольшом Эльблонге, дела обстоят совершенно иначе. Там почти вдоль каждой улицы устроена велосипедная дорожка, а город усеян велосипедными стоянками, где можно безопасно закрепить и держать свое двухколесное средство передвижения.

А теперь – велосипед и турист. В Польше туристы начинают садиться на велосипеды. В свое время студенты обували тяжелые ботинки, брали рюкзаки и шли в горы. Сегодня, когда польские горные трассы забиты массой отдыхающих, люди в поисках тишины и спокойствия начали ездить на восток страны. Часть из них выбрала для себя велосипеды, которые позволяют добраться туда, где нет ни туристов, ни толчеи, ни шума. Велосипед предоставляет намного более широкие возможности. Удастся увидеть гораздо больше, чем из автомобиля, и вместе с тем попадать в такие места, куда нам не хватило бы сил дойти пешком. Велосипед дает чувство независимости и свободы, в чем особенно нуждаются молодые. Он не требует больших денежных затрат, на нем можно без всяких опасений поехать в такие районы, до которых на

автомобиле не добраться из-за плохого состояния дорог или отсутствия автозаправочных станций. Кроме молодежи, велосипедные рейды и прогулки находят широкий круг приверженцев и среди других групп населения – так путешествуют и родители с детьми, и пенсионеры.

Проведение отпуска на велосипеде, с давних пор распространенное на Западе, особенно в Германии, завоевывает ныне популярность и в Польше. Такого рода поездки характеризуются тем, что их участники почти целый день крутят педали, а ночуют каждый раз в новых местах. Студенты делают ставку на низкие затраты и потому спят в палатках или же в молодежных туристских базах и приютах, а также путешествуют более дешевыми поездами, в которых легче перевезти велосипед. Однако чаще речь идет в первую очередь об удовольствии, которое доставляет езда в красивом ландшафте и приятном обществе, а не об осмотре достопримечательностей. В зависимости от предпочтений в день преодолевается от 30 до 150 км. Большинство выбирает малопосещаемые проселочные дороги, чтобы не портить себе экскурсию шумом и опасностью, которые создаются автомобилями. Можно, кроме того, рискнуть и отправиться в путешествие по специальным велосипедным маршрутам – однако зачастую они по-прежнему плохо размечены и проходят по непроезжим дорогам.

Необходимые элементы подобной экспедиции – это велосипед и дорожные сумки, саквояжи или корзины, позволяющие везти багаж. Лучше всего приспособлены к такого рода деятельности велосипеды, именуемые походными, спортивно-туристскими, легкодорожными или треккингowymi, которые предоставляют больше комфорта во время езды, длящейся порой целыми днями. У них более узкие шины, а также менее высокий и “зацепистый” протектор, чем у традиционных горных велосипедов, но вместе с тем на них можно проехать по песчаной или болотистой, топкой дороге. Они оснащены щитками, хорошим освещением и прочными багажниками. В Польше спрос на велосипеды и принадлежности к ним постоянно растет. Перед отпусками и студенческими каникулами потребность в профессиональных дорожных сумках одной из польских фирм была настолько велика, что их приходилось заказывать с месячным опережением.

Минуя на трассе другого велосипедиста, принято приветствовать его взмахом руки – схожий обычай был когда-то в ходу среди горных туристов. Любой велосипедист всегда выручит незнакомого коллегу, снабдив того запасной камерой

или необходимым гаечным ключом. Однако велосипедный туризм всё еще остается маргинальным способом проведения отпусков и каникул. На Мазурских озерах по-прежнему куда больше организованных немецких велосипедных экскурсий, чем польских велосипедистов. В течение одиннадцатидневного велопробега, во время которого я проехала свыше 700 км, мне встретились всего две немногочисленные группы велосипедистов, нагруженных дорожными сумками.

Не вызывает сомнения, что использование велосипеда положительно влияет на окружающую среду и на наш организм – как бы банально это ни звучало. В эпоху, когда экологические катастрофы становятся реальной угрозой, а организации, выступающие в защиту природной среды, проводят громкие кампании, велосипед часто становится самым простым и самым хорошим решением. Вместе с тем многие получают от велосипедных поездок истинное удовольствие. Можно ожидать, что вскоре даже в самой маленькой польской деревеньке никого не будет удивлять компания на велосипедах, навьюченная дорожными сумками и накручивающая километры за километрами.

ПО ПОДЛЯСЬЮ НА ВЕЛОСИПЕДЕ – ОТКРЫТКА ИЗ ОТПУСКА

Подлясье. Небольшой регион на востоке Польши. До недавнего времени его называли “Польшей-Б” – в связи с экономическим застоєм, высокой безработицей, более низкими заработками и отсутствием перспектив. А еще он именовался окраиной, пограничьем или “восточной стеной” – по причине его географического расположения. Словом, это тот регион Польши, о котором или не помнят, или не вспоминают, или не упоминают. Вместе с тем он восхищает неспешной атмосферой провинции и отдаленностью от шума и суеты больших городов.

У меня было свое собственное представление о Подлясье. Тамошние края ассоциировались у меня с деревенским покоем, человеческой отзывчивостью и доброжелательностью. И в моем представлении эти места сделались синонимом другого, взлелеянного в мечтах и возжеленного мира. Потому мне хотелось увидеть, как же там все выглядит на самом деле.

Вместе с группкой знакомых мы решили сесть на велосипеды и познакомиться с этим районом. Объезжали всякие подляские поля, деревни и городки. Причем ежедневно меняли место ночлега, а посему нам требовались дорожные сумки, которые позволяли бы перевозить багаж. Благодаря тому, что мы выбрали велосипедный туризм, у нас имелась возможность более близкого контакта – как с природой, так и с людьми.

Когда нам хотелось позавтракать или перекусить, мы располагались на лугу рядом с дорогой, а покупки делали в единственном на всю деревню магазине и спрашивали у местных, как куда-либо проехать. Это позволило нам увидеть, каков же этот регион в действительности.

Подлясье очень разнообразно. Мы проехали несколько десятков, если не сотен деревень и местечек. Некоторые из них, к примеру Свислочаны, что невдалеке от Бобровников, – пресимпатичные деревеньки, расположенные всего лишь в 200 метрах от границы, и кирпичные дома там – настоящая редкость. Староста охотно угостил нас водой из своего приусадебного колодца. “Вон там, – показал он пальцем, разговаривая с нами, – там, где виднеется лес, там уже Белоруссия. А вода хорошая, колодец глубокий”. Мы воспользовались им, так как поблизости не было даже магазина, а нам очень досаждала невероятная жара.

Крушиняны, находящиеся к югу от Крынок, уже узнали, что означает туризм. В этой столь же маленькой приграничной деревушке стоит одна из двух сохранившихся в Подлясье старинных, имеющих историческую ценность мечетей (вторую можно увидеть в Богониках). Местное население понимает, что турист – это клиент: неподалеку от храма открыли татарский ресторан, цены в котором далеко не самые низкие. В деревне живут лишь две татарские семьи, большинство здесь – православные. Это, однако, ни в малейшей мере не послужило препятствием для того, чтобы старостой выбрали татарку, о чём мы узнали от молодого татарина, рассказывающего в мечети об исламе и местных мусульманах.

Есть и такие места, как Сокулка: обыкновенные, чуть грустные небольшие городки, где нелегко даже раздобыть горячую пищу. Единственное заведение, которое нам порекомендовали, – привокзальная закусочная “Неман”, где, как оказалось, имелся лишь весьма незначительный выбор блюд. Усталая хозяйка хотела как можно скорее избавиться от нас. А бар был открыт в субботу только до 16 часов.

Подлясье – это, кроме того, туристический Беловеж, переполненный зарубежными гостями и дорогими отелями. А еще – сонный Мельник, куда немного жизни привносят только археологи, занимающиеся раскопками близ развалин костела. Или обычно тихие, спокойные и пустые Крынки, в тот день пульсировавшие ночной жизнью, где мы в окрестностях так называемого центра встретили в субботний вечер толпы молодых людей – не исключено, что по причине проходившей вблизи свадьбы, а также матча польских волейболистов. В

Белостоке принято говаривать, что Крынки лежат там, где воробы заворачивают обратно. Внимание здесь приковывает характерная, словно бы парижская структура расположения улиц. Своим шестиугольным рынком с двенадцатью улицами, разбегающимися из его углов, городок обязан гродненскому старосте Антонию Тизенгаузу, который перестроил его в XVIII веке. Это местечко было когда-то настоящим городом, полным жизни. А сегодня здесь живет всего три тысячи человек, в три с лишним раза меньше, чем в начале XX века.

Подлясье означает для меня еще и прекрасные виды, пустые гравийно-щебеночные дороги, магазины, где больше разговаривают, чем продают, приветливых людей, которые сплошь и рядом, даже если их не спрашивать, сами подсказывают, в какую сторону дальше ехать, и старичков, рассеявшихся на лавочках перед избами и доброжелательно, с улыбкой отвечающих на наше “здравствуйте” или “добрый день”.

Подлесье – это также поразительное многообразие культур, о котором забываешь, когда живешь в центральной или западной Польше. Здесь православную церковь увидишь чаще, чем костел, встречаются кресты с надписями кириллицей, а временами наталкиваешься на людей постарше, говорящих на особом белорусском диалекте – смеси местного говора и белорусского языка.

Мы задержались неподалеку от Дубич-Церковных, где выкупались в небольшой заводи. Прямо рядышком с нами на скромном пляже сидели две девушки с ребенком. Они беседовали на ничем не примечательные житейские темы. И, только услышав оборот “церковный брак”, я отдала себе отчет в том, что это для меня, приезжего человека из столицы, православие представляет собой нечто необычное и оригинальное. А ведь тут православная церковь столь же обыденна, как костел, тут нельзя говорить о католической Польше, потому что со здешней перспективы Польша оказывается еще и православной. В Грабарке небольшую церковь окружает лес крестов. Некоторые из них – огромные, другие же – совсем малюсенькие, составленные буквально из двух палочек, опираются на те, что намного больше. На многих висят четки, небольшие иконки, таблички с надписями. Хотя здесь находится Свента-Гура, Святая гора православия, сюда прибывают и католики, причем как индивидуально, так и в составе паломнических групп.

До войны в Подлясье существовала еще одна культура. Больше всего евреев жило в Крынках, они составляли там 90%

населения; занимались хозяйственной, политической, культурной деятельностью. Сегодня от них осталось немного. Только знания о прошлом позволят нам доискаться развалин Большой синагоги (бездумно взорванной в 1970-е по решению чиновников местной гмины), а также синагоги слонимских хасидов, которую использовали под склад, или остатков основанного в 1622 г. еврейского кладбища. Не добираются сюда и экскурсии из Израиля или США. Есть только молодые люди, которые приехали на каникулы домой, да забредшие сюда туристы.

Подлясье представляет собой, к сожалению, проблему для велосипедистов. Через большинство деревень ведет булыжная мостовая, и, даже если до деревни и от деревни удастся проехать по асфальту, в ее “внутренностях” обнаруживаются булыжники.

Подлясье – это теперь регион, который уже с давних пор не заслуживает названия “Польши-Б”. Даже если нам и встречались какие-то заброшенные, опустевшие дома, большинство из них все-таки ухожено, а дороги, проложенные гминами, временами оказываются даже лучше, чем поветовые (какой же неожиданностью явился для нас идеальный асфальт из Черемхи до Мельника!). А еще здесь возведены внушительного вида школы – хотя бы в Клещелях или Крынках. Евросоюз особенно сильно поддерживает этот регион, помогает в развитии инфраструктуры, участвует в финансировании ряда образовательных и хозяйственных проектов.

На протяжении одиннадцати дней нам не довелось столкнуться ни с чем неприятным. Проезжая по боковым дорогам гминного подчинения, мы избежали малопривлекательных встреч с грузовиками – как местными, так и фурами, занимающимися международными перевозками. В одной из деревень к нам у магазина прицепился местный пьянчужка – всячески приветствовал, целовал руки и пытался заговорить. Минуту спустя появился его приятель и тихим голосом сказал: “Что ты делаешь? Отстань от людей, иди домой”. Единственной неприятностью в течение всей поездки был работник, охранявший в Сувалках железную дорогу, – он каждому из нас влепил штраф 20 злотых за езду на велосипеде по пустому перрону. И это показывает, что бюрократов можно встретить везде.

После этой экспедиции у нас остались воспоминания, сотни фотографий и планы на следующий год. Думается, в середине зимы, когда я буду корпеть над книгами и учебниками, мне неожиданно вспомнится вид мельницы в Сидерке, отрезок

дороги из Сокулки в Крынки или перекус среди берез,
устроенный, по правде говоря, неизвестно где. А весной меня
снова начнет куда-то тянуть. Пока еще только тлеет мысль:
восточная стена, часть вторая, или же на велосипеде из Седльце
в Перемышль.

КАЗИК-РЕПОРТЕР

Он был первым польским репортером, который исколесил всю Африку. И вдобавок на велосипеде! Он вернулся в Польшу из своего пятилетнего путешествия в 1936 году. Слава пришла к нему 70 лет спустя.

На познанском Главном вокзале царит оживление: кучка журналистов, телекамеры, сотни зевак. В самом центре этого замешательства – король репортажа Рышард Капустинский. Он произносит несколько слов в микрофон, говорит, что сделанное Казиком навсегда должно войти в историю польского репортажа, а затем открывает мемориальную доску. На ней контуры Африки с обозначенной трассой, которую преодолел познанский путешественник Казимеж Новак за время пути через Черный континент, и надпись на шести языках.

На вечер того же дня была запланирована встреча, на которой Капустинский должен был рассказать о своей Африке и Африке Новака, но великий репортер плохо себя почувствовал и решил остаться в гостинице. Через два месяца он умер.

Мацей

Идея мемориальной доски принадлежит познанскому путешественнику Мацею Пастве. Несколько лет назад он получил в подарок от друга скромно выглядевшую книжечку Казимежа Новака “На велосипеде и пешком через Черный континент”, но никак не мог взяться за чтение. “Пока в конце концов на пароме в Исландию меня не вынудили к этому шторм и скука”, – вспоминает он, слегка смущаясь. Он начал читать и уже через несколько страниц понял, что эта история не кончится вместе с книгой. Мацей сам путешествовал почти по всем континентам, автостопом проехал через всю Австралию и Новую Зеландию, жил в Канаде, на машине пересек Сахару. Но путешествия Новака просто вдавили его в кресло. “Я не представляю себе, как можно проехать такую трассу на машине. А он преодолел ее в основном на велосипеде, пешком и на верблюде. И к тому же он жил в Познани на улице Ледовой – той самой, где несколько десятков лет спустя я проходил кондитерскую практику”.

Еще в Исландии Мацею пришла в голову идея открыть мемориальную доску в честь великого африканского путешествия познанца. “Где? Только на вокзале – там каждый хотя бы на минуту становится путешественником. И там почти всегда много народу. Мало кто знает, кем он был, – надо было рассказать о нем миру”. С тех пор Мацей Паства называет Новака не иначе как Казик.

Он позвонил в издательство “Сорус”, которое скромным тиражом напечатало первые два издания сборника репортажей Новака. Там ему дали телефон Лукаша.

Лукаш

“Перед самой войной мой дед ходил на его лекции и показы фотографий в познанский кинотеатр „Аполло”, собирал газетные вырезки. Он часто рассказывал мне о Новаке и его путешествии. Незадолго до смерти он сказал, что было бы замечательно, если бы эти отрывки кто-нибудь собрал и опубликовал. По счастливому стечению обстоятельств у меня тогда как раз было свободное время”, – вспоминает Лукаш Вежбицкий.

Базируясь на собранных дедом вырезках, он составил список газет, печатавших тексты и фотографии, которые Новак присылал из Африки. Он неделями просиживал в библиотеках, просматривая старые подшивки польских довоенных газет и переписывая из них репортажи путешественника. Довольно скоро обнаружилось, что познанец публиковался не только в польской печати – его тексты печатались во Франции, Италии, Великобритании. Это были десятки статей, почти 200 фотографий. Тогда Вежбицкому казалось, что это огромное количество материала. Через год работы книга была готова. В 2000 г. вышло первое издание. “Спустя несколько лет мне позвонил какой-то парень и сказал, что он читал книгу и что нельзя допустить, чтобы мир забыл о Новаке. Я подумал, что он со странностями, но все-таки мы договорились встретиться”, – вспоминает Лукаш Вежбицкий. На следующий день они встретились.

– Достаточно было нескольких слов, и мы уже ехали на вокзал, – говорит Мацей. Тогда ему в первый раз пришло в голову, что доску должен открыть Рышард Капустинский.

Пани Ирена

Это случилось 27 ноября 2006 года – за день до второго тура выборов в органы местного самоуправления. Юзеф Бернацкий

из Лешно включил местные новости. Уже почти в самом конце шел репортаж с познанского вокзала. Знаменитый репортер Рышард Капустинский открывал мемориальную доску в честь... дяди Казика. Вслед за ним выступали двое мужчин, которые говорили, что пытались найти его семью, проверили все возможные зацепки, но потомки Новака словно сквозь землю провалились. “Как это провалились? – подумал тогда Яцек Бернацкий. – А бабушка Ирена?” – и схватил трубку.

Декабрь 2006 года, Сулов-Велький близ Лешно. Фахверковая церквушка, пруд и свободно разбросанные вокруг него дома. В конце улицы под номером 23 живет Ирена Голембёвская. Когда она вынимает сверток и раскладывает на столе африканские фотографии, глаза у Лукаша Вежбицкого и Мацея Паствы широко раскрываются. “Я догадывался, что фотографий должно быть больше, но такого не ожидал!” – Вежбицкий до сих пор не может надивиться количеству счастливых случайностей, связанных с этой историей.

Отец Ирены Голембёвской Стефан был братом жены Казимежа Новака Марии. Сразу после войны маленькая Ирена возила на Ледовую улицу яйца, молоко и сыр. Времена были трудные, полки в магазинах пустые, а помощь из деревни позволяла познанской семье продержаться.

– За продукты, которые я привозила, тетя Марыся давала мне фотографии тогда уже покойного дяди Казика из его африканского путешествия, – объясняет пани Ирена.

Сканируя фотографии в маленьком домике в Сулове-Вельком, Лукаш Вежбицкий осознал, что это еще не конец истории.

Мариан и Эльжбета

Благодаря Ирене Голембевской им удалось найти еще одного члена семьи Новаков – зятя Казимежа Новака Мариана Глишевского, который уже несколько десятков лет назад переехал в Гданьск. Вместе со своей женой Эльжбетой Новак-Глишевской он долгие годы собирал материалы, письма и репортажи о путешествиях тестя. Они даже хотели всё это опубликовать, но не нашли издателя, а потом им не хватило сил и энтузиазма.

– Мы поехали в Гданьск в начале 2007 года. Когда я увидел два мешка газетных вырезок и почти восьмисотстраничную машинопись со всеми собранными ими репортажами, то подумал, что сейчас упаду от изумления, – говорит Вежбицкий. Среди собранных Глишевскими материалов были личные

письма Новака семье, сотни ранее неизвестных фотографий, новые репортажи, опубликованные только на западе Европы.

– Тут уж я понял, что без третьего издания не обойтись.

Казимеж

Казимеж Новак работал в одном из познанских банков, зарабатывал там гроши, много раз оставался ночевать на работе, чтобы сэкономить на трамвайном билете.

“Официальной причиной его путешествия было желание заработать. Он хотел содержать себя и семью за гонорары, которые мог получать за публикацию текстов и фотографий в печати”, – рассказывает Лукаш Вежбицкий.

За время своего пятилетнего путешествия он побывал в трех климатических зонах, убил копьем льва, ослеп в пустыне и охотился на слонов с пигмеями. По Африке он путешествовал на двух велосипедах. Часть пути проделал на челноке, который назвал “Марысей” в честь жены. Когда власти одного из государств запретили ему ехать через пустыню на велосипеде, он на последние деньги взял напрокат трех верблюдов и с ними двинулся вперед.

Во времена, когда идея колониализма была невероятно популярна, а Польша пыталась обзавестись собственными колониями на Мадагаскаре или в Либерии (с этой целью туда ездил Аркадий Фидлер), Новак осмеливался сказать, что колонии ему претят, и неоднократно выражал в своей книге радость, что у Польши их нет.

– Он был полностью независим: его не поддерживали ни правительство, ни крупные торговые фирмы. От познанской фабрики “Стомил” он получил велосипедные шины, кто-то подарил ему фотоаппарат “Контакс”, которым он фотографировал, – перечисляет Мацей Паства. – Я был там, где побывал он. Пустыню, которую мы не смогли одолеть на “Ленд-ровере”, имея в своем распоряжении GPS, он пересек с тремя верблюдами!

Как-то раз итальянский патруль арестовал Новака в пустыне, решив, что он шпион. Итальянцы привезли его в участок и несколько часов допрашивали. В конце концов, когда выяснилось, что он – путешественник, они предложили подбросить его в какое-нибудь место, более удобное для продолжения путешествия. “Казик велел отвезти его туда, где они его арестовали, и ни на метр дальше”.

В Европу он вернулся в ноябре 1936 года – без гроша за душой. В течение месяца он скитался по Франции, хотел устроиться там фоторепортером, но безуспешно. Письма того периода, которые он посылал в Польшу, полны горечи и разочарования. В конце концов его жене удалось найти поручителя и взять ссуду на 800 злотых. 23 декабря 1936 г. Казимеж Новак ступил на порог дома на Ледовой.

– Прямо перед Рождеством! Я даже не могу себе представить, что он чувствовал. Спустя два года он умер от болезни легких – вероятно, какого-то осложнения после малярии, которая чуть не убила его в Африке, – говорит Вежбицкий.

Издание третье, исправленное

Больше года заняла подготовка третьего издания репортажей Новака, которое вышло в ноябре. Оно на 250 страниц больше и содержит ранее не публиковавшиеся фотографии и тексты. Все статьи написаны ярким, страстным языком репортера и путешественника. “Я собрал всё, что нам удалось найти, – говорит Вежбицкий. – Но я не могу сказать, что эта история уже кончается. Зная Казика, я уверен, что продолжение следует”.

“Политика”, №48 (2631), 1 дек. 2007

На вечер того же дня была запланирована встреча, на которой Капустинский должен был рассказать о своей Африке и Африке Новака, но великий репортер плохо себя почувствовал и решил остаться в гостинице. Через два месяца он умер.

Мацей

Идея мемориальной доски принадлежит познанскому путешественнику Мацею Пастве. Несколько лет назад он получил в подарок от друга скромно выглядевшую книжечку Казимежа Новака “На велосипеде и пешком через Черный континент”, но никак не мог взяться за чтение. “Пока в конце концов на пароме в Исландию меня не вынудили к этому шторм и скука”, – вспоминает он, слегка смущаясь. Он начал читать и уже через несколько страниц понял, что эта история не кончится вместе с книгой. Мацей сам путешествовал почти по всем континентам, автостопом проехал через всю Австралию и Новую Зеландию, жил в Канаде, на машине пересек Сахару. Но путешествия Новака просто вдавили его в кресло. “Я не представляю себе, как можно проехать такую трассу на машине. А он преодолел ее в основном на велосипеде, пешком и на верблюде. И к тому же он жил в Познани на улице

Ледовой – той самой, где несколько десятков лет спустя я проходил кондитерскую практику”.

Еще в Исландии Мацею пришла в голову идея открыть мемориальную доску в честь великого африканского путешествия познанца. “Где? Только на вокзале – там каждый хотя бы на минуту становится путешественником. И там почти всегда много народу. Мало кто знает, кем он был, – надо было рассказать о нем миру”. С тех пор Мацей Паства называет Новака не иначе как Казик.

Он позвонил в издательство “Сорус”, которое скромным тиражом напечатало первые два издания сборника репортажей Новака. Там ему дали телефон Лукаша.

Лукаш

“Перед самой войной мой дед ходил на его лекции и показы фотографий в познанский кинотеатр „Аполло”, собирал газетные вырезки. Он часто рассказывал мне о Новаке и его путешествии. Незадолго до смерти он сказал, что было бы замечательно, если бы эти отрывки кто-нибудь собрал и опубликовал. По счастливому стечению обстоятельств у меня тогда как раз было свободное время”, – вспоминает Лукаш Вежбицкий.

Базируясь на собранных дедом вырезках, он составил список газет, печатавших тексты и фотографии, которые Новак присылал из Африки. Он неделями просиживал в библиотеках, просматривая старые подшивки польских довоенных газет и переписывая из них репортажи путешественника. Довольно скоро обнаружилось, что познанец публиковался не только в польской печати – его тексты печатались во Франции, Италии, Великобритании. Это были десятки статей, почти 200 фотографий. Тогда Вежбицкому казалось, что это огромное количество материала. Через год работы книга была готова. В 2000 г. вышло первое издание. “Спустя несколько лет мне позвонил какой-то парень и сказал, что он читал книгу и что нельзя допустить, чтобы мир забыл о Новаке. Я подумал, что он со странностями, но все-таки мы договорились встретиться”, – вспоминает Лукаш Вежбицкий. На следующий день они встретились.

– Достаточно было нескольких слов, и мы уже ехали на вокзал, – говорит Мацей. Тогда ему в первый раз пришло в голову, что доску должен открыть Рышард Капустинский.

Пани Ирена

Это случилось 27 ноября 2006 года – за день до второго тура выборов в органы местного самоуправления. Юзеф Бернацкий из Лешно включил местные новости. Уже почти в самом конце шел репортаж с познанского вокзала. Знаменитый репортер Рышард Капустинский открывал мемориальную доску в честь... дяди Казика. Вслед за ним выступали двое мужчин, которые говорили, что пытались найти его семью, проверили все возможные зацепки, но потомки Новака словно сквозь землю провалились. “Как это провалились? – подумал тогда Яцек Бернацкий. – А бабушка Ирена?” – и схватил трубку.

Декабрь 2006 года, Сулов-Велький близ Лешно. Фахверковая церквушка, пруд и свободно разбросанные вокруг него дома. В конце улицы под номером 23 живет Ирена Голембёвская. Когда она вынимает сверток и раскладывает на столе африканские фотографии, глаза у Лукаша Вежбицкого и Мацея Паствы широко раскрываются. “Я догадывался, что фотографий должно быть больше, но такого не ожидал!” – Вежбицкий до сих пор не может надивиться количеству счастливых случайностей, связанных с этой историей.

Отец Ирены Голембёвской Стефан был братом жены Казимежа Новака Марии. Сразу после войны маленькая Ирена возила на Ледовую улицу яйца, молоко и сыр. Времена были трудные, полки в магазинах пустые, а помощь из деревни позволяла познанской семье продержаться.

– За продукты, которые я привозила, тетя Марыся давала мне фотографии тогда уже покойного дяди Казика из его африканского путешествия, – объясняет пани Ирена.

Сканируя фотографии в маленьком домике в Сулове-Вельком, Лукаш Вежбицкий осознал, что это еще не конец истории.

Мариан и Эльжбета

Благодаря Ирене Голембевской им удалось найти еще одного члена семьи Новаков – зятя Казимежа Новака Мариана Глишевского, который уже несколько десятков лет назад переехал в Гданьск. Вместе со своей женой Эльжбетой Новак-Глишевской он долгие годы собирал материалы, письма и репортажи о путешествиях тестя. Они даже хотели всё это опубликовать, но не нашли издателя, а потом им не хватило сил и энтузиазма.

– Мы поехали в Гданьск в начале 2007 года. Когда я увидел два мешка газетных вырезок и почти восьмисотстраничную машинопись со всеми собранными ими репортажами, то

подумал, что сейчас упаду от изумления, – говорит Вежбицкий. Среди собранных Глишевскими материалов были личные письма Новака семье, сотни ранее неизвестных фотографий, новые репортажи, опубликованные только на западе Европы.

– Тут уж я понял, что без третьего издания не обойтись.

Казимеж

Казимеж Новак работал в одном из познанских банков, зарабатывал там гроши, много раз оставался ночевать на работе, чтобы сэкономить на трамвайном билете.

“Официальной причиной его путешествия было желание заработать. Он хотел содержать себя и семью за гонорары, которые мог получать за публикацию текстов и фотографий в печати”, – рассказывает Лукаш Вежбицкий.

За время своего пятилетнего путешествия он побывал в трех климатических зонах, убил копьем льва, ослеп в пустыне и охотился на слонов с пигмеями. По Африке он путешествовал на двух велосипедах. Часть пути проделал на челноке, который назвал “Марысей” в честь жены. Когда власти одного из государств запретили ему ехать через пустыню на велосипеде, он на последние деньги взял напрокат трех верблюдов и с ними двинулся вперед.

Во времена, когда идея колониализма была невероятно популярна, а Польша пыталась обзавестись собственными колониями на Мадагаскаре или в Либерии (с этой целью туда ездил Аркадий Фидлер), Новак осмеливался сказать, что колонии ему претят, и неоднократно выражал в своей книге радость, что у Польши их нет.

– Он был полностью независим: его не поддерживали ни правительство, ни крупные торговые фирмы. От познанской фабрики “Стомил” он получил велосипедные шины, кто-то подарил ему фотоаппарат “Контакт”, которым он фотографировал, – перечисляет Мацей Паства. – Я был там, где побывал он. Пустыню, которую мы не смогли одолеть на “Ленд-ровере”, имея в своем распоряжении GPS, он пересек с тремя верблюдами!

Как-то раз итальянский патруль арестовал Новака в пустыне, решив, что он шпион. Итальянцы привезли его в участок и несколько часов допрашивали. В конце концов, когда выяснилось, что он – путешественник, они предложили подбросить его в какое-нибудь место, более удобное для

продолжения путешествия. “Казик велел отвезти его туда, где они его арестовали, и ни на метр дальше”.

В Европу он вернулся в ноябре 1936 года – без гроша за душой. В течение месяца он скитался по Франции, хотел устроиться там фоторепортером, но безуспешно. Письма того периода, которые он посылал в Польшу, полны горечи и разочарования. В конце концов его жене удалось найти поручителя и взять ссуду на 800 злотых. 23 декабря 1936 г. Казимеж Новак ступил на порог дома на Ледовой.

– Прямо перед Рождеством! Я даже не могу себе представить, что он чувствовал. Спустя два года он умер от болезни легких – вероятно, какого-то осложнения после малярии, которая чуть не убила его в Африке, – говорит Вежбицкий.

Издание третье, исправленное

Больше года заняла подготовка третьего издания репортажей Новака, которое вышло в ноябре. Оно на 250 страниц больше и содержит ранее не публиковавшиеся фотографии и тексты. Все статьи написаны ярким, страстным языком репортера и путешественника. “Я собрал всё, что нам удалось найти, – говорит Вежбицкий. – Но я не могу сказать, что эта история уже кончается. Зная Казика, я уверен, что продолжение следует”.

“Политика”, №48 (2631), 1 дек. 2007

На вечер того же дня была запланирована встреча, на которой Капустинский должен был рассказать о своей Африке и Африке Новака, но великий репортер плохо себя почувствовал и решил остаться в гостинице. Через два месяца он умер.

Мацей

Идея мемориальной доски принадлежит познанскому путешественнику Мацею Пастве. Несколько лет назад он получил в подарок от друга скромно выглядевшую книжечку Казимежа Новака “На велосипеде и пешком через Черный континент”, но никак не мог взяться за чтение. “Пока в конце концов на пароме в Исландию меня не вынудили к этому шторм и скука”, – вспоминает он, слегка смущаясь. Он начал читать и уже через несколько страниц понял, что эта история не кончится вместе с книгой. Мацей сам путешествовал почти по всем континентам, автостопом проехал через всю Австралию и Новую Зеландию, жил в Канаде, на машине пересек Сахару. Но путешествия Новака просто вдавили его в кресло. “Я не представляю себе, как можно проехать такую

трассу на машине. А он преодолел ее в основном на велосипеде, пешком и на верблюде. И к тому же он жил в Познани на улице Ледовой – той самой, где несколько десятков лет спустя я проходил кондитерскую практику”.

Еще в Исландии Мацею пришла в голову идея открыть мемориальную доску в честь великого африканского путешествия познанца. “Где? Только на вокзале – там каждый хотя бы на минуту становится путешественником. И там почти всегда много народу. Мало кто знает, кем он был, – надо было рассказать о нем миру”. С тех пор Мацей Паства называет Новака не иначе как Казик.

Он позвонил в издательство “Сорус”, которое скромным тиражом напечатало первые два издания сборника репортажей Новака. Там ему дали телефон Лукаша.

Лукаш

“Перед самой войной мой дед ходил на его лекции и показы фотографий в познанский кинотеатр „Аполло”, собирал газетные вырезки. Он часто рассказывал мне о Новаке и его путешествии. Незадолго до смерти он сказал, что было бы замечательно, если бы эти отрывки кто-нибудь собрал и опубликовал. По счастливому стечению обстоятельств у меня тогда как раз было свободное время”, – вспоминает Лукаш Вежбицкий.

Базируясь на собранных дедом вырезках, он составил список газет, печатавших тексты и фотографии, которые Новак присылал из Африки. Он неделями просиживал в библиотеках, просматривая старые подшивки польских довоенных газет и переписывая из них репортажи путешественника. Довольно скоро обнаружилось, что познанец публиковался не только в польской печати – его тексты печатались во Франции, Италии, Великобритании. Это были десятки статей, почти 200 фотографий. Тогда Вежбицкому казалось, что это огромное количество материала. Через год работы книга была готова. В 2000 г. вышло первое издание. “Спустя несколько лет мне позвонил какой-то парень и сказал, что он читал книгу и что нельзя допустить, чтобы мир забыл о Новаке. Я подумал, что он со странностями, но все-таки мы договорились встретиться”, – вспоминает Лукаш Вежбицкий. На следующий день они встретились.

– Достаточно было нескольких слов, и мы уже ехали на вокзал, – говорит Мацей. Тогда ему в первый раз пришло в голову, что доску должен открыть Рышард Капустинский.

Пани Ирена

Это случилось 27 ноября 2006 года – за день до второго тура выборов в органы местного самоуправления. Юзеф Бернацкий из Лешно включил местные новости. Уже почти в самом конце шел репортаж с познанского вокзала. Знаменитый репортер Рышард Капустинский открывал мемориальную доску в честь... дяди Казика. Вслед за ним выступали двое мужчин, которые говорили, что пытались найти его семью, проверили все возможные зацепки, но потомки Новака словно сквозь землю провалились. “Как это провалились? – подумал тогда Яцек Бернацкий. – А бабушка Ирена?” – и схватил трубку.

Декабрь 2006 года, Сулов-Велький близ Лешно. Фахверковая церквушка, пруд и свободно разбросанные вокруг него дома. В конце улицы под номером 23 живет Ирена Голембёвская. Когда она вынимает сверток и раскладывает на столе африканские фотографии, глаза у Лукаша Вежбицкого и Мацея Паствы широко раскрываются. “Я догадывался, что фотографий должно быть больше, но такого не ожидал!” – Вежбицкий до сих пор не может надивиться количеству счастливых случайностей, связанных с этой историей.

Отец Ирены Голембёвской Стефан был братом жены Казимежа Новака Марии. Сразу после войны маленькая Ирена возила на Ледовую улицу яйца, молоко и сыр. Времена были трудные, полки в магазинах пустые, а помощь из деревни позволяла познанской семье продержаться.

– За продукты, которые я привозила, тетя Марыся давала мне фотографии тогда уже покойного дяди Казика из его африканского путешествия, – объясняет пани Ирена.

Сканируя фотографии в маленьком домике в Сулове-Вельком, Лукаш Вежбицкий осознал, что это еще не конец истории.

Мариан и Эльжбета

Благодаря Ирене Голембевской им удалось найти еще одного члена семьи Новаков – зятя Казимежа Новака Мариана Глишевского, который уже несколько десятков лет назад переехал в Гданьск. Вместе со своей женой Эльжбетой Новак-Глишевской он долгие годы собирал материалы, письма и репортажи о путешествиях тестя. Они даже хотели всё это опубликовать, но не нашли издателя, а потом им не хватило сил и энтузиазма.

– Мы поехали в Гданьск в начале 2007 года. Когда я увидел два мешка газетных вырезок и почти восьмисотстраничную машинопись со всеми собранными ими репортажами, то подумал, что сейчас упаду от изумления, – говорит Вежбицкий. Среди собранных Глишевскими материалов были личные письма Новака семье, сотни ранее неизвестных фотографий, новые репортажи, опубликованные только на западе Европы.

– Тут уж я понял, что без третьего издания не обойтись.

Казимеж

Казимеж Новак работал в одном из познанских банков, зарабатывал там гроши, много раз оставался ночевать на работе, чтобы сэкономить на трамвайном билете. “Официальной причиной его путешествия было желание заработать. Он хотел содержать себя и семью за гонорары, которые мог получать за публикацию текстов и фотографий в печати”, – рассказывает Лукаш Вежбицкий.

За время своего пятилетнего путешествия он побывал в трех климатических зонах, убил копьем льва, ослеп в пустыне и охотился на слонов с пигмеями. По Африке он путешествовал на двух велосипедах. Часть пути проделал на челноке, который назвал “Марысей” в честь жены. Когда власти одного из государств запретили ему ехать через пустыню на велосипеде, он на последние деньги взял напрокат трех верблюдов и с ними двинулся вперед.

Во времена, когда идея колониализма была невероятно популярна, а Польша пыталась обзавестись собственными колониями на Мадагаскаре или в Либерии (с этой целью туда ездил Аркадий Фидлер), Новак осмеливался сказать, что колонии ему претят, и неоднократно выражал в своей книге радость, что у Польши их нет.

– Он был полностью независим: его не поддерживали ни правительство, ни крупные торговые фирмы. От познанской фабрики “Стомил” он получил велосипедные шины, кто-то подарил ему фотоаппарат “Контакс”, которым он фотографировал, – перечисляет Мацей Паства. – Я был там, где побывал он. Пустыню, которую мы не смогли одолеть на “Ленд-ровере”, имея в своем распоряжении GPS, он пересек с тремя верблюдами!

Как-то раз итальянский патруль арестовал Новака в пустыне, решив, что он шпион. Итальянцы привезли его в участок и несколько часов допрашивали. В конце концов, когда

выяснилось, что он – путешественник, они предложили подбросить его в какое-нибудь место, более удобное для продолжения путешествия. “Казик велел отвезти его туда, где они его арестовали, и ни на метр дальше”.

В Европу он вернулся в ноябре 1936 года – без гроша за душой. В течение месяца он скитался по Франции, хотел устроиться там фоторепортером, но безуспешно. Письма того периода, которые он посылал в Польшу, полны горечи и разочарования. В конце концов его жене удалось найти поручителя и взять ссуду на 800 злотых. 23 декабря 1936 г. Казимеж Новак ступил на порог дома на Ледовой.

– Прямо перед Рождеством! Я даже не могу себе представить, что он чувствовал. Спустя два года он умер от болезни легких – вероятно, какого-то осложнения после малярии, которая чуть не убила его в Африке, – говорит Вежбицкий.

Издание третье, исправленное

Больше года заняла подготовка третьего издания репортажей Новака, которое вышло в ноябре. Оно на 250 страниц больше и содержит ранее не публиковавшиеся фотографии и тексты. Все статьи написаны ярким, страстным языком репортера и путешественника. “Я собрал всё, что нам удалось найти, – говорит Вежбицкий. – Но я не могу сказать, что эта история уже кончается. Зная Казика, я уверен, что продолжение следует”.

“Политика”, №48 (2631), 1 дек. 2007

ОБЗОР ПОЛЬСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАПИСЕЙ

Эдита Гурняк — “ЭКГ”

фирма Agora S.A., 2007

“Всё самое лучшее еще впереди”, — поет Эдита Гурняк на своем новом диске. Этот альбом — пожалуй, все-таки самый слабый в ее карьере — открывается ностальгической композицией “Письмо” — парафразой одной из песен Селин Дион с пластинки “A new day has come”. И не так уж важно, что Гурняк обладает одним из самых красивых голосов в польском шоу-бизнесе, когда главная проблема — недостаток надлежащего репертуара. К сожалению, большинство песен находятся на грани китча, некоторые из них близки даже стилю “диско-поло” (“Цыганское сердце”, “То, что лучше всего”); однако слушатели, несмотря на всё это, встретили их с большим одобрением — хотя бы на прошлогоднем фестивале в Ополе. Для меня, тем не менее, самым сильным разочарованием стал новый вариант “Аллеи звезд” — знаменитого хита, который пела когда-то Здислава Сосницкая (здесь — в новой аранжировке Дариуша Крупы). Произведение это коробит чрезмерными эмоциями, экзальтацией и переизбытком ненужных украшений. Неужто Гурняк пробовала подражать стилю американской поп-певицы Мэрайи Кэри? В целом альбом производит именно такое впечатление, а потому, быть может, певице следовало бы вернуться на Запад, где она уже когда-то пробовала свои силы, записав диск “Edyta Górniak” с прославленным — кстати, чрезвычайно красивым — синглом “When you come back to me”.

К пластинке приложен буклет в несколько десятков страниц, иллюстрированный интересными фотографиями Эдиты Гурняк работы Томаша Джевинского.

Уршуля Мазурек — “Арфа”

Польское радио, 2006

Перед нами новый альбом одной из самых выдающихся и необычайно всесторонних современных арфисток. Уршуля Мазурек, с 1972 г. профессор варшавской Музыкальной

академии им. Фредерика Шопена, на протяжении многих лет ведет там класс арфы, занятия по камерной музыке и оркестровому исполнительству, а также занимается методикой обучения игре на арфе и педагогической практикой. По ее инициативе был проведен I Всепольский конкурс арфистов. Артистка основала также “Варшавское трио арф”, с которым много лет концертировала на родине и за рубежом.

Альбом состоит из двух дисков — на первом представлены образчики старинной польской музыки рубежа XVI и XVII веков (Войцех Длугорай, Якуб Поляк) и произведения французских авторов (Клод Дебюсси, Морис Равель, Жак Ибер), на второй звучат современные польские сочинения (Витольд Лютославский, Марта Пташинская, Мацей Малецкий, Богуслав Шеффер, Анджей Пануфник). Сочинение Лютославского написано с мыслью о театральном спектакле — его отличает разнородная артикуляция и динамика. У Пташинской — невероятно своеобразное совместное звучание вибратона и арфы, тогда как Пануфник демонстрирует “идеальный” союз арфы и флейты. Последнее сочинение — Концертино в старинном стиле для двух арф и струнного оркестра — отсылает нас к классицизму: это радостное противостояние солистов и оркестра, оптимистический акцент, завершающий собою альбом.

Ян А.П.Качмарек — “Кто никогда не жил”

Sony BMG, 2006.

Это первый альбом композитора после паузы, продолжавшейся несколько лет, если не считать осуществленного два года назад одного из самых важных проектов Качмарека — монументального сочинения “Кантата о свободе”.

Лауреат “Оскара” за звуковую дорожку к кинофильму “Мечтатель” на сей раз поразил нас музыкой, сочиненной специально к режиссерскому дебюту Анджея Северина. Тот, кто помнит музыку Качмарека к фильму “Неверная” Адриана Лайна, признанную одним из величайших шедевров киномузыки последних лет, наверняка не будет разочарован.

Альбом, состоящий из 14 сочинений, открывается ностальгической “Любовной прелюдией”, а заканчивается медитативным “Эпилогом”. Весь он записан с камерным оркестром (оркестром Польского радио) и несколькими солистами (в их числе пианистка Агнешка Копацкая и Яцек Урбаняк — флейта и гобой). Наряду с тонкими, камерными фортепьянными фрагментами большое достоинство альбома

— развернутое оркестровое звучание. От общего лирического настроя стилистически отклоняются три песни, спетые актером и эстрадным певцом Робертом Яновским — исполнителем одной из ролей в фильме Северина. Интересная аранжировка с богатым и разнообразным набором инструментов нейтрализуется простой, напевной мелодикой и незамысловатой ритмизацией.

Лукаш Куропачевский — “Портрет”

Ponte Art Production, 2006

Гитарист Лукаш Куропачевский окончил с отличием вроцлавскую Музыкальную академию. Он записал несколько дисков (в частности, “Сольный гитарный концерт”, “Concierto de Aranjuez” [Хоакина Родриго]), получил множество премий, дважды был выдвинут на конкурс “Паспорт журнала „Политика””. Куропачевский выступает как соло, так и в дуэтах (со скрипачкой Катажиной Брылей и кларнетисткой Анастасией Петановой).

“Портрет” — это альбом с произведениями Баха, Тансмана и Джулиани в обработке для гитары, что представляет собой своего рода новшество в области аранжировки классической музыки. Альбом даст также своеобразный стимул тем, кто не слишком часто слушает классическую музыку, но интересуется гитарным звучанием. Надлежащие пропорции между экстремальной динамикой и весьма логично, убедительно проведенной мелодической линией, а также сверхъестественная виртуозность и ощущение ритма — эти качества стиля Куропачевского выстраивают высокое напряжение его исполнения и дают ему музыкальную осмысленность. Артист гипнотизирует чистотой звука и чрезвычайно продуманным изложением музыкального материала.

Альбом издан при участии музыкального общества им. Генрика Венявского в польской фирме классической музыки “CD Accord”. 2 ноября 2007 г. Куропачевский выступил с сольным концертом, рекламирующим этот диск, в прославленном зале “Карнеги-холл” в Нью-Йорке, а 17 ноября того же года — в амстердамском “Концертгебау”.

Анджей “Песок” Пясечный — “15 дней”

Sony BMG, 2008.

Новый диск этого поп-вокалиста подытоживает 15 лет его художественных свершений. В 1993 г. Анджей Пясечный записал с группой “Мафия” свой первый альбом. Его очередные успехи — это “Сакс и секс” с Робертом Хойнацким и несколько синглов. На протяжении нескольких последних лет он стал одним из самых популярных голосов польской музыки, а также выступал как актер в польском телесериале “Злотопольские”, который демонстрируется с 1995 года. Артистический облик певца подчеркивается мальчишеским стилем одежды, а также легким характером его песен, поэтому Пясечный стал кумиром главным образом у подростков. Многие называют его “вечным мальчиком”. В 1999 г. этот вокалист стал лауреатом второй и зрительской премий на фестивале эстрадной песни прибалтийских стран в Карлсхамне. Год спустя вышел очередной диск Пясечного, носящий название “Попперы”. В его записи в качестве гостей приняли участие Эва Бем и Войцех Кароляк. В 2001 г. “Песок” представлял Польшу на Евровидении, однако его песня “Too long” не заняла там достаточно высокого места, за которое начислялись бы очки. Через несколько месяцев вокалист участвовал в записи песни, рекламировавшей фильм Анджея Вайды “Месть”. Однако недоброжелательные отзывы после его неудачного выступления на конкурсе Евровидения, а также личные проблемы привели к тому, что “Песок” на какое-то время ушел из мира эстрадной музыки. В сентябре 2005 г. Анджей Пясечный вернулся с новым альбомом, носящим название “Одним духом”, за который получил премию “Янтарный соловей” на 42 м Сопотском фестивале.

В альбоме “15 дней” представлены и самые известные песни “Песка” (“Именем дождя”, “Почти до неба”, “Нетерпеливые”, “Диджей”), и реже исполняемые, более личные сочинения (“Хочу больше”, “Когда я есть”, “О прощении”, “Знак судьбы”). Присутствуют там и впервые исполненные сочинения вокалиста — “Той осенью”, “Читая по глазам”, “15 дней” и “Кому нужна печаль”. На рынке появилось также издание этого диска, обогащенное биографией Анджея Пясечного. Все произведения “Песка”, даже вроде бы спокойные на первый взгляд баллады, всегда излучают энергию и мощь, и в этом, пожалуй, его самая сильная сторона.

Chopin chamber music

Bearton, 2007

Альбом содержит малоизвестные широкой публике сочинения Фредерика Шопена в исполнении выдающихся польских музыкантов. Первая часть диска — это Фортепьянное трио,

соч.8, которое записали Константы Анджей Кулька (скрипка), Томаш Страхль (виолончель) и Кшиштоф Яблонский (фно). Хотя исполнение можно назвать фантастическим, однако оно не до конца удовлетворяет. Шопен в “салонной” версии звучит несколько искусственно и монотонно, здесь нет той экспрессии, которая присутствует в более традиционных сольных исполнениях фортепьянных пьес польского композитора. Значительно интереснее сочинения в исполнении “Chopin Duo” — уже без скрипки. Яблонский и Страхль сотрудничают в дуэте уже на протяжении долгого времени, и, быть может, именно поэтому в этой музыке не слышно ни эмоциональных скрипов, ни ненужной экзальтации. Polonaise Brillante, соч.3 и Grand Duo Concertante звучат уже не столь механически, тогда как Соната, соч.65 восхищает прекрасно доработанным и отшлифованным симбиозом виолончели с фортепиано — до такой степени, что здесь трудно говорить об аккомпанирующем голосе. Альбом предназначен для тех, кого завораживает и увлекает фиксация духа времени, — тех, кто ищет достоверную хронику XIX столетия.

“Дуэты”, Музыкальная академия в Варшаве

ZAIKS/BIEM, 2007.

“Дуэты” — это исключительный музыкальный материал, который составляют два компакт-диска. Исполнители — студенты трех факультетов варшавской Музыкальной академии — инструментального, фортепьянного и вокального.

Первая часть — это сюрприз, в частности, для любителей Астора Пьяццоллы, известного во всем мире благодаря созданию неповторимого облика танго. Казалось бы, тут уже ничего невозможно придумать, но всё же дуэт скрипки с гитарой звучит здесь настолько профессионально, что более ранние записи Пьяццоллы (например, с аккордеоном) становятся только фоном для артистов столь высокого класса. Мария Маховская и Гжегож Маньковский играют изысканно и утончённо, забавляясь аккордами и динамикой. Вместе с тем они подчеркивают своим исполнением, что при передаче музыкального сочинения важен не только темперамент исполнителя, но в такой же мере — большая эмоциональность и умело дозируемая экспрессия. Кроме произведений Пьяццоллы, на диске записаны также, в частности, “Славянский танец” Антонина Дворжака, “Павана” Габриэля Форе, “Испанский танец” Энрике Гранадоса.

Вторая часть альбома, несомненно, более спокойна и лирична. Фортепьянный дуэт Мацея Пишека и Павла Филека погружает слушателей в меланхолическое настроение, рисуя значительно более онирическую, сновидческую обстановку. “Испанская рапсодия” Мориса Равеля и “Вариации” Фернандо Сора интригуют элегантностью и рафинированным стилем; тем не менее временами они звучат, пожалуй, слишком уж деликатно. Зато последний из дуэтов: сопрано и фортепьяно (превосходная Элиза Джига и Катажина Беняс) — демонстрирует еще и современный материал, причем — для теперешней музыки — необычайно певучий. Это “Песни” Мацея Малецкого, который известен польским слушателям своими неоромантическими тенденциями.

Песня Дездемоны на слова Шекспира благодаря своему простому мелодическому построению и плавному переходу одной фразы в следующую (т.н. прогрессии) надолго остается в памяти. А ведь это как раз то, по чему мы сегодня, пожалуй, больше всего соскучились — мы, замотанные и слепо уставившиеся в будущее. “Песни” Малецкого предоставляют нам возможность на минутку задержаться и сбавить обороты. Это музыка для тех, кто жаждет отдыха, — даже от собственных мыслей.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• Книги, книги, тонны книг... В варшавском Дворце культуры и науки прошла 53-я Международная книжная ярмарка, которую посетили более 45 тыс. человек. В ярмарке участвовали 600 издательств из 29 стран. В этом году ее почетным гостем был Израиль, откуда приехали авторы, высоко ценимые у себя на родине, но в Польше еще малоизвестные или совсем неизвестные. Не было литературных звезд, таких как очень популярный в Польше Амос Оз. Зато не подвели польские писатели. Самые большие очереди за автографами выстраивались к Владиславу Бартошевскому (книгу-интервью с профессором подготовил Михал Комар) и Славомиру Мрожеку (быть может, уже в последний раз... см. ниже). Полтора часа подписывал свой последний роман “Марш Полония” Ежи Пильх.

По сложившейся традиции, во время ярмарки были объявлены 20 книг, выдвинутых на “Нику” — главную польскую литературную премию. Имя победителя, который получит статуэтку Ники авторства проф. Густава Землы и 100 тыс. злотых, мы узнаем в октябре.

• Зато уже сейчас известны имена лауреатов присуждаемой в трех категориях Литературной премии Гдыни, из года в год приобретающей все большее значение. В этом году ее получили Адам Видеман за сборник стихов “Обязательные часы”, Мариан Панковский за роман “Последний слет ангелов” и Петр Матывецкий за биографическое эссе “Лицо Тувима”.

В письме к своему издателю Петру Марецкому не приехавший на церемонию вручения Мариан Панковский (1919 г.р.) написал: “Жаль, что меня там не будет... Я еще не видел нашего моря. Военная судьба забросила меня через Аушвиц, Гросс-Розен и Берген-Бельзен в Бельгию... Море я впервые увидел в Остенде. Постараюсь еще в этой жизни познакомиться с нашей Балтикой и с городом, который так благосклонно отнесся к моим „Ангелам””.

Победители получили памятные статуэтки (“Литературные кости”) и по 50 тыс. злотых. Премии были присуждены в третий раз.

- Премии “Трансатлантик” удостоилась Ксения Старосельская. Премию вручил ей министр культуры Богдан Здроевский в древних стенах “Collegium Maius” краковского Ягеллонского университета. “Трансатлантик” присуждается самым выдающимся популяризаторам польской литературы за границы.

В присутствии многочисленных гостей во главе с Виславой Шимборской, Уршулей Кóзел и Адамом Загаевским похвальное слово произнес вице-президент Польского ПЕН-Клуба Адам Поморский, подчеркнувший, что всю свою творческую жизнь Ксения Старосельская посвятила польской литературе. “Ее творчество — это высокое искусство перевода, — добавил Поморский. — Ее переводы читают не только русские, но и другие — все, кто знает русский язык. Тем самым возникает республика литературы, в которой живут и писатели, и переводчики. Эта республика, подобно воробьям, не признаёт границ и перелетает через них”.

Поздравительные письма лауреатке прислали Тадеуш Ружевиц, Тадеуш Конвицкий и Стефан Хвин.

— Ксения Старосельская — это переводчица, которая не только передает дух оригинала, но и придает ему новые ценности. Для нас, писателей, это замечательно, — сказал Павел Хюлле. — Для каждого писателя она находит его отдельный язык, ибо каждый писатель — это особый язык.

Ксения Старосельская перевела более 30 книг польских авторов, начиная с Генрика Сенкевича и кончая такими писателями, как Гомбрович, Ивашкевич, Ружевиц, Анджеевский, Мысливский, Ханна Краль и Ольга Токарчук.

Премия “Трансатлантик” — это 10 тыс. евро и статуэтка авторства Лукаша Киферлинга. Она была присуждена в четвертый раз. До сих пор лауреатами были Генрик Береска (2005), Андерс Бодегард (2006) и Альбрехт Лемпп (2007).

- Вислава Шимборская удостоилась медали “Заслуженному деятелю культуры — Gloria Artis”. Медаль вручил ей министр культуры Богдан Здроевский в Кракове — городе, с которым связана почти вся жизнь 85 летней поэтессы. По просьбе нобелевской лауреатки, известной своей нелюбовью к публичным выступлениям, церемония вручения носила частный характер. Награда “Gloria Artis” была учреждена Сеймом в 2005 г. по инициативе тогдашнего министра культуры Вальдемара Домбровского.

- Премию им. Чеслава Милоша, учрежденную посольством США в Польше, получил Адам Загаевский. Премия присуждена второй раз, ее первым лауреатом был Анджей Вайда. Это почетная награда за вклад в диалог и укрепление культурного сотрудничества между американцами и поляками.

На протяжении 19 лет Адам Загаевский ежегодно проводил четыре месяца в Хьюстонском университете, где он вел занятия по “creative writing”. После возвращения из эмиграции он организовал в Кракове (“чтобы сделать приятное Чеславу Милошу”) цикл поэтических семинаров “Американцы в Кракове”, финансируемый Хьюстонским университетом. С прошлого года Загаевский преподает в Чикагском университете, куда приезжает на один семестр, чтобы вести семинары по литературе.

Он принадлежит к числу самых известных в Америке польских поэтов. Его стихотворение “Попробуй воспеть изувеченный мир”, напечатанное после теракта 11 сентября 2001 года в журнале “Нью-Йоркер”, произвело на жителей Нью-Йорка очень сильное впечатление. Его переписывали, передавали из рук в руки, приклеивали к машинам.

На церемонии вручения в посольстве США в Варшаве подчеркивалось, что Адам Загаевский — “истинный поэт XXI века, реалист, который всегда стремится претворять боль современного мира в прекрасное”.

- Титул “Посла Вроцлава” и меч св. Дороты — премию, присуждаемую вроцлавской редакцией “Газеты wyborczej”, — получил Марек Краевский, автор популярной серии детективных романов. По образованию Краевский — филолог-классик, однако он оставил работу университетского преподавателя латыни ради того, чтобы писать. Действие его романов происходит в довоенном Бреслау, а их главный герой, полицейский сыщик Эберхард Мок, завоевал симпатию многих тысяч читателей. Мок — это яркий, полнокровный персонаж: потаскун, любитель выпить, порой грубиян. Однако как страж порядка он обладает одним важным достоинством: в одиночку и до конца борется за справедливость в мире, полном зла и порока. Романы Краевского приобретают популярность и за пределами Польши. До сих пор было издано 13 переводов книг об Эберхарде Моке [из них два — русских]. “Смерть в Бреслау” [в русском переводе “Пригоршня скорпионов, или Смерть в Бреслау”] собрала превосходные рецензии в британской печати. Права на перевод проданы, в частности, в Германию, Россию, Голландию, Испанию, Францию, Италию, Словакию, Израиль, Хорватию, Чехию, Швецию, Литву и на Украину.

— Я всегда завидовал своим друзьям из Силезии или Великопольши. Они могли водить меня по своим городам и показывать: этот дом построил мой дед, а тот — отец. Их семейная память тесно связана с местом, с его историей. Моя память не связана с местом, где я живу, где я вырос. Потому-то я и старался открыть и мифологизировать мой город, подобрать собственную топографическую память. Я любил и люблю этот город, поэтому его прошлое меня интересовало и интересует, — говорил Марек Краевский, объясняя, откуда взялась идея мрачного цикла, в котором описанный с пиететом и знанием мельчайших деталей город играет такую же важную роль, как советник Мок, грузный любитель шнапса, рульки и рыжих проституток.

Премия “Посол Вроцлава” присуждается уже два года подряд за вклад в популяризацию Вроцлава за пределами Польши.

- Вышла новая книга Юрия Андруховича “Тайна” в польском переводе Михала Петрика (изд. “Чарне”). Из предисловия мы узнаём, что она должна была увидеть свет только после смерти украинского писателя. “Как-то вечером, после большого количества спиртного, человек, гадавший мне по руке, произнес число 47, — вспоминает Андрухович в беседе с Бартошем Мажецем. — Я понял, что столько лет мне суждено прожить. Так что „Тайну” я писал как прощальную книгу. Однако умер кто-то другой...”

Андрухович не уклоняется от высказываний на политические темы:

— “Тайну” я писал после загубленной “оранжевой революции”. Но тогда была еще надежда, что мы сможем вновь объединиться вокруг того, что важно. Теперь надежды развеялись, а меня охватила апатия. Не знаю, можно ли назвать нашу политическую элиту подходящим партнером для переговоров с лидерами западного мира. Поэтому я понимаю сдержанность руководителей Евросоюза и НАТО. В то же время открытость Запада могла бы дисциплинирующе подействовать на наших. Через полтора года нас ждут президентские выборы. Кандидатов трое: Ющенко, Янукович и Тимошенко. Так что я даже не знаю, пойду ли голосовать. В подобной ситуации оказались многие “люди майдана”. Нас оставили с носом.

- Русский язык триумфально возвращается, объявила газета “Дзенник” в мае, когда 30 тыс. абитуриентов избрали русский дополнительным предметом на устных выпускных экзаменах. Среди сдающих письменные экзамены доля русского языка увеличилась за последние три года почти на 25%. Это

единственный случай, когда какой-нибудь язык, кроме английского, настолько укрепил свои позиции, добавляет газета. Возрождение русского заметно не только в период экзаменов. Уже несколько лет среди студентов растет интерес к русистике. “Большинство привлекает улучшение экономических отношений с Россией и возможность сделать карьеру”, — считает профессор Антоний Маркунас, директор Института русской филологии в познанском Университете им. Адама Мицкевича.

Эксперты единодушно утверждают: русский лишился идеологического оттенка, а приобрел коммерческий. “Годами он был связан с политикой. Многие люди считали делом чести не учить навязанный им язык. Теперь мы свободны от этого”, — говорит бывший сенатор, русист Збигнев Антошевский.

Подобным образом думает и популярный в Польше русскоязычный певец и музыкант, преподаватель Института России и Восточной Европы Ягеллонского университета Алеша Авдеев. Его студенты считают знание языка Пушкина пропуском в карьеру. Молодежь учит язык, который повышает ее шансы на рынке труда, руководствуясь прежде всего прагматическими соображениями. Однако Авдеев добавляет: “Важен также интерес к русской культуре. Молодежь смотрит российские фильмы, слушает музыку. Например, в последнее время модна группа „Любэ”. Русская культура очень близка славянскому, а значит, и польскому миропониманию. Поляку в психологическом и культурном отношении легче понять русского, чем, скажем, немца”.

• 6 июня из краковского аэропорта Балице вылетел самолет, на борту которого покинул Польшу Славомир Мрожек. Самый известный в Польше и за границей современный польский драматург (1930 г.р.) утверждает, что уехал навсегда. Он решил провести остаток жизни во Франции, в Ницце, на Лазурном берегу. На вопрос корреспондента ПАП о причинах отъезда автор “Эмигрантов” ответил: “Я прожил во Франции 21 год, потом уехал в Мексику, затем была Польша. Теперь я снова возвращаюсь”. И добавил, что уезжает насовсем, но ведь с тех пор, как Польша в Европе, “можно ездить туда и обратно”. На вопрос, не жалко ли ему расставаться с Польшей, Мрожек ответил в своем лаконичном стиле: “Я уже столько прожил, что мне жаль всего и не жаль ничего”.

— Он говорит, что не вернется. Он перевез во Францию свои вещи, продал квартиру. Но я ему не верю. В его биографии было много случаев, когда всё указывало на то, что он не вернется, а

он все-таки возвращался, — сказал друг писателя Анджей Новаковский, автор посвященного Мрожеку фотоальбома.

За свою жизнь автор “Танго” получил множество премий и других наград — в частности, французский орден Почетного легиона и командорский крест ордена Возрождения Польши. Кроме того, он почетный гражданин Кракова. Городской совет присудил ему этот титул за выдающуюся роль “в борьбе с тоталитаризмом и человеческой глупостью”.

• Три книги об Италии положили начало новой серии “Зешитов литерацких”, посвященной путешествиям. Это “Память Италии” Войцеха Карпинского, “Итальянские миниатюры” Адама Щуцинского и “Рим” Павла Муратова. Любители творчества русского писателя, путешественника и историка искусства могут удивиться: Павел Павлович никогда не писал книги под таким названием. Так оно и есть. Книга — это просто глава о Риме из его монументального труда “Образы Италии” (Берлин, 1911, 1912, 1924), который польские читатели знают начиная с 70-х годов в переводе Павла Герца. “Со времен путешествия Муратова Рим изменился, а возникшую в XIX веке застройку центра, которую писатель считал проявлением современного варварства, сегодня покрывает благородный налет старины, — пишет на страницах “Газеты выборчей” молодой критик Юлиуш Куркевич. — Эти перемены делают чтение особенно увлекательным и заставляют задуматься над тем, что сказал бы Муратов спустя несколько десятилетий при виде помпезного вокзала Термини и фашистской архитектуры. Тем не менее дух Рима — города, относящегося к своему прошлому без антикварных претензий, разнообразного и живого, — в значительной мере остается все тем же”.

Годы идут, а интеллектуальное путешествие европейца в Италию по-прежнему немыслимо без Муратова.

• В краковском Национальном музее открылась интересная выставка “Генрик Стажевский (1894–1988). Изменчивый/последовательный”, которая продлится до 21 сентября. Выставка приурочена к 20-й годовщине со дня смерти художника, одного из самых выдающихся представителей модернизма в польском искусстве, популяризатора геометрической абстракции. В таком объеме произведения живописца, которого критики называют “апостолом авангарда”, представлены в Кракове впервые.

Между тем в Варшаве выставка “Памяти Генрика Стажевского” продолжалась только две недели — с 10 по 24 июня. Выставленные в Уяздовском замке работы входят в частную

коллекцию художника Марека Немирского, профессионального консультанта на арт-рынке. Среди них была, в частности, знаменитая картина “Побег”, история которой весьма необычна. Эту картину кто-то выиграл в вещевую лотерею и поставил за шкаф, где она простояла полвека, забытая хозяевами. Историки искусства считали ее пропавшей. Спустя годы Немирский нашел ее и вновь вернул любителям живописи.

- В июне на единственный концерт в сравнительно небольшом зале варшавского клуба “Стодола” (“Овин”) прилетел Боб Дилан. Сегодня легендарный американский бард, создатель песен, считающихся гимнами поколения 60–70 х, автор знаменитых песен протеста, выдвинутый на Нобелевскую премию по литературе, ездит по свету, тщательно маскируясь. Он не подпускает к себе журналистов и уже многие годы не разрешает себя фотографировать. Перед концертом в варшавской “Стодоле” охранники забирали на хранение даже маленькие любительские фотоаппараты.

“Он приехал играть, а не позировать, он хочет встретиться с поклонниками, а не рекламировать себя в СМИ или в YouTube, — объясняет поведение Дилана комментатор “Жечпосполитой” Яцек Цесляк. — Варшавский концерт был необычным еще и потому, что только у нас он решил выступить в камерном зале на 1700 мест — словно хотел вспомнить начало своей карьеры, когда он играл для друзей в настоящем овине. В столицу съехались поклонники со всего мира. Толпы были чудовищные, и я с восхищением смотрел на семидесятилетних, седеньких как лунь ровесниц музыканта, выдерживавших давку и духоту, в которой потеряли сознание несколько парней в расцвете сил”. Ну что ж, многие позволили бы изрубить себя на куски за возможность послушать живьем “Like a Rolling Stone” — а именно эту песню Дилан неожиданно спел на бис. Бисы не были предусмотрены. Видимо атмосфера в варшавской “Стодоле” действительно понравилась певцу.

КНИГА — САМЫЙ КОРОТКИЙ ПУТЬ К КУЛЬТУРНОМУ СБЛИЖЕНИЮ ПОЛЬШИ И КАЗАХСТАНА

Посольство Казахстана в Варшаве избрало этот путь укрепления связей между Польшей и Казахстаном: открыть двери к огромному, неисчерпанному потенциалу взаимного интереса через издание книг, направленных на знакомство простых поляков и казахов с историей, богатыми традициями и современным развитием наших государств.

За несколько лет посольству удалось издать несколько книг на польском языке. Наиболее примечателен сборник народных сказок “Сказания казахских степей”, а также сборник архивных материалов “Из истории поляков в Казахстане в 1936–1956 гг.”, подготовленный Архивом президента Казахстана.

Идея издания сборника казахских сказок родилась в среде поляков-репатриантов, родившихся и выросших в Казахстане, а ныне живущих в Польше. Воплотить же идею в реальный проект удалось благодаря поддержке супруги президента Марии Качинской и посольства Казахстана. Работа над изданием книги велась в духе тесного культурного взаимодействия между польскими и казахстанскими профессионалами: перевод книги осуществили польские лингвисты, а красочные иллюстрации к сказкам сделали казахстанские художники.

В своем предисловии пани Мария Качинская отметила, что первое издание казахских народных сказок в Польше — это “необычайно интересная попытка популяризации малоизвестной в Польше литературы, основанной на богатстве народной мудрости Казахстана. (...) Эти экзотические, трогательные воображения сказания полны национального колорита и интересных обычаев. В них, как в зеркале, отражается самое ценное — самобытная культура, прошлое и традиции народа”.

Не так давно вниманию широких читательских кругов Польши была представлена другая книга, изданная посольством Казахстана в Варшаве, — сборник архивных документов “Из

истории поляков в Казахстане”, впервые вышедший на польском языке. Важность этой книги — в рамках мероприятий, посвященных печальной дате 70 летия депортации поляков, — трудно переоценить. Она прежде всего призвана заполнить “белые пятна” нашей общей истории, а также передать молодым поколениям знания об истории казахско-польской дружбы. Документы, содержащиеся в книге, охватывают период с 1936 по 1956 г., давая достаточно полное представление о судьбах поляков, оказавшихся в Казахстане. Издание, безусловно, представляет большой познавательный интерес не только для историков, но и для широкой общественности Польши.

Если оглянуться на историю становления независимой Польши и Казахстана, можно отчетливо проследить общность и схожесть путей, которыми прошли наши народы и государства за последние два десятилетия. Смена коммунистического общественно-политического строя на демократический, переход на рыночные и экономические рельсы проходили в сложных условиях.

Изучению этих вопросов, осмыслению пройденного пути, посвящена книга президента Казахстана Нурсултана Назарбаева “Казахстанский путь”, изданная посольством по-польски. Издание было представлено польским читателям накануне 15 летия установления дипломатических отношений между двумя странами и посвящено трансформации Казахстана в одну из наиболее динамично развивающихся экономик мира. Первая презентация книги прошла в Торжественном зале Варшавской высшей экономической школы.

Наши страны объединяет также значительная польская диаспора, которая представляет одну из 130 национальностей и народностей, проживающих на территории Казахстана. Помня об этом, в канун Дня Республики Казахстана, посольство представило следующую книгу на польском языке — “Казахстан — общий дом многих наций”.

Главное внимание читателей составители книги обращают на духовное и межнациональное согласие в Казахстане. В книге содержится информация о Съезде мировых религий, представлен список и материалы о 130 национальностях Казахстана, а также фотографии, иллюстрирующие их общественную и культурную жизнь. В качестве предисловия к польскому изданию помещена фотография, сделанная во время встречи Иоанна Павла II с президентом Назарбаевым в Астане, а также обращение Папы к нашему народу в сентябре

2001 г.: “Казахстан — это нация с многовековой историей, которая хорошо знает, сколь важен и насущно необходим мир. В твоих бескрайних степях встречались и встречаются в мире и согласии люди разных национальностей, культур и религий. Казахстан, желаю тебе, чтобы ты с Божьей помощью всегда процветал в единстве и солидарности”.

Последним и самым ярким примером сближения культур может стать недавняя презентация в Варшаве книги “Басня о заколдованном коне” на казахском языке, подготовленной усилиями посольства в сотрудничестве с издательством “Официна Ольшинка” и Международным клубом Абая.

Автор известной сказочной повести — Болеслав Лесьмян (1877–1937), великий польский поэт XX века и в то же время классик детской литературы. “Басня о заколдованном коне”, переведенная на казахский, откроет читателям в Казахстане удивительную историю, которая восхищает богатством образов, увлекает приключениями принца Фируз-Шаха, приглашает совершить незабываемое путешествие на волшебном скакуне.

Наряду с красотой текста и самого литературного жанра, связанного с мотивами “Тысячи и одной ночи”, исключительную особенность книги представляют иллюстрации всемирно известного художника Юзефа Вильконя, основанные на уникальном применении печати золотом.

Выпуск книги стал значительным художественным событием в издательском мире Польши: ее иллюстрации украсили Национальную галерею искусства в Варшаве, а по результатам конкурса “Книга 2007 года” Польское отделение Международного совета по детской литературе (IBBY, International Board on Books for Young People), присудило ей первую премию в категории “Лучшая иллюстрация”.

Участие посольства Казахстана в издании продиктовано не только наличием в книге интересного синтеза мудрости и утонченности, почерпнутых из восточных сказок и европейской культуры, с чистотой и лаконизмом польских народных сказителей, но также задачами по реализации государственной программы “Культурное наследие”, призванной знакомить читателей Казахстана с лучшими образцами мировой культуры.

Издание “Басни о заколдованном коне” по-казахски поможет жителям Казахстана, всем, кто говорит на казахском языке или

изучает его, проследить тесную взаимосвязь между культурами польского и казахского народов и расширить горизонты своих познаний.

Презентация книги уже состоялась в министерствах культуры и иностранных дел Польши, а также в “Клубе Краковском”, объединяющем культурную и деловую элиту Кракова. В ближайшей перспективе планируется дальнейшее представление “Басни о заколдованном коне” в государственных учреждениях и общественно-политических кругах Польши.

Часть книг будет передана детским библиотекам и школьно-образовательным учреждениям в Казахстане. А в Польше книга будет передана Национальной библиотеке, варшавскому НПО “Мой Казахстан”, библиотекам Восточного института при Варшавском университете и Института тюркологии Познанского университета, в котором польским студентам преподается полный пятилетний курс казахской филологии. Издание этой книги лишь подтверждает интерес в Казахстане к богатой польской культуре. В недавнем прошлом в Казахстане были также изданы и вызвали значительный читательский интерес “Избранное” Иоанна Павла II — книга, выход которой был приурочен к пятилетию визита Папы Римского в Казахстан, и сборник польской поэзии.

В посольстве Казахстана в Варшаве убеждены, что взаимное издание книг на польском и казахском языках демонстрирует глубокую общность исторических и культурных традиций, подлинную дружбу между казахским и польским народами. Безусловно, эти книги вызовут живой интерес у польских читателей и желание ближе познакомиться с культурным богатством казахского народа.

Алексей Волков — посол Казахстана в Польше.

ПОЛЬСКИЙ СЫН СОВЕТСКОГО ПОЛКА

Эта история, драматически начавшаяся в годы II Мировой войны, получила неожиданное и удивительное продолжение в наши дни.

Для меня, чье детство прошло в 80-е, война всегда присутствовала где-то на краю сознания – в учебниках, художественной литературе и воспоминаниях людей старшего поколения. Но спустя почти семьдесят лет война снова обернулась живой болью. И – надеждой на встречу родных людей.

Чтобы рассказать эту поистине уникальную историю, надо обратиться к давней публикации в рязанском журнале “Карта” (на портале “Права человека в России” – hro.org) по материалам польского исторического журнала “Карта” – наших давних друзей и партнеров. Автор той публикации – польский гражданин Станислав Боярский.

“Мой младший брат, Ян Боярский, 1931 года рождения, осенью 1944 года оказался, вследствие военных действий, в населенном пункте Вилькув около города Казимеж-на-Висле. Мы жили в прифронтовой зоне, и когда нас стали оттуда выселять под сильным артиллерийским огнем, вся семья рассеялась. Мы растеряли друг друга.

Не зная ничего о нашей судьбе, Янек явился в ноябре 1944 года в воинскую часть советской армии (полевая почта 32406-257), артиллерийскую ремонтную часть 69-й армии. Они его приютили. Через несколько месяцев Янек все же отыскал нас по почте, прислал свою фотографию и несколько писем (сохранились четыре). Последнее, от 26 мая 1945 года, было отправлено из Берлина. Потом Янек никогда уже не давал о себе знать. Моя 88-летняя мать Хенрика Боярская все еще ожидает возвращения сына...

...Что с Янеком случилось потом, после Победы? Может быть, кто-то встречал моего брата?”

Янек – воспитанник полка артиллерийской ремонтной части 69-й армии

Сюжет, наверное, так и остался бы одной из непроясненных драматических историй II Мировой войны. Если бы в один из февральских дней 2008 года в редакцию hro.org не пришло письмо.

“Пишет вам дочь Яна Боярского Марина. Как только я увидела в углу странички военную фотографию, я воскликнула: „Это же отец!” Все, что я прочла в статье, было слово в слово рассказ отца о тех событиях, что произошли с ним во время войны. Вы не представляете, что я пережила, это и слезы и радость. А главное – надежда узнать о семье моего любимого папочки. То, что это он, я не сомневаюсь. У нас есть и эта фотография, и много других, где он в эти же месяцы войны снят.

И его рассказы абсолютно идентичны, все населенные пункты, номер воинской части и красноармейская книжка сына полка. Но самое главное – не узнать папу невозможно. Умоляю вас, пожалуйста, свяжитесь с нами как можно быстрее...”

И вот напротив меня сидит миловидная женщина – Татьяна Александровна Боярская. Заметно волнуясь, она бережно перебирает фотографии и документы и рассказывает.

– Мой муж, сын полка, о котором идет речь в статье, стал военным дирижером, впоследствии – преподавателем военно-дирижерского факультета Московской консерватории, где проработал больше сорока лет. У него сотни учеников не только в нашей стране, но и во многих странах мира...

Мне не терпится узнать подробности, и поэтому у меня невольно вырываются сразу несколько вопросов.

– Но как же так получилось, что он не нашел свою семью? Почему он не числился среди военнослужащих воинской части? Где потом жил, учился, работал?

– Я вам сейчас все расскажу.

Сын полка

– У мужа сохранились две красноармейских книжки. Первая – на имя Яна Францевича Боярского, 1932 года рождения. А вторая на имя Ивана Григорьевича Боярского. И год рождения не 1932, а 1933. И мы так и считали, что он 1933 года рождения.

– Почему же так? Станислав Боярский писал, что его брат – 1931 года рождения.

- Я считаю, что это всё во время войны так неосновательно писали. В красноармейской книжке написано: "Родственников не имеет. Воспитанник воинской части".

Еще он рассказывал такое: "Ты знаешь, когда я попал в часть, меня посадили в яму с каким-то преступником и допрашивали. Долго держали". И потом он при этой части и остался.

А вот, что он пишет в биографии. "Родился во Львове 22 августа 1933 года. Своих первых родителей почти не помню. Отец Боярский умер еще задолго до войны. Мать - Гана Боярская".

Здесь надо сделать оговорку. Станислав в статье пишет, что мать звали не Гана, а Хенрика. И я думаю, что Ян всё это так написал просто потому, что не мог указать, что он жил на "западных" польских землях, это было опасно. Я думаю, что начало биографии просто сочинено. Единственное, чего я не знаю, - правильно ли то, что он родился во Львове или нет.

Но много позже, будучи уже на третьем курсе Института военных дирижеров, он ездил в летнее время на стажировку в военный оркестр города Львова. И выбрал именно Прикарпатский военный округ. Пытался найти место своего рождения, но так ничего и не нашел. И после он предпринимал попытки, и его усыновитель искал родственников Ивана Григорьевича - всё безрезультатно.

Так что я думаю, что вот эта вот "шапка" в биографии - возможно, выдуманная.

"В 1944 году после освобождения Украины добровольно вступил в ряды Советской Армии в качестве воспитанника. С 1946 по 1948 год являюсь воспитанником 4-й отдельной артбригады в группе советских войск в Германии. В 1946 году поступил в открывшуюся советскую среднюю школу для детей военнослужащих в городе Шверине (Германия). В 1948 году меня усыновил военный дирижер бригады Чакмишян Григорий Атовмович, вместе с которым я в этом же году переехал в город Ереван".

- Так выходит, ваш муж прожил жизнь под именем Ивана Григорьевича Чакмишяна?

- Да, мы все долгое время носили эту фамилию. Только в 1992 году муж решил поменять ее на родовую - Боярский, и я вместе с ним тоже стала Боярской.

- А про свою польскую семью он никогда не говорил?

– Когда мы познакомились, ничего не говорил, но у него был какой-то акцент. Потом, когда он сказал, что был усыновлен армянином, я решила, что это акцент от армянского языка.

Прошло много времени, нашей дочке уже было лет пять. И однажды, придя с работы, я увидела: все документы разложены в маленькой комнате, муж что-то ищет. А потом он мне показал эти красноармейские книжки. А я раньше даже не обращала на них внимания. И тут муж сказал, что он поляк, что он – Ян Францевич Боярский. Это он помнил...

Еще как-то, уже в более поздние годы, он ходил в Москве в польское посольство, пытался что-то выяснить, но безрезультатно.

Его и дочь Марина просила: “Пап, ну ты что-нибудь помнишь?” Но он единственное говорил: “Я помню, у нас, по-моему, было какое-то поместье. Вроде мы жили в городе, потом война началась, мама нас отвезла в деревню”. И еще он говорил, что у него был брат. И вроде бы две сестры. Их, кажется, было четверо.

Новая семья

– Расскажите, пожалуйста, как сложилась судьба Яна после того, как его усыновил Григорий Атовмович Чакмишян.

– Свидетельство об усыновлении датируется 27 мая 1948 года. Кстати, между усыновителем и Яном небольшая разница в возрасте – всего 13 лет, если считать, что Ян, то есть Иван Григорьевич, – 1933 года рождения. А если считать, что 1932 или 1931, как пишет Станислав, то еще меньше.

Григорий Атовмович к тому времени был женат. Его жена тогда жила в России, у них был свой ребенок. А Ваня был сложным мальчиком, не хотел учиться, был чересчур бойким, но Григорий Атовмович сумел найти подход к Ивану и подобрать к нему ключ. И Иван начал учиться. Григорий Атовмович, будучи военным дирижером, привил ему любовь к музыке, и Ваня тоже впоследствии пошел по стопам приемного отца и стал военным дирижером.

Григорий Атовмович его очень любил. Но Ваня никогда не называл его отцом. Сначала обращался к нему по имени-отчеству, потом, когда стал взрослым, стал называть его по имени – Гриша.

Когда пришел приказ из Советского Союза о том, что всех детей, у которых нет родителей, нужно отправить из Германии в

советские детские дома, Иван сказал: “Я в детский дом не поеду, жить там не буду, я все равно убегу”. И Григорий Атовмович ему предложил: “Тогда хочешь – поедem ко мне на родину в Армению, будешь жить со мной”. И Ваня согласился. Они уехали в 1948 году в Ереван. Иван поступил в Ереванскую школу музыкантских воспитанников по классу гобоя.

После Ереванской школы, в 1952 году, его направили в Москву в школу музыкантских воспитанников (сейчас это называется Московское военно-музыкальное училище). А после окончания школы он поступил в Институт военных дирижеров и стал первым его выпускником, который закончил институт с золотой медалью.

В годы учебы Ивана Григорьевича в институте его фотография постоянно висела на доске почета. Он был талантливым музыкантом, проявлял в учебе большое упорство и любознательность. Его имя вписано золотыми буквами в 70-летнюю историю высшего военно-музыкального учебного заведения.

Татьяна Александровна показывает табели, где действительно сплошные пятерки.

– А с семьей Григория Атовмовича вы поддерживаете отношения?

– Да, конечно. Мы ежегодно встречались. У нас с Иваном Григорьевичем маршрут во время отпуска проходил: Москва – Сухуми – Ереван. Или наоборот: сначала Сухуми, потом Ереван. И они каждый год приезжали к нам обязательно. Были в близких, прекрасных отношениях. Григорий Атовмович очень любил и меня, и Марину. А в Иване Григорьевиче он вообще души не чаял. У них было много общих интересов по профессии.

Сейчас, когда после смерти Ивана Григорьевича прошло уже шесть лет, когда и Григорий Атовмович умер, мы реже общаемся с его семьей. И возраст уже не тот, и большие расстояния, и деньги на поездки нужны большие. Но мне звонит его двоюродный брат.

Офицер

– Татьяна Александровна, вы сказали о таких качествах Ивана Григорьевича, как умение вникать серьезно и досконально во все дела и не бояться отстаивать свою точку зрения. Но ведь это качество довольно опасное. У Ивана Григорьевича никогда не было неприятностей из-за его независимого нрава?

- Он из-за своего характера однажды чуть под трибунал не попал! А потом, уже позже, командир, который Ивана Григорьевича едва не засудил, его всем молодым офицерам в пример ставил.

Так как Иван Григорьевич закончил институт военных дирижеров с золотой медалью, у него было право выбора места службы в должности военного дирижера. Москву не предлагали, и Григорий Атовмович сказал: "Иван, ты должен выбрать место службы или поближе к Москве, или поближе к нам, в Ереван". Но мама моя была категорически против, чтобы я так далеко от Москвы уезжала. И мы решили выбрать место службы - Московский военный округ.

Оказалось, Московский округ - это такая провинция! Нас направили в Ростов Великий, это было в 1956 году. Кремль там, конечно, потрясающе красивый. Но самое ужасное, что в этом памятнике культуры и зодчества располагались военные склады. А сам Ростов Великий тогда был большой деревней. Квартиру нам не дали, и жить было негде. Поэтому мы сняли деревенский дом на берегу озера Неро.

Так вот, мой муж, когда приехал в Ростов Великий, тут же начал организовывать службу оркестра согласно установленным инструкциям и приказам. Он у меня такой деятельный! Я не очень понимаю, в чем была суть, но он делал то, что было положено для службы оркестра. Я ему говорила: "Что же ты все лезешь куда-то? Уймись!" А он отвечал: "Нет, это так положено! Нет, это так должно быть".

И из-за этого у мужа возник очень серьезный конфликт с командиром воинской части по фамилии Упоров (к сожалению, не помню ни его тогдашнего воинского звания, ни имени и отчества). И вот тут дошло до того, что Упоров хотел отдать Ивана Григорьевича под военный трибунал.

Но в конце концов муж все-таки добился своего, и ни под какой трибунал его не отдали.

В Ростове Великом мы прожили год. А потом Ивана Григорьевича перевели в Москву на должность заместителя начальника оркестра штаба Московского военного округа. Он стал принимать участие в военных парадах на Красной площади. И на гарнизонных тренировках участников военного парада они с Упоровым встретились вновь (на тот момент Упоров был уже генералом и командовал одной из московских военных академий).

Иван Григорьевич мне потом рассказывал: “Представляешь, он так был рад, так рад, что мы встретились! Схватил меня и повел к парадному расчету своей академии. Проходим по рядам парадного расчета, и он обо мне говорит своим офицерам: вот какой должен быть офицер советской армии”. Вот такая у них была необычная встреча.

После успешной службы в оркестре штаба Московского военного округа Иван Григорьевич поступил в адъюнктуру военно-дирижерского факультета при Московской консерватории имени Чайковского (бывший Институт военных дирижеров) и по окончании адъюнктуры стал преподавателем кафедры дирижирования этого факультета – там, где раньше учился сам.

– А сколько у вашего мужа было учеников?

– Их очень много. И не только из нашей страны. У него, например, учеником был эфиоп, был афганец по имени Али. Этот Али со своей русской женой Людмилой как-то отмечали у нас в гостях Новый год. Иван Григорьевич со всеми своими учениками имел доверительные, хорошие отношения. Это касалось не только служебных профессиональных контактов, но и чисто человеческих.

У учеников, живших в Москве, была хорошая традиция: каждый год собираться в нашем доме. Встречи проходили всегда весело, Иван Григорьевич был всегда радушным хозяином, рассказывал много историй из жизни военных дирижеров.

Он был участником Великой Отечественной войны и награжден многими орденами и медалями – “За победу над Германией”, “За воинскую доблесть”, “За безупречную службу” и другими. Иван Григорьевич работал на должности профессора, имел ученое звание доцента.

В 58 лет он был уволен из рядов вооруженных сил на пенсию и многие годы продолжал преподавательскую работу на кафедре дирижирования. Он автор ряда научных и методических работ, посвященных проблемам военно-оркестровой службы и военно-дирижерского образования.

У меня до сих пор сохранились связи со многими бывшими учениками Ивана Григорьевича. Они теперь уже сами на пенсии, полковники, подполковники, живут в разных городах нашей страны и за рубежом. В день памяти обязательно мне звонят. А те, кто живет в Москве, приезжают.

Его ученик Владимир Подгорбунских в день проводов Ивана на пенсию прочел такие стихи:

Чакмишыяна Ивано

Знаем мы уже давно.

Дирижерский факультет

Им гордится много лет...

...Дирижеров тех не счесть.

Кто оркестром управляет

И достойно представляет

От Москвы и до Тянь-Шаня

Школу Чакмишыяна.

Его все любили и ценили. Когда Ивана Григорьевича не стало, его провожали всем факультетом, с почестями.

Учитель

Я – в офисе солидного государственного учреждения в центре Москвы. Один из хозяев кабинета, Евгений Степанович Москаленко, внимательно читает статью Станислава Боярского, потом смотрит на фотографию маленького Яна в окружении красноармейцев, о чем-то глубоко задумывается. Несколько минутами позже я решаюсь прервать молчание.

– Вы учились у Ивана Григорьевича?

– Да, я учился у него пять лет, с 1968 по 1973 год, в классе дирижирования на военно-дирижерском факультете при Московской государственной консерватории. И я, и мой коллега Владимир Александрович Подгорбунских, с которым мы сейчас работаем вместе в одном отделе предприятия, – ученики Ивана Григорьевича.

После окончания факультета мы сначала служили в военных округах – например, я служил более десяти лет в Закавказском военном округе, затем пять лет – в оркестре штаба Северной группы войск в Польше. Потом меня пригласили преподавать на военно-дирижерский факультет. И с 1987 года мы работали вместе с Иваном Григорьевичем, правда, на разных кафедрах. А Владимир Александрович еще раньше работал с ним. У нас была очень хорошая совместная работа.

- Вы сказали - в Польше? А Иван Григорьевич никогда не рассказывал вам, что его имя - Ян Францевич Боярский и что он поляк?

- Когда я был курсантом и учился у Ивана Григорьевича в классе, был слушателем военно-дирижерского факультета, он неоднократно рассказывал, что в годы войны стал воспитанником полка 69-й артиллерийско-ремонтной армии. Как говорится, на полях войны его приютили, взяли в часть, затем он попал в оркестр, играл на гобое. Он очень способный и талантливый человек. И судьба привела его со временем в Институт военных дирижеров, который позже преобразовали в военно-дирижерский факультет консерватории.

Он в то время был Иван Григорьевич Чакмишян, носил фамилию своего приемного отца. Долгие годы под этой фамилией жил и работал.

А потом все-таки решил сменить ее на свою первоначальную - Боярский...

Я, когда служил в Польше, предлагал Ивану Григорьевичу поискать его тамошних родственников, но толком ничего не вышло, хотя Иван Григорьевич ходил в польское посольство в Москве...

За многие десятилетия существования высшего военно-музыкального заведения первым закончить Институт военных дирижеров с золотой медалью - это уже само по себе говорит и о его таланте, и обо всех человеческих и профессиональных качествах. Иван Григорьевич занесен в Музыкальную энциклопедию Московской консерватории имени Чайковского как один из видных деятелей военно-оркестровой службы.

Он всегда проводил интересные мастер-классы, открытые уроки для курсантов и преподавателей военно-дирижерского факультета. Принимал участие в качестве члена жюри во всеармейских конкурсах армейских оркестров и конкурсах военных дирижеров советской и российской армии.

На протяжении многих лет готовил оркестры для участия в военных парадах на Красной площади. Военные оркестры под его руководством всегда отличались высоким профессиональным уровнем исполнительства.

А как педагог, как преподаватель он, я считаю, не знал себе равных - таких единицы. Мы его не называли преподавателем, мы его называли Учителем. Именно так - Учитель, с большой

буквы. Иван Григорьевич пользовался огромным уважением и любовью всех учеников, выпускников.

Его ученики, кстати, за эти многие годы стали начальниками военно-оркестровых служб военных округов и флотов, начальниками оркестров штабов военных округов и высших военно-учебных заведений, начальниками и преподавателями военно-дирижерского факультета и Московского военно-музыкального училища, военными дирижерами, художественными руководителями – начальниками ансамблей песни и пляски военных округов и флотов. Имеют почетные звания Российской Федерации, зарубежных стран, ученые и научные звания. Это Смирнов, Комисаров, Белевцов, Онищенко, Парамонов, Цицанкин, Потапов, Подгорбунских, Москаленко и многие другие.

И в Московской консерватории, и в других музыкальных вузах, и на военно-дирижерском факультете примерно 60% предметов преподаются индивидуально, то есть преподаватель занимается с учеником один на один, и помогает ему в обучении концертмейстер. А у Ивана Григорьевича со всеми были прекрасные творческие взаимоотношения и понимание.

– Татьяна Александровна говорила, что ученики собирались у них дома...

– Все 20 последних лет и даже более мы, выпускники, которые живут в Москве и в Подмосковье, не нарушаем ежегодную традицию посещения дома, семьи Ивана Григорьевича. Он всегда был рад нас видеть. Это всегда был очень радушный дом, шикарное застолье. Мы вспоминали годы учебы, все интересные моменты нашей жизни, играли, пели. Иван Григорьевич очень добрый и хлебосольный человек...

И мы продолжаем эту традицию и сейчас, когда Ивана Григорьевича нет с нами. Эти встречи всегда проходят в день его памяти. Мы посещаем Щербинское кладбище, где Иван Григорьевич похоронен, смотрим за памятником, вспоминаем. И бываем дома, встречаемся с Татьяной Александровной, с его дочерью, внуками. Нам всегда приятно встречаться с этой замечательной семьей.

Муж, отец, дед

И снова я в гостях у Татьяны Александровны Боярской.

– Татьяна Александровна, расскажите, пожалуйста, про вашу с Иваном Григорьевичем семью.

- У нас с ним дочь Марина. Внук и внучка - Александр и Марина, правнуки Яна, Даниил и Алиса. Яночку назвали в честь Ивана Григорьевича, по его первому имени Ян.

У них с дочерью были необыкновенные отношения, они необыкновенно друг друга любили и понимали. Если у Марины возникали какие-то проблемы, то она с ними сначала шла к отцу, а уже потом - ко мне. Стихи ему посвящала...

Мы старались выбраться на дачу. Купили себе участок под Калугой, Иван Григорьевич построил там хороший двухэтажный дом. Лес посадил. Любили устраивать в лесу шашлыки. Иван Григорьевич очень любил это место.

Понимаете, он был душой. Вот его не стало, и с тех пор, как он ушел, у нас в деревне никогда не было весело. Приезжаем в лес, вроде всё как всегда. Но всё равно всё не так. На нем всё держалось.

Нам бы очень хотелось найти родных Яна в Польше, рассказать о его судьбе. Как жаль, что он сам не дожил...

www.hro1.org/print/1619

ГРУЗИНСКАЯ ПОЛОНИЯ

— Грузинская Полония продолжает оставаться одной из наименее известных в мире...

— Грузинская Полония — это потомки первой волны тех, кто был выселен из Польши за борьбу против царизма в начале и во второй половине XIX века. Главным образом это были солдаты, участвовавшие в национально-освободительных восстаниях и сосланные на Кавказ за враждебную царизму политическую деятельность. Массовый приток поляков на Кавказ начался в 1832 году. Грузия стала тогда местом ссылки для тысяч польских “бунтовщиков”. Обычно их направляли в армейские гарнизоны. В подавляющем большинстве польские ссыльные были мужчинами, хотя случались и женщины.

В первом десятилетии XX века в Тбилиси жило почти 20 тыс. поляков и грузин польского происхождения. Это было крупнейшее место компактного проживания поляков на всем Кавказе. Поляки приезжали в Тбилиси в поисках более приемлемых условий жизни. Среди них были юристы и чиновники, инженеры и техники, садовники и огородники, купцы и промышленники.

В 1918–1924 гг., несмотря на препоны со стороны советской власти, большинство поляков уехало из Грузии. По официальным республиканским данным 1926 года, там осталось лишь 3159 поляков, хотя у многих поляков в паспорт была вписана национальность “русский” или “украинец”.

— Сегодня на территории Грузии по-прежнему живут поляки...

— В настоящее время численность грузинской Полонии (хотя официальных данных нет) оценивается приблизительно в 8 тыс. человек, проживающих главным образом в Тбилиси, а также в городках Ахалцихе и Гомбори. Сейчас в Грузии поляками называют себя немногие. Большинство из них уже считают себя грузинами с польскими корнями или польскими предками. Но, ощущая себя грузинами, они сознают свое польское происхождение.

С самого начала поляков принимали в Грузии очень тепло. Грузия всегда была гостеприимной страной, а к полякам испытывала большую солидарность. Ведь у обоих наших народов подобные взгляды на патриотизм и схожая история.

Благодаря этому взаимному сочувствию (в положительном смысле слова) поляки и грузины чувствуют себя очень близкими друг другу.

— *А как вы связаны с Польшей?*

— Начну с того, что я — коренная грузинка, моя бабушка — украинка, а ее бабушка, в свою очередь, была полькой. Так что польские корни у меня очень-очень далекие и даже документально не подтвержденные. Когда мне было 10 лет, я вместе с семьей приехала в Польшу. Мы поселились под Варшавой. Мой отец, архитектор, работал по контракту в польско-российской фирме. В Польше, а точнее в Воломине, я закончила школу и два класса общеобразовательного лицея. Когда мне исполнилось 17 лет, мы вернулись в Грузию, где с 2000 г. я училась на юриста. В Польше учителя и дирекция школы относились ко мне очень тепло.

Для всех нас это было прекрасное время, которого я никогда не забуду. Поэтому ничего удивительного, что, уже вернувшись в Грузию, я отправилась на кафедру славистики Тбилисского университета. Там мне дали телефон пани Малгожаты Павляк, которая пригласила меня на торжественное начало учебного года в польской школе. Я была под большим впечатлением от людей и царившей там атмосферы и решила почти сразу же. Я стала работать в этой школе с 2001 г., в течение трех лет была там учительницей, а теперь стала директором.

Мне по-прежнему очень приятно работать на благо Польши. Таким образом я хочу отплатить полякам за то теплое отношение, которое испытала в детстве и отрочестве.

— *Польская школа работает в Грузии уже несколько лет...*

— Если точно — девять лет. Через год мы будем отмечать 10 летний юбилей. Но начало вовсе не было простым. Тогда в Грузии не было даже электричества, и нам приходилось работать при свечах. Теперь нам уже легче. Школа размещается в здании, которое мы снимаем благодаря дотации общества “Вспульнота польска”. У нас есть четыре класса и актовый зал с большой сценой, которой мы очень часто пользуемся. На ней проходят репетиции и выступления нашего детского театра “Мельпомена”. Наши дети показывают в основном сказки — как польские, так и грузинские в переводе на польский. Ставили мы и более серьезные спектакли — например, Александра Фредро.

Кроме того, на большой сцене проходят все торжественные собрания, связанные с польскими государственными и религиозными праздниками.

Дети в нашей школе изучают польский язык, историю и географию Польши. Кроме того, есть театральные занятия и уроки танца. А еще у нас есть хор и ансамбль песни и пляски “Орлята”. Дети обожают ходить на эти занятия. Наша школа не строгая — мы не ставим оценок. Поэтому у детей нет стресса, связанного с учебой.

Сейчас у нас 135 учеников. Мы принимаем детей с 7–8 до 18 лет. Занятия в шести группах, подобранных по уровню знаний и возрасту, ведут четыре учительницы, в том числе и я. Нам очень помогают посольство и консульство Польши, а также общество “Вспульнота польска”.

При нашей школе издается ежеквартальный журнал “Кавказская Полония”. Мы печатаем много сведений о современной Польше, об известных поляках и грузинах, так или иначе связанных с Польшей. На каникулы дети ездят в лагеря в Польшу.

— Важную роль в жизни грузинской Полонии играют женщины...

— Полек в Грузии можно разделить на две группы: это, с одной стороны, польки, приехавшие из-за границы, а с другой — местные женщины польского происхождения. Все эти женщины очень радуются, когда узнают, что в Тбилиси есть польский центр, куда можно приводить детей и где эти дети могут выучить язык своей бабушки или своих прадедов.

Что касается полек, приехавших в Грузию, то это в основном эмиграция по любви. Женщины, вступившие в нашу организацию, например Малгожата Павляк, основавшая нашу школу, вышли замуж за грузин — так началась их жизнь в Грузии. Другие женщины приезжали в Грузию, скажем, снимать репортаж, а потом влюбились в эту страну и в грузин.

Не могу не упомянуть о пани Генриетте Юстинской, которая родилась в Грузии, но в польской семье, и сейчас преподает в Тбилисской академии художеств. Сама она — художница. Недавно она выпустила книгу “Польские художники в Грузии”.

В Грузии “польскость” понимают не так, как на Украине, где есть семьи, в которых говорят по-польски и культивируют польские традиции. Что касается грузинской Полонии, то наши люди очень глубоко переживают причастность к своим

польским корням и охотно отождествляются с ними. Однако они чувствуют, что они не поляки: просто у них есть польские предки, чем они очень гордятся. Кроме того, документально подтвердить польское происхождение очень трудно, так как в советские времена в паспорт вписывали “советскую” национальность.

А еще я хочу сказать, что польские организации в Грузии — не только наша школа. В Тбилиси действует и другая организация — Союз поляков Грузии, — которой руководит университетский профессор Мария Филина.

— *Каковы ваши планы на будущее?*

— У нас их много. Например, мы хотим установить сотрудничество с турецкой Полонией. Их общество расположено недалеко от Стамбула, они — потомки польских солдат. Их молодежь не говорит по-польски, потому что там нет польской школы. Думаю, что в будущем мы сможем вместе осуществлять разные интересные проекты.

Беседу вел Лешек Вонтрубский

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Рышард Легутко, один из самых видных представителей польского неоконсерватизма, опубликовал книгу “Очерк польской души”, которая стала предметом нескольких интересных комментариев. Однако, прежде чем их представить, я хотел бы обратить внимание на несколько обстоятельств, которые кажутся мне существенными для атмосферы польской интеллектуальной жизни последних лет. Одним из главных я считаю постоянно возобновляющуюся дискуссию о нашем национальном, культурном, интеллектуальном самосознании. Это особенно касается консервативных кругов, где, похоже, распространена уверенность, будто коммунистам удалась — или хотя бы в значительной степени удалась — операция, на русский манер называемая “перековкой душ”. Но в тех же самых кругах можно обнаружить ощущение опасности, идущей с другой стороны — от западной цивилизации потребления, которая, как считается, приводит к эрозии традиционной системы ценностей. Всё это вместе приводит к тому, что поляки перестают быть поляками, а польская душа становится не только всё меньше польской, но и всё меньше душой. Душу следует спасать любой ценой, а ее польский характер — заново упрочить. Обнаруживаемый этими кругами кризис польского духа — что бы это ни значило — объявляют явлением опасным и, как можно догадаться, способным привести к потере национального облика.

В статье “Мысли консервативного поляка” (“Европа”, 2008, №20, еженедельное приложение к газете “Дзенник”) Мацей Урбановский пишет:

“С чего это у Легутко появляется польская душа? Думаю, не только затем, чтобы спровоцировать их — сами знаете, кого я имею в виду, — тех, кто сразу, с лихорадочным румянцем на щеках, примется выискивать тут миазмы национализма и т.п. И наверняка не только потому, что „польская душа” звучит попросту красивей, возвышенней, чем польская национальная принадлежность или характер поляков. О национальной принадлежности [“идентичности”] пишутся сегодня, кстати, сотни научных работ, а Легутко любит быть немодным. Однако

самым главным мне кажется здесь то, что самим этим заглавием автор ссылается на великую и важную в нашей литературе публицистическую традицию, призываемую именами Мицкевича, Мицинского, Здеховского, Виткация, когда о польской душе писали с чувством разделяемой ответственности за нее. (...)

Рассказ Легутко о польской душе (...) — это рассказ о катаклизме. Мы живем на развалинах старой Польши, в стране, где разорвана связь со Второй Речью Посполитой и всеми традициями, какие представляло это государство. Этот разрыв, начавшийся 1 сентября 1939 года, драматически углубился в ПНР, а потом в период Третьей Речи Посполитой. Почему эта последняя так мало сделала для восстановления разорванной связи с традициями? Потому что, говорит Легутко, многое соединяло ее с „Народной Польшей”, от которой она не хотела и не умела отмежеваться. Им обеим был присущ страх перед всем, что представляла межвоенная Польша, а шире — старая Польша. Национальные традиции виделись тут помехой на пути к нормальности и/или модернизации. Ценой нормализации Польши должна была стать ампутация ее души, воплощенной в людях (например, бойцы АК), институтах (например, католическая Церковь), городах (например, Львов), ценностях (независимость, честь, нация). Потому-то Польша вот уже 70 лет, объясняет Легутко, — это страна, подвергающаяся „постоянным преобразованиям, резким цивилизационным поворотам, революциям, реструктуризациям, трансформациям, нормализациям”. Цель их — строить Польшу с исторического нуля, отбрасывая в сторону всё, что было раньше. Целью неизменно остается Польша такая же, как все остальные, и в то же время непохожая на себя, себе самой нетождественная, то есть, договаривает Легутко, нереальная, искусственная, вымышленная, фантастическая. Виновата, разумеется, история, но еще и то, что эту новую Польшу создают люди из ниоткуда, с презрением относящиеся ко всему, что застали, не понимающие духа страны, не ценящие ее достижений, достояния и наследия. (...) Всё это вместе соединяется с убеждением, что поляки — это больной человек Европы, которому — чтобы он выздоровел — следует прописать радикальное, прямо хирургическое лечение, включающее разнообразные ампутации (...) или пересадки (как территориальные, так и умственные), результатом которых должен стать новый поляк, как можно менее похожий на поляка или, по крайней мере, как можно меньше в себе этот польский дух ценящий”.

Признаюсь, что такого рода “открытия”, совершаемые в кругах консервативной элиты, меня несколько забавляют. А забавляют, потому что повторяют то, что уже было опознано и описано несколько десятилетий назад — еще в литературе времен ПНР, и не только у Мрожека, которого Урбановский упоминает, но и у Тадеуша Конвицкого или Ежи Анджеевского в его романе “Мезга”, художественно несколько вывихнутом (роман впервые вышел в подполье в 1979 году). Да и подвергаемая сегодня всяческому просвечиванию “элита времен ПНР” не только сумела поставить диагноз происходящему, но и сделала первые шаги — хотя бы такое начинание, как Комитет защиты рабочих (КОР), сегодня вновь оказавшийся под подозрением, или создание сети подпольных журналов и издательств, — направленные на то, чтобы выбраться из мезгообразной западни, какую представляла собой жизнь при коммунизме. Вопрос в том, что эти начинания с трудом вписываются в консервативные традиции.

Впрочем — если приглядеться к историческому коловращению дел, то не только Польша подвергалась этим “постоянным преобразованиям, резким цивилизационным поворотам, революциям”. Неслучайно менялись номера Французской Республики, да и Германию трудно счесть страной, которая не подверглась многосторонней, глубокой реструктуризации. Дело в том, что независимо от этих перемен нигде не было речи об отказе от своего национального облика и самосознания, что не значит, будто сами они не переживали изменений. Как обычно и как всегда.

Подводя итоги своему чтению книги Рышарда Легутко, Урбановский пишет, указывая на дилеммы консерватизма, что автор, отдавая себе отчет в “заболевании” польской души, не слишком-то способен показать, каково должно быть лечение:

“Как лечить это заболевание? Возможно ли это вообще? Легутко не дает нам ясного ответа, хотя и не хочет, чтобы в его заметках усмотрели очередной плач по Речи Посполитой, а в заключение даже коротко пишет о признаках пробуждения активности поляков. Если это так, значит ли это, что еще Польша (польская душа) не погибла? Если это так, то не преувеличен ли у Легутко пессимизм? И должны ли мы, чьи мечты и заботы близки к авторским, опереться на эту старую Польшу? Безусловно, мы должны созидать свою элиту, ободрять умы, защищать традиции, хотя бы не позволяя снижать их ранг в народном образовании. (...) А если катастрофизм Легутко верен, то не лучше ли запереться в пустынноческом скиту? Но это означало бы отказ от

притязаний на роль субъекта истории... Легутко оставляет нас с этими вопросами. Я ищу на них ответы, одновременно следуя максиме Эрнста Юнгера: „Мужественно трудиться — этого в длительной перспективе не выдержит ни один противник””.

Предоставим мужественно трудящегося Урбановского — кстати, сказать, очень интересного литературного критика — самому себе и его противникам и обратимся к тексту автора, который вне всякого сомнения не принадлежит к тем, “чьи мечты и заботы близки” к мечтам и заботам Рышарда Легутко. Это статья Витольда Гадомского “По следам истинных поляков” (“Газета wyborcza”, 2008, №115). Гадомский пишет:

“Сегодня истинных поляков уже нет, утверждает Рышард Легутко. (...) В результате биологических потерь, понесенных поляками во время II Мировой войны, и продолжавшегося [около] полувека коммунистического порабощения оборвана многовековая непрерывность польской нации. Исчезла былая элита, былая архитектура, былые места, где расцветала жизнь нации. На их место пришла новая элита, новая архитектура и новые территории, имеющие мало общего с польским духом. Легутко убежден, что всё это „новое” хуже традиционного. (...)”

Очерк Легутко — не холодный историко-политический анализ. Местами он напоминает памфлет, но произносимый со смертельной серьезностью. Часть публицистов, определяющих себя как „правые” или „консервативные”, уже признала очерк краковского профессора важнейшим политическим текстом последних лет”.

Так уже было почти четверть века назад, когда [в независимой печати] появилось эссе Петра Вежбицкого “Мысли старосветского поляка” (заголовок отсылал к “Мыслям современного поляка” Романа Дмовского, создателя польской национал-демократии). Вежбицкий доказывал, что маргинализация правой общественно-политической мысли в Польше — это результат коммунистического порабощения, и требовал от правых усиленного интеллектуального труда. Его текст стал тогда предметом оживленных споров, но эта “правая” элита — по крайней мере, я так считаю — не усвоила урока, преподнесенного ей Вежбицким. Вернемся, однако, к статье Гадомского:

“Легутко дает нам черно-белую картину истории Польши минувшего века. Он пишет о польском обществе, о польской интеллигенции и, разумеется, о польских коммунистах как о гомогенных культурных множествах, руководствующихся одними и теми же мотивами. Его претензии редко обращены к

конкретным людям или хотя бы ясно очерченным группам людей. Он предпочитает неясные, обобщающие формулировки типа „некоторые круги” или неопределенно-личную форму „выдвигали”, „упорно повторяли”, „объясняли”. В этом стиле он подает механизм приспособливания поляков к коммунистической системе. Он считает, что важнейшей формой рационализации поведения перед лицом коммунизма была марксистская вера „некоторых кругов” в историческую неизбежность и их преклонение перед западной модой на левачество. (...) По мнению Легутко, после обретения независимости в 1989 г. поляки не стали нацией, так как этого не хотела элита, правившая страной. Более того, интеллигентская элита, в ПНР оппозиционная, теперь шла с коммунистами рука об руку в борьбе против национальных чаяний. В частности потому, что они „ненавидели традиции Второй Речи Посполитой”. (...) Но правда была совсем не такова. Вторая Речь Посполитая с ходом времени становилась в сознании поляков (в том числе и прежде всего — неустанно осуждаемых автором интеллигентов) мифическим краем спокойствия, благополучия, высокой культуры и терпимости. В 80 е годы почти в каждой квартире интеллигента, критически настроенного по отношению к властям, висел портрет Юзефа Пилсудского”.

Не будем преувеличивать: в словах автора статьи столько же истины, сколько и в нареканиях Легутко; в квартирах этого типа я бывал часто и как-то особо не замечал висевших там портретов Пилсудского. Но это не так важно — важно, что тогда действительно скорее чересчур высоко ценили, нежели критиковали межвоенную Польшу. Однако основой высокой оценки была прежде всего независимость, суверенитет страны, то есть то, что в 80 е годы было горизонтом чаяний польской интеллигенции. Хотя таким оценкам далеко не всегда сопутствовали националистические настроения, их возобновления можно было опасаться. С другой стороны, во имя истины следует напомнить, что озвучивание чаяний независимости — прямое их провозглашение, хотя бы во времена легальной “Солидарности” 1980-1981 гг., — было в кругах оппозиции предметом бурной дискуссии, однако речь шла скорее о тактических соображениях (“не дразнить Москву...”), чем о сути дела.

Излагая ход мыслей Рышарда Легутко, Гадомский пишет:

“По мнению Легутко, в 80 е, а особенно после 1989 г., политическая элита, вместо того чтобы укреплять нацию, выдвинула „абстрактную” идею „гражданского общества”. (...)

„Национализм, понимаемый технически, а не идеологически, то есть как сознательное ощущение непрерывности и творческой укорененности в истории своего множества, был лишен легитимности, выпихнут на обочину”, — пишет он с горечью”.

На эти мысли автор статьи отвечает следующим комментарием:

“На протяжении всего XX века шел процесс модернизации польской нации. В публичную жизнь включались новые, „низшие” социальные слои. Слово получали массы, которые стали принимать участие в публичной жизни и в созидании истории. Массы, а не элита постепенно становились решающими в определении качества нации. Процесс этот не был легок. Высокую культуру сменяла массовая (...) публичной жизнью принялись править СМИ, создающие собственных идолов и собственную элиту. (...) По сути дела польская нация сформировалась во времена ПНР. Модернизация случайно совпала с коммунизмом.

Легутко прав, утверждая, что в результате коммунистической пропаганды и централизованной организации общественной жизни поляки приобрели множество дурных навыков. Он не прав, считая, что когда-то существовали „истинные поляки”. (...) Связующая материя польской нации довольно слаба: язык, на котором нельзя объяснить ни в какой другой стране; история, в которой больше поражений, чем успехов; католичество, которое в эпоху разделов было самым сильным показателем польского духа, но сегодня связывает поляков всё слабее. Польская массовая культура — это имитация глобальной масс-культуры. Даже польская кухня малопривлекательна, и ее охотно заменяют кухней других народов. (...) Надо ли нам по этому поводу отчаиваться? Я предпочитаю, чтобы человек с польскими корнями был счастлив, жил богатой и успешной жизнью, нежели любой ценой лелеял свой польский дух и рассматривал его как миссию, которую надо нести вопреки собственным интересам. Если наше общество будет постепенно приближаться к какому-то европейскому образцу, в этом не будет ничего плохого, даже если это должно означать ослабление связи с собственной историей и традициями. Европеизацию и глобализацию я приветствую с оптимизмом. Раньше или позже в результате этих процессов возникнет наднациональная культура. В этом нет ничего нового: веками Европа жила общими традициями, культурой и языком, на котором объяснялись мыслители и на котором они писали книги, благодаря чему европейская

культура разливалась по всему континенту. Националисты — даже умеренные, такие как Легутко, — утверждают, что нация — естественная среда для личности, как семья для ребенка. По их мнению, без связи с национальной культурой человек оскудевает. Это, однако, тезис идеологический, трудно доказуемый. Права человека, о которых с иронией пишет Легутко, — ценность основополагающая, права нации — производная. Лицо польского национализма малопривлекательно. За ним прячутся комплексы, дурацкие убеждения в собственном величии, ненависть к чужим, нежелание участвовать в конкуренции и учиться у других”.

Лицо любого национализма малопривлекательно — польский тут не составляет исключения. Но, даже зная, что сама категория национального государства, укоренившаяся в Западной Европе в XIX веке, — это категория историческая, к чему я склоняюсь, и что нас ждет перспектива “какого-то европейского образца”, я все-таки не уверен, всё ли равно, какой это будет образец, на какую систему ценностей он должен опираться. Легутко считает, что как раз поляки — поляки былых времен — такой образец создали, и я думаю, что он скорее не прав и даже если прав, то неизвестно, как этот образец сегодня вновь запустить в ход, хотя и можно услышать предложения обратиться к сарматской культуре, к эпохе барокко. Это звучит приятно, но в то же время анахронично. Важно одно — а именно то, что мы задаемся вопросом о том, кто мы такие. Я во всяком случае это делаю — как личность прежде всего, а как поляк — время от времени, хотя не без интереса, что бы это могло значить.

ПУЛИ СВИЩУТ ВСЁ СИЛЬНЕЕ

— Вот вам и исполнилось 80 лет. Скажите, жизнь — она долгая или короткая?

— Страшно короткая! Когда у меня нет никаких недугов, я чувствую себя еще молодым. Только посмотрев в зеркало, думаю: “О, Боже мой! Полный распад”.

Вчера по телевидению видел рекламу путешествий и думаю: “Чёрт возьми, поехал бы я на пляж, но с такой рожей, с таким телом испортил бы всю радость молодежи. Лучше уж куда-нибудь в долину стариков”.

— Но как актеру старение, видимо, не создает вам проблем? Камера и зритель жаждут вас в любом возрасте.

— Это помогает отодвинуть в сторону тот мрачный факт, что старение и смерть неизбежны. Вокруг меня пули свищут всё сильнее. Надо наклоняться, чтобы не попали. До сих пор мне это удавалось, но если я не успею отреагировать и не наклонюсь, то и меня царапнет.

Три с половиной года назад скончалась моя жена, с которой мы прожили 50 лет.

— Как жить, когда больше нет рядом самого главного человека?

— После такой долгой совместной жизни это катаклизм. На каждом шагу я вижу ее руку. Тут она что-то сделала. Тут что-то положила. Открываю ящик стола, а там листки с ее записями.

Жизнь коротка, а человек бьется из-за какой-то чепухи. Сегодня я думаю: “Зачем?” Лучше было говорить больше добрых слов. Остается горечь по отношению к себе и ко времени. Жена была на пять лет младше, а ушла раньше. Я всегда хотел умереть первым.

Она умерла в апреле, а в декабре мы собирались праздновать золотую свадьбу. Удар. Но когда ты актер — удар ударом, а в семь часов вечера занавес подымается. И я играю в комедии.

— 54 года на сцене. Одни пишут, что вы сыграли сто ролей, другие — что двести.

— Заведомо больше ста.

— Роль в “Четырех танкистах и собаке” была ключевой?

— Нет. Когда я вошел в сериал, то уже был вполне сформировавшимся артистом. Но дети на улице долго кричали: “Густлик! Густлик!”

— На вас производит впечатление тот факт, что первым поклонникам “Четырех танкистов” уже за сорок?

— Некоторые сопоставления действуют на меня разрушающе. Приходит седенькая дама: “Вы знаете, я выросла на „Четырех танкистах””. А я думаю: “Ну, блин, я уже динозавр”.

— Вы были идолами.

— Да что там — были отличными актерами (смеется).

Однажды мы с делегацией “Фильма польского” были на кинофестивале в Москве с “Жемчужиной в короне” Казимежа Куца. Потом поехали в Бурятию, в Прибайкалье. В столице, Улан-Удэ, думаю: “Всё спокойно, никто не будет за мной гоняться”. Но проходят мимо нас мальчишки с ранцами и — топ-топ-топ — вернулись: “А ты Густлик, да?” Они этих “Танкистов” смотрели несколько раз, чаще, чем у нас детвора, и Густлика знали прекрасно.

В Улан-Удэ нам дали переводчика, но мы понимали, что он не только переводчик. Повезли нас на Байкал, а там в нашу честь на траве белые скатерти, в котелках уха, на прутьях копченая рыба — чудеса. Сидим, а вокруг море воды и море водки. Мы умышленно поднимали с переводчиком тосты за дружбу. Споели его, засунули в уазик, и он там спал. Вдруг раздвигаются кусты и выходят красавицы-бурятки. Узнают Густлика, разговоры разговаривают. А мы, как положено полякам, любезны с дамами, возносимся на вершины светского обращения. Я восхищаюсь Тамарой, Казик Куц — другой дамой, но без эксцессов, потому что вокруг нас буряты. Вернулись в Польшу, иду в Прагу, а там ко мне цепляется парнишка. “В чем дело?” — “Вам привет от Тамары”. Я отвечаю: “Познакомился я с одной Тамарой, но это отсюда семь часов полета”. А он: “Это моя тетя, она приезжает в Варшаву и хотела бы с вами встретиться” (смеется). Вот какие наши актерские приключения. Потом жене говорю: “Я же к этой девушке и не притронулся, а уже идут доносы”. Потому что жена уже про всё узнала.

Сегодня мир немножко изменился, свобода выглядит иначе. Но и так личная жизнь актеров не имеет ничего общего с

фильмами, в которых они непрерывно тормозятся в постели. Теперь уже даже не под одеялом, а совершенно голышом. Когда-то хватало чуточку приоткрыть.

— *Но в Советский Союз “танкистов” не пригласили?*

— Мы были в Белоруссии, в Бресте. Мероприятие было пропагандистское — перенос праха белорусов, убитых в Майданеке. Сначала мы всей четверкой поехали в Люблин. На Замковую площадь должны были въехать на танке, но в конце концов въехали на грузовике. Нас взяли как приманку, потому что все мероприятие было дутое, речи держали социалистические чиновники и несколько советских генералов. Но когда люди узнали, что едут “танкисты” — тут же гул, крики, побежали все к нашей машине. Вокруг стояли кордоны милиции, но не справились: люди всё попереворотили, прорывались, чтобы быть как можно ближе к “танкистам”. Был такой экстаз, как сейчас на рок-концертах.

— *Вы поднялись на сцену и...?*

— Нет, мы стояли на своем грузовике. Потом был банкет, и советские генералы говорили: “В Бресте мы организуем это лучше”.

От Люблина до Бреста вместе с этим прахом мы ехали через разные местности в открытой машине. У дорог — топы людей, и не потому, что везут дорогие останки, а только чтобы увидеть “танкистов”. Каждая деревня желала нас приветствовать — в одной деревне директор молокозавода принес нам сметаны.

Пересекаем границу, в Бресте опять толпы детишек. Чиновники предупреждают: автографов не раздавать, а то вся официальная часть рухнет. А мы друг дружке: “Ах, сукины дети — они будут довольны, что всё себе хорошо организовали. Ну мы им покажем”. И начали раздавать автографы. И как всё забурлило....

— *Вы не чувствовали, что пропаганда вас использует? И в сериале, и потом?*

— Знаете ли, я не стыжусь участия в этом сериале. Это был тяжелый труд. Я взял в краковском Старом театре полтора года отпуска, но работа над сериалом продолжалась три года, постоянно дым, взрывы, беготня. Это был фильм военный и приключенческий, тема войны трактовалась с некоторой легкостью. Дети, взволнованные судьбой Шарика, создавали группы, чтобы улучшить судьбу собак, которых мучили в

деревнях. “Танкисты” были для молодежи свойскими и близкими.

— *Тем легче было манипулировать молодежью...*

— Я не чувствую, чтобы политически дурно влиял на молодежь. Легко критиковать, когда живешь в других реалиях. Но тогда мы показывали историю отцов и дедов, вывезенных в Сибирь, которые — чтобы вырваться из лагерных клещей — шли в Первую армию. Это как раз была правдивая история. Снять сериал об армии Андерса в то время было невозможно. Но и то правда: политики вспомнили о “Четырех танкистах”, когда увидели, что сериал нашел большой отклик у молодежи. Раньше нас критиковали: война, мол, не настоящая, пули “танкистов” не берут. А в сериале — то было 26 эпизодов, и не могли же главные герои погибнуть в первом.

— *Что вы чувствовали, когда председатель телевидения Бронислав Вильдштейн положил “Четырех танкистов” на полку?*

— Но нажим публики привел к тому, что при новом председателе картины на телевидение вернулась. И что, экс-коммунистам прибавилось сторонников? Это преувеличенная чувствительность. Я политикой никогда не занимался, но меня бесят идиотские формулировки, нерушимые истины, провозглашаемые ex cathedra. Таких нерушимых истин мы наслушались при социализме. Я, человек старый, не хочу этого слушать: мир летит вперед, и истины меняются.

— *Не обратилась ли против вас популярность “Четырех танкистов”?*

— Нет, ни лично, ни в смысле актерского мастерства. Я, знаете ли, еще в 29 лет играл в театре стариков. После Густлика я сыграл много ролей, которые с темпераментом и личностью Густлика ничего общего не имели.

— *Эксцентричная художница-перформер Алиция Жебровская рассказала в одном интервью, что видела вас во сне: “Иду через заболоченную деревню, вижу халупы и знаю, что я страшно несчастна. И там стоит Францишек Печка, мощный, как статуя, и берет меня на руки. Я чувствую себя как в колыбели, удобно и чудесно, а он держит меня крепко и крутится, как карусель. Я кружусь всё быстрее и быстрее, пока не дохожу до оргазма, и просыпаюсь”.*

— А я этого никогда не читал...

— *Отбрасывая эротический мотив, быть может, этот сон — описание вашего актерского облика: сильный мужчина, к которому можно прислониться, как к дереву.*

— Нет, меня скорее помнят как сверхчувствительного. Как, например, главный герой “Жития Матеуша” Витольда Лещинского. Матеуш — это мужчина с душой ребенка, он не способен противостоять миру. Люди с ним обращаются как с безмозглым. Он живет с сестрой Ольгой в доме у озера, живет продажей свитеров, которые вяжет Ольга. Но в Ольгу влюбляется дровосек. Матеуш чувствует себя потерянным и выбирает смерть.

Помню, какие в те времена у нас были тепличные условия: мы вели съемки у озера Вигры, отрезанные от мира. Но я пережил там личную драму: умерла моя мать, и меня искали по радио, а я ничего не знал и опоздал на похороны.

Примерно в то же время в картине “Солнце восходит раз в день” Генрика Клюбь я сыграл Гаратыка, предводителя гуралей, который после войны формировал их жизнь. Он построил лесопилку, на которой гуралы написали: “Народная собственность”. Для властей вроде бы всё в порядке, но Гаратык никаких властей не признавал и после столкновения с начальником ГБ сел в тюрьму.

Эти крайне различающиеся фигуры Матеуша и Гаратыка я сыграл в одно и то же время, но “Солнце восходит раз в день” пролежало на полке шесть лет. И ко мне прилипло мнение, что я играю чересчур чувствительных.

— *Больше всего вы играли у Яна Якуба Кольского. Вы сыграли, кажется, в восьми его картинах.*

— С Янеком мы познакомились на съемках “Четырех танкистов” — он был сыном знакомого монтажера. Я спросил, кем он собирается стать. Он сказал: режиссером. И обещал, что займет меня в своем фильме. Двадцать лет спустя он явился ко мне и заявил, что намерен сдержать обещание.

— *Кольский однажды сказал: “Каждый новый фильм меня почти убивает. Снимая „Жасмин”, я должен был запихивать душу под солнечное сплетение, иначе она от меня убежала”. Вы как актер ощущали это, видели?*

— Когда Кольский начинал как режиссер, он на съемках был вежливый, бесконфликтный, спокойный. Известно, что режиссеру надо обладать душой ангела, но одновременно

сержанта-фрунтовика, чтобы владеть всем механизмом. Однако люди из группы всегда его любили: он ценил работу каждого. У него всегда хватало смелости, чтобы снимать фильмы со своей поэтикой и эстетикой. Может, они не были модными, но премии, тем не менее, получали. Но для меня важнее всего было то, что у нас схожая эмоциональность, что мы одинаково смотрим на мир. Сначала смотрим и только потом из этого смотрения, из этого восторга приходит понимание.

— Вы родились в Годове — чувствуете ли вы себя богаче благодаря силезским корням?

— Богаче за счет силезского детства. За счет традиций, которые прекрасно показал Казик Куц в своих фильмах: уважение к семье, материнская забота о домашнем очаге. До войны шахтеры считали, что должны заработать столько, чтобы содержать весь дом. И мой отец отдавал деньги матери, которая управляла домом, потому что, как говорит поговорка, мужик советует, а баба приказывает (смеется) После тяжелой работы в шахте он съедал обед и шел работать в поле, потому что у родителей был еще и гектар земли. Пахал он на коровах, и я по сей день помню, как он толкал плуг, чтобы коровам было легче, потому что им еще надо давать молоко и выкормить семью. До войны отец пять лет был безработным. Тяжко было, а у меня было две сестры и три брата. Но я до конца не отдавал себе в этом отчета, потому что практически воспитывался у соседей-трактирщиков — они обращались со мной как с сыном. У них самих было три дочери и единственный сын. И никто из них не завел семью — такая редкость. И я после школы с тетрадями и книгами шел в семью Гродоней, чувствовал там себя хорошо. У их сына был БМВ — можете себе представить: в деревне до войны? — я с ним ездил. Вечером сестра за мной приходила, на дорогу мне давали конфету, она брала меня за руку и откусывала от конфеты. Сестры говорили: “Ты нужды не знал, ты у Гродоней рос”.

— Голода вы у них не знали?

— Нет, совершенно. Но и дома мы как-то управлялись. Делали блюдо из черствого хлеба: нарежали его кубиками, в большой миске заливали кипятком, подкрашивали копченой солониной и ели.

— Как вы попали в эту семью?

— Родители пошли на вечеринку, а я вывалился из колыбели, подполз к двери и принялся кричать. Тут как раз проходил

трактирщик Гродонь, пожилой господин с тросточкой, и услышал мой рев. До войны не было обычая запира́ть дом, даже на ночь. Он хотел войти, но не мог, потому что я лежал под дверь. Спустя много лет он рассказывал, что тросточку вставил в щель и отодвигал меня, отодвигал, пока дверь не открылась. Тогда он взял меня на руки и отнес к себе в трактир как своего ребенка.

У моего родного Годова древняя история, больше 700 лет. В приходских книгах есть записи, что первого Печку в XVIII веке звали Адам. Настоятель рассказывал, что тогда так водилось: незаконных детей называть Адамом или Евой. Я ответил: «Отче, это выходит, я из внебрачного рода» (смеется).

— Вы думаете, что если бы родились в Варшаве, то ваши роли не выглядели бы такими подлинными?

— Это вопрос личности, а не места, откуда ты родом. Нет, я не всосал актерство с молоком матери. Мои родители и представить себе не могли, что я стану комедиантом. В Силезии люди твердо ступали по земле. А для моего отца актеры были артистами-голодранцами.

В Силезии шли на шахты от отца к сыну. И отец думал, что я буду шахтером и всё будет хорошо, потому что это настоящая работа, на голову не каплет, — такие у него были аргументы.

А я? Сразу после войны я некоторое время с приятелями занимался контрабандой. Мы купались в Ользе и обменивались товаром. Из Чехословакии к нам шла обувь Бати, а чехи брали солонину, спиртные напитки и мясо. Но я это бросил и в возрасте 18 лет, сразу после неполной средней школы, пошел на шахту «Барбара-Освобождение» в Хожуве и год проработал. Прокапывал ходы, соединяющие штреки. Но шахту тоже бросил, не хотел заболеть силикозом. Кто со мной работал — никого нет в живых, молодыми померли.

— Вы считаете, что работа на шахте могла оказать влияние на ваше актерство?

— Разумеется. Творческое актерство состоит в том, чтобы собственным опытом обогащать свои роли.

Я уволился с шахты и пошел на университетские подготовительные курсы в Катовице. Это была школа для тех, кто не смог закончить среднюю школу. Когда в 1939 г. вторглись немцы, я был в пятом классе. Силезию включили в состав Рейха. Польскую школу превратили в немецкую, три года я в

нее ходил. Если на улице жандарм услышит, что мы говорим по-польски, сразу порка.

— *К вам относились как к гражданам Третьего Рейха?*

— Конечно. Если б я был на 20 дней старше, то, как мой товарищ, оказался бы в Вермахте. Он родился в декабре 1927 года, а я — 18 января 1928 го.

Так что после войны мое образование было очень дырявым, поэтому я и пошел учиться на подготовительные курсы. Но об актерстве я и не думал.

— *На сцену вас вывела Польская объединенная рабочая партия?*

— В 1948 г. было объединение ППР [Польской рабочей партии, как стала называться во время войны компартия Польши, в 1938 г. распущенная решением Коминтерна] и ППС [Польской социалистической партии], и дирекция школы выбрала кандидатов выступать на торжественном заседании в честь создания ПОРП. Судьба так хотела, что среди них оказался и я. Мы читали стихи.

— *Какие?*

— Не помню — может, Маяковского? Меня услышал полонист Болеслав Маляк и принялся вертеть мне дырку в голове, чтобы я вступил в кружок декламации при воеводском доме культуры. А я уперся: нет и нет. Дали мне тогда билет на их выступления, я пошел, но сразу сбежал. Маляк пошел к директору курсов, чтобы она на меня надавила, и так как-то я начал с ними выступать.

Окончив курсы, я мог поступать без экзаменов в любой вуз, кроме художественных и театральных. Месяц проучился на электротехническом факультете Гливицкого политехнического, но уже заболел театром. Бросил зачетку и поехал в Варшаву. Пошел в театральное училище на занятия Александра Зельверовича, и мы договорились, что я приду к нему домой. Ему тогда уже было трудно двигаться. Он был деканом актерского факультета и имел неписаное право по своему усмотрению принять одного кандидата.

Я читал какую-то прозу, в глазах Зельвера видел одобрение. Ну, думаю, уже всё в порядке, а он говорит: “А теперь, пан коллега, скажите три раза слово „город”: как фабричный город, как город с историческими памятниками и такой город, как Лас-Вегас”. Я обалдел. А что такое Лас-Вегас? Он поглядел на меня: “Ну, знаете, такой город, полный игр и развлечений”. Я сказал

и чувствую, что не так. А он: “А теперь измените порядок городов”. А я от волнения забыл, какие должны быть города. Как в тотализаторе — угадал, и он говорит: “Вы приняты”.

Я поехал к родителям, а там буря. Отец говорит: “Сынок, ты после работы мог бы в каком-нибудь театральном кружке играть, а после Политеха у тебя была бы профессия в руках”.

— А отцовская безработица не толкала вас в объятия коммунизма?

— Отнюдь. Отец был человеком аполитичным. До войны, конечно, бывал безработным, но когда у него была работа, то содержал семью из восьми человек. А после войны зарабатывал столько... — ни жить, ни умереть. Из-за этого у нас не было коммунистического энтузиазма.

— Но Сталин все-таки оказал влияние на вашу учебу?

— Сталин на нас всех оказывал влияние. В театральном училище на моем курсе мы составляли сильную группу отклонявшихся от нормы: Веслав Голас и ныне покойные Ежи Добровольский, Здислав Лесняк, Мечислав Чехович и Кшиштоф Хамец.

Сталин откинул копыта в 1953 году, а у нас в училище на Мёдовой в коридоре поставили — мы это так называли — “гроб господень”. Он выглядел, как в костелах на Страстную. При гробе Сталина, с бюстом и цветами, мы должны были стоять как стражники. Сменялись по двое, один с одной стороны, другой — с другой.

— С кем вы стояли в карауле у гроба Сталина?

— С Метеком Чеховичем, а Здись Лесняк и Весек Голас смотрели, не идет ли какой-нибудь профессор. Когда никого не было, они становились на колени и: “Господи помилуй, Господи помилуй!” — били себя в грудь, крестились и смешили нас. Но когда мы начинали смеяться, они останавливались. А то если бы мы как следует расхохотались — конец, кто-нибудь увидел бы и донес.

Наши стипендии были ничтожными, но потерять их — это была катастрофа. Однажды одна наша сокурсница сказала: “Боже, как получу стипендию, то куплю себе маниллу и на месте сгрызу”. Манилла — это была такая длинная, 200 граммовая настоящая шоколадка. Мы говорим: “Феля, если сгрызешь за один раз — но чтобы грызла и хрустела, как белка, — то мы тебе купим”. — “Ладно”. Купили. Феля берет: хруп-

хруп-хруп — и двухсот граммов шоколада как не бывало. Но кто-то донес ректору и товарищам из Союза польской молодежи. Вызвали Фелю: “Рабочие тяжело работают, чтобы вы получили стипендию, а вы разом обжираетесь маниллой?!” И на месяц или два лишили ее стипендии. Мы скидывались, чтобы Феля могла это время пережить.

— *В СПМ вы должны были записаться.*

— Все мы. Если б я не был в СПМ, не был бы и в училище.

В анкете мы должны были писать происхождение: рабочее, крестьянское или интеллигентское. И Кшись Хамец написал: крестьянское. Но один студент был сыном батрака в большом имении Хамецов. Он поссорился с Кшисем и донес. Кшися вызвали, скандал, созвали собрание СПМ. Мы между собой говорили: “Когда будет голосование об исключении, голосуем против”. И вот собрание, идет голосование: “Кто против того, чтобы исключить из вуза Кшиштофа Хамеца?” Я понимаю руку и смотрю: о, холера, больше никого. Думаю: “Пусть у меня рука отсохнет — не опущу”. После собрания вызывают меня и устраивают головомойку. Но ничего со мной не могли поделать, происхождение у меня было кристальное: отец — шахтер, и сам я работал на шахте. Поэтому аргументация была такого рода: “Вы деклассируетесь! Понимаете? Вы предаете свой класс!” Но я говорю: “А какая моя заслуга или Кшися вина, что я родился у шахтера, а Кшись — у типа, имевшего много земли?”

— *И чем кончилось?*

— Меня расчихвостили, но Кшися все равно исключили.

С сегодняшней точки зрения, это забавные истории. Например, такая: мы жили в вилле на Белянах, внизу девушки, мы на втором этаже, ванная комната общая, часы пользования распределены. Бегу в ванную, Здись Лесняк купается голый, а на краю ванны сидит Ядзя и стирает свои трусы. “Ну, — думаю, — что-то будет?..” А было так: Здись пришел в ванную и говорит: “Ядзя, выйди на минутку, я быстро душ приму”, — а та отвечает: “Нет, теперь наше время”. А он тогда: “Ну если нет, то я раздеваюсь”. Ядзя на него донесла, и Здисю — это уже был последний курс — отложили защиту диплома. А сегодня такого рода поведение — это прямо проверка на профессиональную пригодность (смеется).

Когда в 1954 г. мы кончали училище, все комсомольские активисты уговаривали нас ехать в провинцию, привезти туда

свежесть и превратить нравственное болото в рассадник здоровых общественно-политических позиций. И мы все с нашего курса, как миссионеры, поехали обращать грешные души в Еленю-Гуру, а эти комсомольцы траханные остались в Варшаве.

— *И вы обращали?*

— Не на тех напали: мы — и обращение грешников?

Приехали мы туда в момент острой напряженности. В театре Еленей-Гуры гэбуха посадила многих людей из труппы за создание молодежных организаций.

Я и другие ребята были в Еленей, а Здись Лесняк — в Опольском театре. В письмах он подписывался “Муха”: в школе мы только так его и называли. Письма я читал вслух в автобусе, когда мы ехали выступать. Однажды я играл партийного секретаря в “Сорняках”, была такая “производственная” пьеса: дело происходит в госхозе, где сажают свеклу по линии партии. А Здись писал: “Как приедет Андерс на белом коне, ищи себе в Еленей-Гуре хороший фонарь. Потому что тебя надо будет повесить”. Шуточки, хохмочки. Читал и смеялся, и Весек Голас тоже. Донесли!

Я об этом ничего не знал, пока в ресторане ко мне не подошел старый актер Кароль Хожевский: “И вы организацию создаете? И так уж полтеатра посадили!” — “Какую, — говорю, — организацию?” — “А кличка „Муха”? — говорит он. — Полгода за тобой по пятам гэбэшник ходит”. А Кароль выпивал с гэбэшником, и тот ему по пьянке проболтался. А Здися в Ополе вызвали: “Вы переписываетесь, в частности, с коллегой Печкой. Что это за кличка „Муха”?” (смеется).

Перед отъездом в Еленю-Гуру я познакомился в Варшаве с моей будущей женой. Я, сын шахтера, женился на дочери шахтера.

— *Силезская любовь?*

— Нет, жена родилась во Франции, ее родители туда эмигрировали. Она училась в Варшавском университете на журналистике. Поженились мы в Еленей-Гуре. Через год Кристина Скушанка и Ежи Красовский предложили мне работу в Народном театре в Новой Гуте. Жена перевелась в Ягеллонский университет, кончила романское отделение и осталась там работать ассистенткой.

Восемь лет спустя Скушанка с Красовским ушли в Варшаву, а я еще год работал, когда директором был Юзеф Шайна, с которым

мы и сейчас дружим. В “Радости от обретенной помойки” я играл генерала Барча, Витольд Пыркош — майора Питя, а Шайна сделал декорации и костюмы. На репетиции смотрит на мой генеральский мундир, берет ножницы и... дзынь-дзынь-дзынь — тут кусочек вырезал, дзынь-дзынь-дзынь — там кусочек обрезал. Говорит: “Сними мундир”. С лица и с изнанки его выжег, и я выглядел, как после взрыва (смеется). Приходит Красовский, который ставил пьесу, и восклицает: “А это что такое?” — “Костюм”. — “А кто это сделал?!” Такой у Юзя был творческий темперамент.

В “Ревизоре” в постановке Шайны я в роли Городничего сидел в ванне с голым пузом, и с меня этого хватило. Я видел, что уже не развиваюсь. Юзь делал живописный театр. Здислав Маклакевич, когда шел к Шайне в театр, сказал: “Слушай, я готов играть сиротку Марысю, лошадь, козу — всё! Но только не зеленъ, багрянец, синеву”. Я тоже не хотел.

— *Вы однажды сказали: “Не могу согласиться, чтобы актер был марионеткой”...*

— Когда мы гримировались, звали Юзя: “А какую краску наложить?” Отвечает: “Единичку”. А единичка была белая. Актер накладывал на лицо белую маску и был клоуном. Марионеткой. Была только мимика. Актера не было.

Не выношу, чтобы мной так манипулировали. Я хочу сознавать, что я делаю. Режиссер не может навязывать свой образ, не оставляя актеру никакой свободы. Я ушел в краковский Старый театр. Тут я попал в руки Конрада Свинарского, а у него актер чувствовал себя сотворцом спектакля. В этом-то и дело, только так можно полностью выложиться. Когда на репетициях актер хорошо сыграл сценку, Конрад так радовался, будто ему кто-то тысячу злотых сунул в карман. У него я сыграл главного героя в “Войцеке” Бюхнера. Мы были в Кёльне, и немецкая пресса писала, что этот спектакль — одна из самых выдающихся постановок немецкой пьесы.

— *Когда в 1994 г. на кинофестивале в Гдыне вы получили премию за лучшую мужскую роль в “Янеке-Водолее” Кольского, вы сказали: “Боже, зачем Ты мне даешь больше, чем мне нужно?” Вы не зависите от славы?*

— Не скажу, что я выше этого. Помню, в 1968 году мы поехали с “Житием Матеуша” в Канны. Фестиваль тогда не состоялся из-за студенческих демонстраций. Но в том же году я получил за роль Матеуша “Серебряного Гуго” на фестивале в Чикаго. Из “Фильма польского” мне прислали извещение о премии, а

статуэтку не прислали. Я начал искать свое серебряное приданое, был на Мазовецкой в “Фильме польском”. Какой-то чиновник поставил себе его на письменный стол как пресс-папье. Но я уперся — и статуэтку получил. Два или три года спустя.

Премии, конечно, приносят удовлетворение. Но я никогда не считал, что актерство — это миссия.

— Но что-то все-таки актерство вам дало?

— Отдых от серости. Неизвестно почему, но я вдруг оказался в других реалиях. Это радость — быть кем-то другим. Какой-то душевный эксгибиционизм... Но в то же время я чувствую, что благодаря моему взгляду на своего героя я могу зрителю сказать что-то от себя.

— Но вы не хотите отдыхать на пенсии и продолжаете играть в “Повишемном” театре...

— Я знаю, что должен быть в форме, так как ровно в семь вечера занавес подымается. Это держит меня в живых.

— Говорят, что вы такой актер, который не играет действующих лиц, а становится ими. В какую роль вы углубились сильнее всего, так, что внешний мир перестал существовать?

— Так, чтобы я потерял себя и не знал, что происходит? Никогда я настолько себя не теряю. Если бы с актерским искусством все было так плохо, то нельзя было бы играть “Отелло”: не хватило бы Дездемон, потому что Отелло на каждом представлении одну обязательно удушил бы.

Беседу вел Дариуш Загорек